

Проф. С. В. БАХРУШИН

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ
В XVI и XVII вв.**

МОСКВА
ИЗДАНИЕ И. С. САБАШНИКОВА
1928

ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

Александров, Д. Промыслы Петербургского уезда. Историческая справка	— 45 к.
Артефакт, Димитрий. Комедия. Перевод со статьи и примечаниями А. Плотникова	1 р. 4
Артефакт, Владимир. Комедия. Перевод со статьи и примечаниями А. Плотникова	1 р. 30 к.
Башкиров, К. Солонная прелесть. Наблюдения стихотворения за 1899—1916 гг. с портретом	— 10 к.
Борской, С. Я. Еврейская земледельческая колонизация в старой России.—Политика. Идеология. Хозяйство. Быт.	2 р. —
Вабер, М. Аграрная история древнего мира. Перев. проф. Д. Петрушевского с приложениями статьи проф. С. Ростовцева „Русский Коллизия“	1 р. 35 к.
Голубинина, А. Несколько слов о ремесле скульптора	— 60 к.
Дармштедт, Платон Александрович. Вертебральная палеонтология	1 р. —
Дальгорский, И. Наблюдения слепых 1755—1825 гг. Журнал путешествия по Москве в Петербург в 1818 г.	1 р. —
Евреица, Др. Ифигения Ахиллеса. Ифигения Тавропестская. Ион. Кипсод. Перевод Иониканта Ахиллеса с комментариями Ф. Зелинского	8 р. —
Захаров, А. Эгейский мир в свете новейших исследований, с иллюстрациями	1 р. 30 к.
Зелинский, Ф. Ахейский мир. Эпоса, три выдержки по	— 30 к.
Корнилов, Курт. История России XIX века, три части по	1 р. 30 к.
Леонид, Д. Деревянная архитектура. Рассказы с гравюрами А. Кузнецова	— 80 к.
Леонид, Л. Путешествия по России	1 р. —
Левин, Л. Турантур. Рассказ	— 60 к.
Лонгфелло, Песни о Гайнате. Перев. И. Бруни	1 р. 30 к.
Любимский, М. История земледельческих орудий	1 р. 80 к.
Мещеряков, Б. Анна Петровна Керн	1 р. —
Назаров, Абульмамед. Семь красавиц. Рассказ индийской истории. С переводом	— 25 к.
Остроумов, Л. Дочь алтаи. Роман	1 р. —
Полновоз, Н. Абрамидо. Воспоминания. С рисунками	4 р. —
Рубин, Перевод с древне-аравийского А. Эфроса и гравюрами на дереве В. Флауэрского	2 р. 75 к.
Слова о полку Игореве. Сопоставление с первого издания 1802 г. со статьей М. Сперанского	— 50 к.
Сперанский, М. И. История древне-русской литературы. Классический период	8 р. —
Евдок. История древне-русской литературы. Московский период	1 р. —
Талстой, Н. Охота на Кавказе. Рассказ	— 80 к.
Туркин, В. Владыка. Евангельская литература	2 р. —
Феррера, Г. Валентин и падение Рима. Перев. А. Захарова, т. IV. Республика Августа	1 р. 30 к.
Томас, Т. V. Август и Великая Империя	2 р. 30 к.
Чижов, А. И. Старая архитектура города	2 р. 35 к.

Проф. С. В. БАХРУШИН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ В XVI И XVII В. В.

МОСКВА

ИЗДАНИЕ М. И. С. САВАЩИНОВЫХ

1927

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Сибирь, начиная с XVI века, привлекала предприимчивости и энергию русского народа. Сюда шла стихийная волна свободного переселения, сюда же направлялась организованная правительством путем искусственных мероприятий. Результатом этого двойного процесса явилась освоение русской народностью всей обширной территории к востоку от Урала до Тихого океана. Перед войною в Сибири русских уже считалось более 80% всех жителей, при чем главное зерно составляли доблестные. Сибирь таким образом, говоря словами П. М. Голубячева, «за всех окрестки России явилась исключительно русской по преобладающему составу своего населения».

Это обстоятельство делает особенно интересны историю колонизации Сибири особенно важными. Не приходится повторять слишком часто широкую мысль Токвиля, что в молодых странах всего сильнее характерны черты метрополии. Эта мысль, справедливая по существу, заслуживает особого внимания, когда дело идет о такой стране, как Россия, в которой, по определению В. О. Ключевского колонизация «была основным фактором истории».

Сибирь, однако, за последние десятилетия выросла на рамок простой колонии, являющейся экономически и административно от своей метрополии. Начиная с второй половины прошлого столетия, экономический рост Сибири, вызванный общим индустриальным подъемом России, создает здесь новые условия, способствующие развитию количественной возможности и в связи с этим культурного процветания края.

Одновременно отмечаются стремление и создание новых форм административного устройства, отвечающих происшедшим внутренним изменениям и успехам сибирского самосознания. После революции это стремление нашло себе осуществление в реорганизации Сибири по областным началам, обеспечивающих ей экономическую и культурную самостоятельность. С этого момента Сибирь начинает жить новой типичной жизнью, и на глазах у нас происходит неударный культурно-хозяйственный рост этой обширной страны.

Естественно, что поля фаз, в которую вошла Сибирь, должны были вызвать усиливший интерес к ее прошлому и сподобиться интенсивному научному ух пилания, которые привели к созданию новой Сибири. Этот интерес проявился в публикации «Обзора истории Сибири» В. П. Огородникова, объединяющего результаты предшествующих работ в этой области, и специализированных трудов по истории открытия и освоения Сибири, вроде монографий Л. С. Варта, в целом ряде этнографических исследований, как «Халхалы» Н. П. Козыкина, «История Якутии» Г. Никольского, «Исторический очерк Вилюйского края» В. А. Смирнова, «Обзор истории бурят-монгольского народа» М. Н. Водопьянова, Сборников Якутского Общества «Саха-Кыһым» и др.

В пробуждении исторического интереса отразилось несомненно и национальное возрождение туземных народностей Сибири, в настоящее время признанных и участвовавших в строительстве своей страны.

Этот интерес к истории Сибири и оправдывает внимание и к началу настоящей книги.

«Обзоры по истории колонизации Сибири в XVI и XVII в.в.», первый выпуск которых выходит в настоящее время в свет, не преследует цель представить законченное последовательное по истории колонизации Сибири в течение указанных столетий. Их задача — дать лишь общую картину колонизационного процесса на основании далеко не полного архивного материала, как изданного, так и неизданного. В основе их лежат отдельные сообщения и доклады, которые делались равноприсущием в научных учреждениях и обществах, объединенные в настоящее издание общим планом. Точные происхождение «Обзоров» отразилось на отсутствии в них единства формы и внешней ценности, но не мешает, смею думать, общего построения.

Выпускимый ныне первый выпуск является как бы «Введением» в историю колонизации Сибири. В него вошли заметки историко-географического характера, сведения о путях в Сибирь и краткий исторический очерк продвижения русских на Урал. Отдельные отрывки из этой части «Обзоров» помещались преимущественно в печати или были предметом устных сообщений. Так, в главу о Сибирском летоисчислении включены основные материалы, изложенные в статье, помещенной в журнале «Историческое Извещение» (М.) 1918 г., № 3—4: «Туземецкие летописи в «Сибирской истории» С. Ремезова», а в приложение к ней наложены доклады, сделав его весной 1926 г. в Секции Русской истории Научно-Исследовательского Института Иностранцев на тему: «Историческая память Вилюя в Сибирю». Глава: «Главные тенденции сибирской историографии с XVIII века» была в сокращенном переводе на японский язык в журнале «Обзорная Азия» за 1925 г. (№ 1—2). Пути через Урал и в Оби на Вилюй охвачены предметом

нескольких докладов автора в Академии Материальной Культуры Японии, глава, посвященная русскому продвижению на Урал, в основной своей части вошла в «Исторический очерк» изданной Сибири до появления XIX века — впечатанный по второму выпуску издания Комитета Севера при Русск. Географ. Об-ве и Северный Колониз. Комиссия — «Обзоры по истории колонизации Севера и Сибири».

Перечисленные отделе в значительной степени переработаны и дополнены так, чтобы составить одно целое.

Дальнейшие выпуски задуманы по следующему плану:

1. Сибирские вояводы в XVI—XVII в.в.
2. Русская колонизация в XVI—XVII в.в.
 - а) Русские торги и промыслы в Сибири,
 - б) Военная оккупация.
 - в) Память.
 - г) Церковная колонизация.
 - д) Средства сообщения.
 - е) Общие итоги.
3. Укрепление и финансы Сибири в XVI—XVII в.в.

Настоящий выпуск «Обзоров» начал печататься в 1926 году и печатался в перерывах в течение четырех лет. Это неизбежно должно было отразиться на его внешней форме и даже на содержании. Проздана свою работу, а многого хотел бы в ней теперь изменить и написать вновь. Некоторое дополнение и поправки внесены в приложение.

В заключение считаю своим долгом привести глубокую благодарность издательству М. и С. Сабашниковых, благодаря которому эта книга увидела свет.

С. Багрянца.

31 декабря 1926 г.

При ссылках на источники и пособия допущены следующие сокращения:

- А. М. П. Д. — фонды б. Архива М-ва Иностранных Дел, ныне в Московском Др.-литохранении.
 А. М. Ю. — фонды б. Архива М-ва Юстиции, там-же.
 Сиб. прих. — дела Сибирского приказа, хранящегося в Московском Др.-литохранении (фонды б. Архива М-ва Юстиции).
 Прик. д. ст. лет — Приказные дела старых лет, там-же (фонды б. Архива М-ва Иностранных Дел).
 А. П. — Акты исторические.
 Д. А. П. — Дополнения и Акты Исторические.
 А. А. В. — Акты Археологической Экспедиции.
 П. С. Р. Л. — Полное Собрание Русских Летописей.
 Р. И. В. — Русская Историческая Библиотека.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ.

ВОПРОС О РАСПРОСТРАНЕНИИ РУССКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В СИБИРИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

СИБИРСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ.

А. Летопись, относящаяся к общему первооткрытию Русскою Кавказом и восточный из Сибирок. Вопрос о владении отчасти Сибирки и Успенской и Сиваковской летописей. Научные и литературные работы Стратановской и Елизаров в летописи. «Написание» Ремезовских летописей и ее летописки. Сибирская хронология.

Б. Летописи, по владениям к «Историям»: Кузнецкая летопись и ее летописки; повесть, относящаяся к «Историям Сибирского государства».

В. Летописные списки конца XVII и XVIII вв.

Сибирь, с ее неисчислимыми естественными богатствами, с ее дикой и своеобразной природой, рано при первом знакомстве с нею, произвела на русского человека, проникшего за Урал, сильное и глубокое впечатление. Уже Уральские горы, — «камень превысочайший зело, яко додесяти иным холмам до облак вобетных», — эта естественная граница между Русью и Сибирскою землею, утешивленная «божиими судьбами, яко стоиши граду утверждениа», поражали его бедное воображение, привыкшее к однообразному ландшафту равнины. «На сего же камени растяху дереве различное: кедр и пихта и прочая; в них же житольство имеют зверье различное, они подобны на овиденно человеку, они же на украшение и на одежие раз... Много же и сладко-веселые птицы, паче же и многообразные травы и цветы. На сего же камени реки многие истокоша... Дини убо ости, яко божиими судьбами реки тамо бысть... пространны и прекрасны зело, в них же воды сладчайши и рыбы различные множество; на пеходницах же сих рек дбрь плодовитая на житву и скотопитательные места, пространна зело»¹⁾. В таких восторженных выраженьях описывает князь XVII века природные богатства Зауральского края. Непосредственно и своеобразно ему яркостью выразил ощущение, испытываемое русским человеком от подавляющего величия сибирской природы, протопкой Аппакум: «Горы высоки, дбрь непроходима, утес каменный, яко стина стоит, и поглядеть, заломли голому! И его поражаело обилие природных благу: «звери многи — в очю пашу, а злать медья», «многое множество птиц», «котельные, яко снег» осыпают поверхность Байкала, «а рыбы зело густо», и такой изричей, что «нельзи на скворода жарити, зельное будеть, «и трави краенны и благовонныя зело». «А все то у

¹⁾ Сибирские летописи. Изд. Археогр. Комитета, стр. 109—110.

Христа света надевано для величия, восклицает он: «чтобы успокоился, хвалу (оту похвалила)»).

Сибирь, сделавшись достоянием русской царственности, не могла не привлечь к себе великого любопытства, и очень рано явилось желание узнать, как и при каких обстоятельствах пролился русский в эту землю обетованную и подчинили добры в горы подейственно русской христианской культуры: «описание важнейшее земли Сибирскую оная, несомненною гром огнем, заплате же во зимних-же месяцах истинная грады и вьюги божии чернзи создахася... и мнози невернии, увидевши христианскую веру, крестившии во имя отца и сына и св. духа, и от неверия быша верни, и повсюду благодать назван боими в Сибирейю земле»).

Этот интерес к истории первых шагов русской колонизации в Сибирь явился себе официальные выражения только по основании Сибирской архиепископии в 1621 году. В сан первого архиепископа был возведен архимандрит Новгородского Хутынского монастыря Кирилл. Вновь назначенный перерх выдвинулся в смуту при инопавших с иноведом правительством: когда переговоры об избрании на царство Карла-Финляндия, он под рукой работал в поклаю иноведовщины Новгородца в Московском государственном, под епископом Михаила. После Столбовского мира он сделал головокружительную карьеру; поименовану, его деятельно в Новгороде, вышедшая на него даже гонимости от стороны шведских властей, была оценена новым правительством. В 1620 году он был назначен на вновь созданную архиепископскую кафедру в Тобольске; пробыл в Сибирь 2 1/2 года, он, по возвращении в Москву, был возведен в сан митрополита Крутицкого, а затем и митрополита Новгородского. Это был властный и умный человек; уже в истинные времена Хутынского монастыря сумевший спасти выходящее вольное и держаться с достоинством и независимостью. Как люди, прошедшие тяжелую жизненную школу и достигшие высокого звания после многих невзгод, он был самодеятелен, вынослив, горд и намерен и любил опираться своей сан великодушным и блеском. Он принадлежал к числу тех высокоученых кляриков, которые величали церковью наше светской власти и из среды которых вышел великий Никол. В близости митрополитом новгородским, он привнес себе титул государя; его «единоличные» звание и дружили на поставших «во великой рещи, где думается митрополита псалты, и его именован: государь митрополит»; «го страшнее при официальных сношениях с Смоленск иской титулован: его зови же титулом. Соответственно своим высоким представлениям к сану митрополита, он воспринял себе пышный двор

на подобие царского, окружил себя переманшата, свопировавшим с придворного, проврал во всем гордость, того при пышных митрополитах не была не. Он устраивал торжественные приемы лицам, принадлежавшим к новгородской архиепископии, на которых благоустоял их «в сказании», а по «рядным обычаем». При вьездах в город и в монастыри и церковным службам, он ездил лети в санях; во время преставных ходов и церковных действий, над ним держали «сослужившии, санса золотом, распали прашими» и при шествии возили возезд за них его саня. На богослужениях он стоял «в большой торжественности» в соборную перекрест его водили под руки два старца, во время службы его держали под руки по два диакона, вечером и утром он слушал, сидя на своем месте. При инопавших с государем Кирилл держал, почти как равный; санса величественно «в торжественности» не от своего имени, а от имени своего старичего. Остроумно замечал он неприкосновенности церковных владений, и когда дело шло в софийских воеводах, по словам его братьев, «антрополит государевых указов не слушает, а в свои воеводы ни для каких государевых дел не посмат, не величе. Властный владыка так же мало считался с «в патриаршими грамотами. Счита себя аналогом первозданного уставу, он преобретательно успосился в высочайшему светскому писанию, патриарху Филарету (Прислана-де ко мне грамота, говорят он, не случившия, при полученный им из Москвы патриарший указ: «велено постышии неделаи, и в той-де грамоте написано ко мне, что и которому штурму можно, было написать по мне не так, вышедше того; где сан соборный и юеелейный чин зямо, старе всех, как постышеть. Угощи у себя в казье воеводу ки. Ю. И. Суленина и одного из дяков, он говорил еще резче: «нигде-де ко мне патриарх в грамоте в место, а патриарх-де, не зыкнув, неведоме что»).

Властный аналог: «соборного и деленного сана» Кирилл, назав в Сибирь, захотел окружить свое «святительство» соответствующим блеском. Новая старца на далекой и дной уральи представляла на себя в момент преемства звание и значительного владыка духовную пустыню, и его интересному тщельно открывалось широкое поле деятельности. В Сибирь он столкнулся с глубокой правительственной разупокоенностью, выросшей на почве неординарных условий, созданных кофизацией. Широко немкам обязанности доброго пастыря, он энергично принялся исполнять в своей сибирки наблюдавшиеся там безобразия: «слабость мнугую в беззаконных жемствях и в других многих духовных делах исправи и утвердил». Его деятельность в этом направлении встретил, конечно, противодействие, и он от многих немискусных ласкии многую мольбу, митя и те-

1) Ильяе прот. Афанасий. Изд. Арханг. Поч., стр. 27—28, 42.
 2) Об. деяния, стр. 161.

3) Журнале, в которых и в которых рещи истор. истр. Кирилл.
 4) К. О-ва (Ист. в Др. 1890, 1).

сноту терзает». На этой почве у него происходили столкновения не только с местными служилыми людьми, но и с представителями администрации. «В сибирских городах», писали по этому поводу из Москвы: «слушание и ведение чинов люди в духовных делах архиепископа и епископальной-судитьи и под суд и нему ходити не хотят, изучает друг друга на архиепископа шуметь, и все, поговяди, в том им потакает». ¹⁾ Крутой архиепископ, уверенный в поддержке Москвы, не остановился перед непосредственной жалобой на тобольского воеводу Матв. Мих. Годунова и добился призыва епископа ²⁾.

Своему архиепископскому простому Киприан естественно стремился воздать достойную внешнюю обстановку. Ему принадлежит основание собора в Тобольске, названного в честь православного храма его родного Новгорода—Софий премоудрости Божией, и устройство целого ряда монастырей в различных сибирских городах. С обычной энергией принялся он далее за обеспечение «дома св. Софии» землемыками угодками и протами. Он неустанно ходатайствовал перед правительством об отводе освоенных покосов и пахатных земель и луготочах всегда благосклонное отношение со стороны государя. Так образовались обширные вотчины св. Софии—в Тобольском у.; на р. Курьюном; в Тюменском на р. Нице, где ему принадлежало 700 дес., на р. Таеде и т. д. Расчистывая долины, он таким образом, по словам Будницкого, оставил своему преемнику «чрезвычайное количество земли» ³⁾.

Обеспечив архиепископско материално, Киприан захотел придать ей также духовный блеск. Для попой кафедрой нужны были святители, которые бы поставили ее наравне с старыми кафедрами в их союзе местных угодников. Эти и объявляет он, что по второе лето своего епископства Киприан «всиюкосу» атаману Ермака и дружиною, думая в лице знаменитого воеводы Сибири найти вдохновенного патрона для своей епархии. Ваявника, как гласит составленный им Синодик ⁴⁾, «целом роспростити ермаковских князюк, како они придоша в Сибирь, и где и поганиши были бои, и кого где убили поганиши в драго». «Казана все приносима и нему ламисание, како придоша в Сибирь, и где у них и поганиши бои были и где капиши и камого у них именови убили». На основании этих сведений «добрый пастырь» повелел «убитых имена написать и чернши Софий Премоудрости Божия и соборный синодик и приказал и челому православна «князати» им же прилежи постраданиями за православна

вечную память». Цель, которая преследовалась этим шагом, совершенно ясна: окружая Ермака и его дружины ореолом мужественности на дракоподобную север, тобольский архиепископ не решался своего властью канонизировать этих сохитительных святых, устанавливая торжественное поминовение их в ведении православна, как признание державной их заслуг перед Христуством ⁵⁾.

Синодик, составленный по этому случаю и сохранившийся в подлиннике тобольских сводах Сибири ⁶⁾, выходит, однако, за пределы тех узких задач, которые обыкновенно ставились подобного рода запискам. Синодик Тобольского Собора представляет из себя литературное произведение (не без претензий на красоту формы и на заимчивость содержания). Он начинается высокопарным введением, дающим общую характеристику божьего издрания Ермака, и в дальнейшем сообщает довольно подробные сведения о тех битвах, в которых отдельные участники похода сложили свои головы.

Таким образом, получается схематический очерк главных моментов похода, изложенный русским о сирте самом Ермаком. Составление синодика на основании показаний современников со времени Миллера упрочило на Киприаном славу первого историка Сибири, положившего «первое основание и сочинение... летописей» ⁷⁾.

Установление Сибирским архиепископом чина поминаний князюк имело лишь местное значение, и только 16 февраля 1636 года, по ходатайству пр. Нестора, епископствовал Ермака и его князюк было утверждено центральной властью в лице царя, патриарха и освященного собора ⁸⁾. В связи, очевидно с этим первоисточником моментом в жизни Сибирской церкви—и том же 1636 году явилась на свет новое литературное произведение, послужившее памят Ермака и истории завоевания Сибири: «О Сибири и о Сибирском воеводе» ⁹⁾, написанное в 1636 г. архиепископским покаячим Саввою Елизаровым и известное в науку под названием *Евразийской летописки*.

Памятник, и первой половине XVII века надо, поначалу, отнеси составленную неизвестным автором повесть «О воеводе Сибирския земли». Повесть эту со времени Баранкова принято называть *Свердловской летописью*, так как автор ее, по-

¹⁾ Сводный. Изв. Росс. Ист. «Общ. Вольн», т. II, 1866. А. В. П. № 118.

²⁾ Др. Рук. Библ. инд. 1769. III, 129.

³⁾ Будницкий, *Восстание Сибири*, стр. 101, 121—124. *Восстание Соловецка 1591 г.*, изд. 856—419, 415—418.

⁴⁾ Сиб. арх., 162—163.

⁵⁾ Сиб. арх., 162—163. Рассказ о своем Давидом описывает поименование Ермака и князюк в Тобольском соборе и походе православна. (*Journal Geogr. de Sibirie* В. de Saxe Sibirie, 1751, I, 120).

⁶⁾ Синодик попов приказов в Ермакову летопись. (Сиб. арх., 164—168 и 238—239 с некоторыми сокращениями).

⁷⁾ Пожарский в *История Иос. Антоний Паук*, т. II, стр. 220.

⁸⁾ Сиб. архив, 353.

⁹⁾ Так оно заглавлено в *Синодальном списке*. Сам автор называет свое произведение *летописью* и дает ему следующее название: «Сибирская повесть и летопись» (Сиб. арх., 165).

мство был человеком близким к семье Строгановых, пользовавшемся документами, почерпнутыми из их архива и имел целью настолько подробней водворить Крайца, сколько представлял участие Строгановых в деле открытия и завоевания Сибири.

Таких образов, от первой половины XVII века до нас дошли три исторических сочинения, посвященных завоеванию Сибири, каждое из которых преследовало свои особые задачи и по форме представляли на себя нечто самостоятельное. Несмотря на указанное различие в хронологии этих трех сочинений — сравнение их между собою показывает чрезвычайно большое сходство параллельных мест, временами достояние. Тесная связь между ними тем настолько очевидна, что рано дана поход по дороге — прямое заимствование. Вопрос о идентичности Строгановской летописи от Ефимовой или обратно и об их отношении к Синодальной имеет из собою большую актуальность¹⁾. Крайцом и да ему Соловьев отставили взгляд, высказанный видящим Строгановской летописи Славским — в большей древности этой летописи, которую они относят ко времени похода царевича Бориса Годунова и считали первоисточником, впоследствии переработанным и переделанным по своему Ефимовой²⁾. Противоположный взгляд о большой древности и достоверности Ефимовой летописи, послужившей источником для Строгановской, высказал Небольсин.

За последнее время наибольший призыванием пользуется взгляд С. А. Адрианова, который ко всему к следующему провозгласил Сибирского летописца является Синодальной летописью. Иными же это и есть то краткое сочинение, на которое своей летописи ссылается Ефимов, как на своей основной источник; никакой другой более ранней летописи не существовало. Строгановская летопись не только не могла почерпнуть источник от Ефимовой, но, наоборот, сама воспользовалась этой летописью, введя в нее ряд изменений и делая возмущения сочинения Строгановских. Таким образом, под Сибирского летописца представляется ему в таком виде: до 1632 года полное отсутствие письменных свидетельств о походе Крайца, в этом приблизительно году имела место первая запись рассказов названного летчика и отомыслил Синодаль: в 1636 году Савва Ефимов составил свой документальный труд об Ермаке, положив в основу его Синодаль Крайца, а в последнюю-то благодетельство Строгановских путем переработки Ефимовой летописи составил новую летопись, известную под названием Строгановской. Адрианов держал

предания по отношению к Сибирским летописям строго научным приемам критики текста, ввиду его, построение на сравнительном основании Синодаль и обеих летописей, имела очень серьезное значение. Слабой стороной его последствием являлось отсутствие у него полного научного подхода летописей, благодаря чему ему приходилось ограничиваться в не всегда удовлетворительными текстами. Это обстоятельство, не исключая его автора, началось не укажет высоких научных качеств его работы³⁾. Со времени написания статьи Адрианова в 1903 г. — его точка зрения изменилась, поэтому, наиболее критичной и научной литературе, и в изданном им Крайца до сих пор сличивается название сибирского летописца⁴⁾.

Появление в 1907 г. нового и критик прекрасно подготовленного издания «Сибирских летописей», произведенного Археологической Комиссией, побуждает в настоящее время пересмотреть весь вопрос в целом.

Парадильные сравнения Синодаль с соответствующими местами по двух летописей не остаются сомнения в том, что основные тексты всех трех летописей и вместе с тем позволяют нам вскрыть любопытную картину литературного творчества летописцев, составивших Синодаль. Оно, однако, не подтверждает мнения, будто летописи первоначально Синодаль, распространялись и донесли его. Например, сравнение показывает, что в Синодаль есть поучающие сокращения оброта текста и выкладки, которых нет в летописях. Так, в рассказе о походе Крайца и Ермаку фраза: «Крайц, по совету своего товарища, повстряхнул их восточному и безвременно переманяло, отпустил грамматически исправивши, и в ней и надписанию в сдвиганном числе очень несладко присоединены два существительных и множественном. Например, и в Ефимовой, и в Строгановской летописях построены фразы совершенно оригинальные: «Крайц же с товарищи повоевтов, и повстряхнул... отпустил», «Крайц же с дружиною повбравши». Сохранение текста особенно очевидно в описании смерти Крайца. Здесь Синодаль опускает существенные подробности без которых утрачивается последовательность рассказа; например, он говорит про то, что Крайц «бухарил на оброте» и был вынужден вернуться обратно, пропуская сообщить об обратном пути от Арбша до перекопа, благодаря чему повсина на перекопе является несогласностью.

¹⁾ Адрианов. В журнале о истории Сибири. Сбур. М. Вар. 1902, № 4).

²⁾ Небольсин. Отд. русский историограф, т. II, вып. 2-й, стр. 1291—1302. В начале этой статьи Адрианов, рассуждаясь, что Ефимовская летопись не основана на Ефимовой, а, наоборот, об представляется и исключает об летописях, только недавно выделенных изд. С. Ф. Плещинского. (История летописей в Сибири и часть Леоновской).

³⁾ Библиографический журнал, т. I, вып. 2-й, стр. 1291—1307.

⁴⁾ Везде, где выделены с особенной подробностью обозначены автор «Первая Сибирская» Джатрива.

сокращенном того текста, который сохранился в Строгановской летописи, и может быть попутно лишь по сравнению с ним¹⁾. Из сказанного можно сделать вывод, что в первоначальном общем тексте «размышления» о войне больше и слова о готовности умереть за веру и послужить царю написаны в связи с теми описаниями, которые охватили казакскую походную битву на озерах Исетью. Синодик неуспешно пытался эти рассуждения на того контекста, в котором он стоял в его источнике и вне их в свое издании.

Такой литературный прием, как использование отдельных слов и фраз из тех частей первоначального текста, которые не вошли в лето, наблюдается в Синодике неоднократно. Так, в рассказе о походе Карачи на Кочуку и Ермаку, в его имени предлагается определение: «думный царя Кучука», вместо того, как в Енисейской, так и в Строгановской летописи в данном случае нет; между тем, раньше, при первом упоминании в Карачи он действительно назван: «думным царя Кучука» и «думным царевичем»²⁾. Очевидно, указание на звание Карачи почеркнуто Синодиком из этого предшествующего похода или использованном им тексте. Точно так же выражение об Ермаке в издании, что он бегом избрал «от простых людей», заимствовано из речи Кучука, описывающего свое поражение, как она приведена в Енисейской летописи: «от простых-бо людей Ермак не сомонска пришеде, а в Строгановской: «простых-бо людей пошла на мя Строгановы... да во многими людьми»³⁾.

Наконец, любопытный образец литературных приемов автора Синодика мы наблюдаем в рассказе о битве под Чувашем. «А всяк там совершил быковать промазавши, и приидоша сие повести дван: а Сибирскую землю да их немощными: улусы безстрашии, а противяши собравши во урешинских хитре у реки Иртыша на берегу водь Чувашинцы, и пашашиа множество хля, яко трава селны (пашае), и бысть с ними бой великы октября в 23 дель, и быше православные повнство победенных большею помощью, яко-изъ пашае»⁴⁾. Здесь мы имеем дело не только с сокращением, но и с ослепкой реальной картины битвы литературно-поэтической метафорой. В Строгановской летописи рассказ о походе Ермака начинается теми же словами: «В лето 7080 году сентября в 2 дель... приидоша воюати в ту Сибирскую землю безстрашии и мнози татарские городи и улусы повоинны». Затем идет повествование о событиях по пути до Исеть, которое прервано в Синодике. Благодаря чему в его изложении казакский взрыв охватывается под Чувашем. Что является такой битвой, то обе летописи дают почти полностью сходный текст

о битве русских, который нельзя не отнести к первоисточнику и из которого Синодик заимствовал только дату сражения. Строгановские битвы с казахскими войсками принадлежат, вероятно, веру составителя Синодика, который по сути сократил с помощью данного для его целей описания бой и вышел из затруднения, заведя его живописной метафорой.

Таким образом, детальное сравнение Синодика с летописями приводит к заключению, что он не представляет из себя первоначального текста, а лишь перерабатывает известный нам первоисточник, который пользовался и летописи. Этот вывод совпадает с указанным Енисеем на какое-то издание, которое вошла в печать в Иркутске и в котором писалось, «как приидоша в Сибирь и где у них с пашами бой были, и где пашини и какого у них конем убил»⁵⁾. «Написано» это в более позднем издании отразилось на содержании Енисейской и Строгановской летописей. Что касается Синодика, то автор его очень свободно пользовался этим своим источником, сократил и неоднократно соответствующим образом, переработал по литературным соображениям отдельные фразы, слова, пропуская над ним большую работу, ослепственно скопировав литературные куски и представления. На сказанное следует обратить внимание неоднократно высказывавшегося в литературе мнению о Синодике, как о первой копии словесных преданий об Ермаке и о проесе. Иркутск, как об издании сибирского летописания.

Сличение Синодика с летописями позволяет, как это кажется, разрешить и другой спорный вопрос сибирского летописания, вопрос об отношении Строгановской летописи к Енисейской. Анализируя, как указывал, выразил мнение, что Строгановская летопись переработана в интересах Строгановых текст Енисейской. При ближайшем анализе выясняется однако, что текст Строгановской летописи ближе к тексту Синодика, что, конечно, было бы невозможно, если бы она пользовалась первоисточником не непосредственно, а через Енисейскую летопись. Наблюдая поэтому это искусство из рассказы о походе Ермака на окские городки по Иртышу и по Оке.

В данном случае Синодик и Строгановская летопись совпадают почти дословно; у Енисеев же весь эпизод изложен своими словами со многими риторическими и мало удающимися вставками. Такое совпадение Строгановской летописи с Синодиком при полном отличии Енисейского текста не оставляет сомнения в том, что первая пользовалась первоисточником самостоятельно. В подтверждение можно привести еще целый ряд примеров большой близости к Синодику Строгановской летописи по сравнению с Енисейской. Особенно любопытны

¹⁾ Синодик, там же, 22.

²⁾ Там же, 127, 30.

³⁾ Там же, 132, 15.

⁴⁾ Там же, 132.

⁵⁾ Там же, 132.

сопоставляя и отдельные эпюды и эпиграмматик; в Синодике и в Стратановской летописи (про Иерикал означено) синодигушаско, у Енисея: «созданиште, выражено в приходе татар на шашков под Абдалхом «шиногу» означено у Енисея словом: «сгай»; в рассказе и смерти Ермака: «недожогреть» (про Ичума) горлато менее выразительным: «судреть»; в рассказе о вероломстве Кароли характерная фраза: «и они сами приходили в руки неволиных и тамо вси побоены быша» Енисейским опущена; при описании гибели Ермака фраза: «и тако ту людини вси быша построена Енисейским иначе: «и побояно» и т. д. Все эти примеры показывают, что Стратановская летопись делала заимствования из первоисточника помимо Енисейской ⁴⁾.

Сравнение обеих летописей между собою убеждает также, что не в них Стратановская (и ее древнейшая редакция) ближе держится текста этого первоисточника. В одной статье Енисейская летопись может быть помета только из сопоставления с Стратановской. Я лично в виду приведенной выше абзац о победивших напавших перед решительной битвой, когда «родотыиша тоа поиди бьвати, другой не по восхотѣша, яко урел остою; смысл победивших слов выражается в Стратановской летописи, где «ишиговорят оими колебляшисья товарищи: «оими наиз обитати, яко оими достигни и в рекахъ людѣ смернѣста» ⁵⁾. Но особенно показателен в этом отношении рассказ о смерти Ермака. В Стратановской летописи мы читаем: за тако ту вси добояны быша единъ только утуче; а несомненный и храбрый ритор Ермакъ убьенъ быти. Поелхди же ишиа глголюеть отъ яманъ о томъ, яко поспрану ту храбрый аома речеъ Ермакъ отъ сая и паидѣ друшину

⁴⁾ Гавриц.

стр. 167).

Всѣмъ же зѣло по
собратью вѣсти хра-
брѣеу Ермаку съ со-
ею дружино и обѣщан-
иаша сѣмъ на неволини
и ошана по рѣкѣ Иртишъ
и до сѣдѣкъ Обѣ. Дѣла
переложъ ошадной яманъ
и въ яманъ шхъ и въ я-
манъ ошадной и побѣдѣши.

Стратановская летопись.

стр. 28—29)

Томъ же дѣла хра-
брѣеу Ермаку в дру-
жиноу своєю и обѣщан-
иаша сѣмъ на неволини
и ташиа и крѣпости мѣстъ
своего яманъ городи и
удѣстъ затворитъ по рѣкѣ
Иртишъ и на яманѣ
Обѣ и Камыи (бѣгъ). На-
дѣмъ зрадѣ ошадной я-
манъ по яманѣ шхъ... Е-
рмакъ же в вой своемъ
сопрѣдѣлѣши съ градѣ
Сибѣра.

Енисейская летопись.

стр. 141—142)

Храбрѣеу Ермаку
по войбѣ Сибѣроу шхъ,
затворѣ шхѣмъ яманъ
иаша сѣмъ отъ яманъ
удѣстъ затворитъ, ошадъ
бѣ Ермакъ на яманѣ
яманъ шхъ, яко не-
исходѣ неволини яманъ
шхѣмъ речею яманъ
по яманѣ и ошадной
Ермаку и по яманѣ
Обѣ Енисейской городѣ
яманъ по яманѣ шхъ и по
яманѣ обѣщанѣмъ, зо-
брѣте же си по градѣ
Сибѣра о рѣбѣмъ яманъ
и яманѣмъ.

спию отъ насъ избавимыхъ, и шкоре надежи можи кабы си
зинути спую, и побоеи в стругѣ и не може дойти своихъ
людиомъ бо в дали растоине, и тутъ обрѣхеси в реку и утуче ¹⁾
Здѣсь мы имеем несогласующую передачу слов туземца дано
с сохраненномъ противопоставленіемъ разназначенъ—тагарина гла-
голюхили—русскимъ. В Енисейской летописи это место явно пере-
работано из соображенной литературныхъ. Весь эпизод издается
уже от имени автора: «и наидохомъ на нь и побояи; томо единъ
паидѣ утуче. Ермакъ же ста паидѣ своихъ людиомъ ома поидѣ
поидохъ и ни отъ каго-же паидѣ помоши имѣти шхѣмъ спую,
и побоеи в стругѣ своей и не може дойти, повеле ошадѣ бѣ
яманъ шхѣмъ, стругу-же отпавишу отъ брѣга, и не доидѣ утуче ²⁾.
Итакъ, что Стратановская летопись сохранила более древней
текст.

Из сказанного, однако, не следует, чтобы Стратановская ле-
топись могла быть принята за тот основной первоисточникъ,
которым пользовался Синодик и Савва Енисей, как это можно
было бы предположить. В этом отношеніи сравнение текста
обоехъ летописей, произведенное с большим тщательствомъ
Александровымъ вполне доказываетъ фактъ переработки Стратановской
летописью обоего текста путемъ вставки в него эпизодовъ, выдер-
жекъ Стратановыхъ, и выводовъ, к которым он пришел, до сих пор
не утративъ силъ. Остается признать, что все три перечислен-
ныя памятника самостоятельно пользовались не дошедшимъ
до насъ первоисточникомъ, и каждый передалъ его по своему.

Этот первоисточникъ текстъ первоисточникъ Стратановской
летописи в значительной мере дополнял данными, почерпнутыми
из другихъ грамотъ Стратановыхъ. Он произвелъ большую и добро-
совестную работу. Центру грамоты, он делалъ это совершенно
толко, какъ видно изъ сравненія ихъ съ теми, которые дошли до насъ
в родонныхъ (а такъже в болонскихъ), сообщая год и число,
которыми грамота подписана, инаи дѣлѣхъ, скрепленнаго кѣ-
и бояр, которые «царина словомъ приказали ея писать. Это
современныя научныя данные. Помимо того, что автор и соответ-
ствующихъ местахъ приводитъ ихъ въ extenso, содержащее грамоты, онъ въ
нихъ же черпаетъ целый рядъ фактическихъ данныхъ, которые онъ вставляетъ
в свой рассказъ. Такъ изъ грамоты 6 августа 1752 г. мы знаемъ
имя заимствованнаго на берегъ Нередицы 15 вѣзъ 1572 г. и объ обложки
русскихъ торговыхъ людей ³⁾, изъ грамоты 30 мая 1574 г. — о при-
ходе царевича Махметъ-Куша ⁴⁾, изъ ильинской грамоты Стратано-

¹⁾ Там же, стр. 28.

²⁾ Там же, стр. 148. Енисейская летопись описала казненіе на полюдіеимъ редакціи Стратановской летописи, такъ рассказъ о смерти Ермака аттестуется там же, тамъ же стр. (См. стр. 28).

³⁾ Док. арх. № 81.
⁴⁾ Док. и. А. II, 1, № 153. М. и л. стр. 102. Сиб. архивъ, 10—86. 15 вѣзъ въ сѣтъ съобраніемъ дѣлѣхъ ильинскій черемисъ, а по числу, отъ которого вышло 6 тамъ же. Енисейская и Писка описали Стратановскихъ Ермакъ.
⁵⁾ М. и л. стр. 87—90.

ном 1688 г. почти биографические сведения о Ермаке и его подвигах на Полюе, откуда же и на гравюры 20 декабря 1681 г. — описи о побеге восточного князя 5). При этом самое событие названо по гречески, иногда довольно, иногда с несущественными поправками: «поиме царских грамот, автор, вероятно, поспешившая со сбором данных Строгановых, интригер, временно забытое известие о том, что первое время Иван с приуральскими инородцами собирался людьми Строгановых, и только со времени царя Федора сбором стали заниматься царские люди» 6).

Тем не менее Строгановской летописи совершенно неясно в виду показать участие в деле завоевания Сибири «статских людей» Семена, Машиша и Никиты Строгановых, «строимолов», которых совершили «множество всех Сибирские земли». О этой точке зрения и переработан первоначальный текст «записки».

Наконец, необходимо отметить литературную отдачу текста, произведенную автором Строгановской летописи, вид которой русского перевода «Троицкой Истории, которая служила образцом литературного стиля для книжников начала XVII в. и в частности, как доказало проф. А. С. Орловым, отразилась на «Повести князя Катырина-Ростовского: «Таковы — бышаши земли, которые имеют себе пороздельную аналогию и близкостное описание земли у Катырина-Ростовского и в латинском переводе «Троицкой Истории», описано утра, довольно сходно с тем, которое имеется у Катырина-Ростовского и в русском аналогично в русском переводе Троицкой войны, некоторые отдельные выражения и фразы 7).

Совершенно иной характер имеет переработка первоначальной, произведенная Епифаном. Если в Строгановской летописи мы имеем интриги Строгановых, то Епифанская обязана своим содержанием официально признанно московскими властями «защит Ермака перед православной церковью. Считание Епифана отчасти потребности в литературно составленном житии нового патрона Сибирской церкви. В основу труда Санга Епифана было положено то же «написание», служившее первоисточником и Синодику, и Строгановский летописец; другие неточности послужили ему самым Синодиком пресса. Книжники, из последней об право считается, говоря: «иный бы попомо исправляюще

лѣтописи сия, елико о жизни Сибиря и о побѣде спешно», и далее приводит Синодиком довольно в качестве справочного документа: «о исправлениях летописи сия по слову прилады» 8). Епифан сам довольно точно определяет свое отношение к первоисточнику: «иже же написаша и писаныя предъ мене списашаху, иже и стовисило 60 рублю, дахъ же разпространяху, бжедукъ къ своей любви, иже будеть вполнѣе проклати лѣтописи сия; иже бысть от достоярныхъ людей писашаху, иже очима своими видѣша и быша и да лѣта» 9). Действительно главным делом его самостоятельной работы является не «распространение первоначального текста, написанного ему слишком узким и коротким. Он излагает свое собственное представление и высокопарной риторикой и тавтологическим общирством тогдашней учености, и неоспоримыми возможностями на синодальном «книжном латинском» о царя Италю, «обладающем страстию вечернихо», или на «Достоярши» «благословен» Моисей, и совершенно не к месту приводящими примерами из Библии и сравнениями с эпизодами Троицкой войны, «у Троицкого града близ Командры реки плещущею Ангароу».

В отношении литературной формы на летопись Епифанова оказал значительное влияние Синодик иресса. Книжники, так, не воспользовались, как указано выше, расположенная летопись, которое он писал и ввелся Синодик и в связи с этим 100-го периода в основном тексте главы 10. Что касается доповней, внесенных Епифаном от слов «достоверныхъ музеев», то, как видно из сравнения с Строгановской летописью, их не много, и они мало существенны. Таковы дополнениями являются, например, рассказ о смерти Кузума и подробности о захвате Ойлука Чудовым. В предисловии Епифан сообщает еще на «летописи татарского». Очевидно, что к этому источнику выходяте поспешно в летописи сведения «о сибирскихъ царехъ и ваяхо»; Однако, эти сведения малоизвестны и непосредственно по веру, и из «записки», так как вышестоящая статья имеется и в Строгановской летописи. Очевидно связь на татарских летописях является в устах Епифанов так же литературным приемом, как и ссылка на «достоверныхъ музеев».

Зная научно-литературные приемы Синодика и летописи, мы без труда могли бы восстановить в общих чертах содержательную первоисточника. Действительно, устранив в одной стороне из Строгановской летописи факты, заимствованные из царских грамот, и вставки, введенные Строгановыми, и с другой стороны из Епифановской по риторическим приемам, которых нет в Синодике и Строгановской летописи, мы в общем получили

4) Там же, стр. 162, 168—169.

5) Там же, стр. 169—170. Указание Синодиком некое указание, а также VII (по предположению Епифана), и которую, как указано выше, заимств. из X главы первоначальной летописи.

6) Град. 16 декабря 1688. Дел. и А. И. I, № 128 и у Макара, 145—147. Град. № 20 дек. 1688 г. издается в А. И. И. Д. (Стрелан. дел. стр. XXIV, № 5).

7) Возможно, что некоторые заметки, автор, о побеге восточного князя, заимствованы из первоисточника до нас грамот. Что касается до тех первых грамот Строгановых — «да известие», упоминаемая находка А. В. Введенским в рукописи «записки» в Иерусалиме, принадлежала князю грамот, Ивану Ермакову в А. И. И. Д. (Стрелан. дел. стр. XXIV).

8) Обращение к житию М. И. Лаврентия, А. Орава, Невск. из. Южно-Ростовского и Троицкой Истории Гладко-Блажен; С. П. Халатник. Святой Лаврентий.

довольно сходный текст, который и надо отнести к первоисточнику. Это первоначальное прохождение было значительно пороче позднейших его переделок, «счито и стесненно резким», как выражается Бениов, однако было не лишним литературный обработки: «эпикообразное введение, реча, владимие в уста Ермака и Кучума, отдельные образы и метафоры, заключительная статья в урности христианства в Сибирской земле» — полагают, что мы имеем дело не с простою записью фактов, а с произведением впадной словесности. Что касается содержания, то в основу рассказа были положены, повидимому, сведения, добытые от участников похода Ермака; наряду с этим есть прямые ссылки на туземные татарские предания (напр. в рассказе о смерти Ермака); на татарские источники (вероятно, устных) почерпнуто, в частности, топонимология сибирских царей.

Остается высказать вопрос о времени составления «записки». Из того обстоятельства, что в Строгановской летописи не государей упоминаются только Иван Грозный и его сын Федор, а на сибирских городах Тобольск и Верхотурье ¹⁾, Сивский делает заключение, что «во всем вероятности совершенно свой можно отнести к началу XVI или началу XVII века ²⁾. Может быть, осторожнее предположить, что упоминание в качестве строителей городов в Сиббири только этих двух царей надо отнести к первоисточнику. В таком случае устранилась бы противоречия, неоднократно отмечавшиеся между содержанием летописи, которое относится по времени к концу начала XVII в., и ее заглавием, в котором говорится об утверждении в Сиббири «святыи-царского престола — архиепископства», известие исто лишь в 1621 году. Если высказанные соображения верны, то «записку» следует отнести к эпохе не позднее царствования Бориса Годунова. Если же держаться мнения о глубокой древности Строгановской летописи в ее целом, то время составления «записки» приходится отнести еще дальше назад, что, впрочем, мало вероятно.

Подводя итог, можно сказать, что в основе трех известных нам древнейших памятников Сибирской истории, Сивидки, Строгановской и Копьевской летописей, лежит один и тот же первоисточник, то «записку», которая привнесла впадин провоз. Копьевку, когда он позволил узнать от них, «како прихода в Сибирь». Это было сравнительно краткое произведение, во всяком литературных достоинств, составленное во впадине начал XVI или в 1622-й году³⁾, но распространено пр. Ермаком, на основании этого «записки» и словесных дополнений от

назиков, учеников похода Ермака, был оставлен Сивидки; в 1626 г. «записку» и «Сивидки» воспользовался Сивид. Емпов для составления летописи в «Сибиря и в Сибирском впадин». В кругах базарных и Строгановых тоже «записку» было переработано в целях прославления этой семьи (так наз. Строгановская летопись) вне всякой зависимости от Сивидки или от Копьевской летописи.

В конце XVII в. Копьевская летопись с своей стороны послужила основой для нового и чрезвычайно интересного исторического труда: впадинированной «Истории Сибирской», впадинской тобольским сыном боярским Семимом Ремезовым и известной в впадинские времена в литературу под названием Ремезовской летописи ⁴⁾.

Ремезовская летопись заслуживает особого внимания, так по своему составу, так и по форме ⁵⁾. Она не является простым сводом. Это скорее ученый исторический труд, соответствующий духу впадинской истории впадин полных и законов и лишь отражающий в большой яркостью дефекты метода и провоз, своеобразию научной мысли того времени. Автор, тобольский сын боярский С. Ремезов, был всезнающий в свое время ученый, составитель единственного в своем роде географического атласа Сибиря. При впадинении «Сибирской истории» ему помогли его сыновья Левонтий, Иван и Семен, его ближайшие сотрудники и в картографических трудах. Условно, в которые был оставлен Ремезов, давал ему большую, чем кому-либо возможность пополнить свои исторические познания из впадинских не только письменных, но и словесных источников. Его официальное положение и связи в Тобольске и специальная историко-географическая деятельность, которые он впадинировал в Сибиря и в Москву в связи с данными ему впадинскими поручением составить полный черном Сибирской земли, все это способствовало впадинению целого ряда знаний по Сибиреведению, далеко превосходящих осведомленность впадинского впадинского того времени.

Семья Ремезовых была старинной служилой семьей в Тобольске. Предок истории Меньшой Ремезов был сослан в Сибирь в 1629 году ⁶⁾. При впадинстве людей в Сибиря, он в качестве тобольского сына боярского впадин на своей впадин родные впадин и впадинное положение в административных кругах Тобольска. Семья Ремезовых с тех пор впадинно впадин в состав той впадинской тобольской служилой знати, на

¹⁾ Меньшой, упомянутый Ремезовскую летописи, впадин от Тобольским впадинством.

²⁾ Автор впадинской впадин впадин Ремезовской летописи статьи в «Историческом Известии» 1916 г. № 3—4 под названием: Туземные легенды в «Сибирской Истории» С. Ремезова, впадинские впадин которой впадин в впадин.

³⁾ Сиб. Врм. ст. 20 и 21, с. 255.

¹⁾ Кроме того, упоминается Тюмен (Сиб. летописи, стр. 139).

²⁾ Летопись Сибирская, впадин в 1621 г., стр. 46—57.

³⁾ Впадин составил Сивидки «во впадине лето впадин впадин впадин», впадин в Тобольске 31 мая 1621 г. (С. И. и в в, «Записки о впадинских впадин Сибиря», стр. 35).

которой лежало исследование всех названных административных функций в Сибири и с которой во многом не считались пришедшие из Москвы ведомы. Мы встречаем Ремезовых во главе военных экспедиций и посольств к туземным князьям и при исполнении других ответственных поручений. В старшинской служилой семье, в течение трех четвертей века столетий близки к управлению Сибирью, но могли не сохраниться многих сведений, переходивших от отца и сыну, и на этой семейной традиции мог черпать свои данные наш автор. Он сам сообщает, что старшего брата Ульяна Мосеева Ремезова, воспитаннейшим любимцем и научником воеводы П. Ив. Годунова, он, по словам Ремезова, был «женателем... и хитр в делах», интересовался прошлым Сибири и не упускал случая похлопотать в этом отношении своих познания. От него, например, узнал Семен Ремезов об участии его и посольстве к калмыцкому тайши Абхазу, и повесть о смерти в чуждах Ермака, слышавшая Ульяном от самого Абха, делал, по словам автора, в основании соответствующей главы его «Истории».

Очень значительный материал дали историче-то исследования, которые ему пришлось произвести с 1696 по 1700 г. при составлении географического атласа¹⁾. Он использовал имевшиеся в библиотеке Сибирского приказа «многие географические книги и «старшие переводы сибирских городов, «поны присланы были в Москву по многим годам; судя по тем материалам, которые сообщал столетний в это время во главе Сибирского приказа думный дьяк Андр. Алар. Валуше Волгану, здесь, вероятно с географическими сочинениями по Сибири, имелись в исторические книги. Из архива Тобольской Степанной палаты, Ремезов почерпнул подробные статистические сведения о Тобольске, начиная с 1683 года и т. д.²⁾ Не довольствуясь письменными источниками Ремезов, по его собственным словам, обратился к описью волжских «старожилов, памятных бывальщине, «бывальщине и непроходимых местех и камешех безводных, на степях и на морях, по различным землям подвластных жителей ямских», и притом описывал не только «родных чинюв русских людей», но также туземцев, «иноземцев — бухар, татар и калмыков и непременщиков, и русских, «обыкновенных в плену у азиатов: «иноходив и подвластных русских»³⁾. Ремезов не ограничивался выписками географических данных; его рассказы касались, молду пролив, и археологии, и он освещался про «древних чуждых и кучумовских князя, «могища и городища, прености и курганы»⁴⁾. Интересе Ремезова

полю и сибирской истории вылила себе выражением в его атласе, где судя по географическим запискам попадаются «многие заметки исторического содержания; отчасти на карте Крестовой остров, он прибавляет: «сводены в 1688 году, оебри Гришан (Семипалатинск); «удит Шудыги с «дальши» (намек на разгром 1693 года); у реки (Забайкальи он должен называться: «аважт суды Ермаковы» в соответствии с легендой, которую мы находим в Кунгурской летописи, служившей ему источником, будто Ермак и его товарищи покончили на Серебряно тяжелые суда, сн те старые (суда), где они лежат, «аважт их дни деревя пророки»⁵⁾. Наконец, возле устья Амура, там, где, по представлению Ремезова, находилась Главинское укрепление, он упоминает, что «до сего места приходил царь Александр Македонский, ружье сиратал и колочол оставил». Приведенные примеры показывают, как в силу с географическими работами занимались и Ремезова сведения в о сибирской старине.

Обращаясь к «Сибирской истории» Ремезова, приходится, во-первых, указать, что в том виде, в каком она до нас дошла, она представляет из себя результат вторичной переработки, так как в нее уже по окончании основного труда искусственно вложены отдельные листы другой самостоятельной летописи под заглавием: «Летопись Сибирская краткая Кунгурская»⁶⁾. Эта вставка сделала совершенно механически и легко может быть выделена из первоначального текста (статьи 5—6, 49—52, 73—80, 99—102). Такую же позднейшую вставку представляет статьи 140—147, в которых без всякой связи с предыдущим и последующим приводятся примеры чудесной помощи божией христианам в борьбе с неверными. Все эти вставки резко отличаются от основной части «Истории» по только по внутреннему содержанию, но и по внешнему виду (почерку, технике рисунков, порядку описания). Они нарушили в частности нумерацию статей, и в избранно сличившей в одно целое окончательной редакции «Истории» легко усмотреть следы проведенной благодаря этому нумерации⁷⁾. Так, в 118 статье мы находим ссылку на помещенную выше историю смерти Ермака, «аважт выше писано в 61 статье», между тем, как это событие в окончательной редакции описано в статьях 105 и 106⁸⁾. Вместе с тем, внесенное отрывком из Кунгурской летописи в уже законченный и переработанный текст неизбежно привнес в ряды повторений и параллельных мест.

¹⁾ Сиб. дель. 314.

²⁾ Это заглавие имеет на заглавном листе отрывок от предисловия Ремезова к атласу.

³⁾ Впервые статья была отмечена Минздравом (Сибирские Сиб. архивы, № 1790 стр. 194, 196, 198, 189). Ср. теперь статью Афанасова.

⁴⁾ Сиб. дель. 348. «В 81 статье, вероятно, ссылка имеется на 50 статью, там же добавлено было 33 номера статей.

⁵⁾ Первые работы Ремезова на составление «описи царя Сибиря отпечатае усе в 1673 году (Библиографический и Ученый отдел Сибиря, стр. 10).

⁶⁾ Впервые в «Исторической летописи Сибири», стр. 5, 6—6.

⁷⁾ Там же, стр. 2, 8, 7, 8, 14.

⁸⁾ Там же, стр. 7.

Алиантность вставок вследствие издевает их, что позволяет совершенно точно восстановить первоначальную редакцию «Истории». Основным источником этой первоначальной редакции были, как доказано Адрасовым, Енисейская летопись 2). Ремезов, впрочем, поскольку переработал устаревший стиль Енисейской, приспосаблив к господствовавшим в конце XVII в. литературным вкусам, при чем отдал дань увлечению иностранцами словами. Енисейскую летопись он значительно дополнил из другого, нам неизвестного, литературного источника, отличающегося богатством свободных фактов. Из него, например, он почерпнул подробные сведения о сражениях князей с мелкими туземными князьками Енисейской (ст. 14), Лабурной (ст. 80) и другими, о бое при Поганом озере (ст. 90), в первой службе богатырям князькам Шибурда и Стукоса (89 и 84 ст.), о Кучумовом дворце Кутуза (ст. 30—32); из него же заимствованы подробные даты отдельных событий. В одном случае осведомленность неизвестной летописи поддается проверке: существование некогда на Туре княжества Елпичи подтверждается не только сохранившимся в позднейшие времена на Туринском наместном Елпичинском урта, но и упоминается в документах первой половины XVII в. самого Елпичи и его сына Алгиса Елпичича 3). Отличительной чертой данного памятника является князя последовательность рассказа о походе Ермака, чем в Енисейской и Строгановской летописях: между тем как в последней поход, выходящий в начале сентября, в октябре того же года завершается впадение Енисея, и нем Ермак, перебивая на Урале, в течение весны и лета совершает дальнейшее продвижение к Искеру, которого достигает к началу октября, при чем каждый этап этого пути точно определяется числами месяцев. Все эти известия носят следы большой древности и достоверности. Рассказ неизвестной летописи нарушается, однако, вставкой из другого какого-то источника, из которого, шире, диктующим совершенно факстичные сообщения о изгнании Ермаком 1-го августа града Тюмени, разрывающего последовательную связь событий, так как 1-го августа Ермак по дашнам известной летописи, брал город Карачин 4). Игак, кроме

2) Адрасов, ист. сочин. Тюмень в «Сборнике Собрания за 1838 г. (Писемские труды по истории Сибири)» излагает предположение о, что Ремезов из извлечения из Елпичи, но послужило самостоятельным его первоисточником: однако, он не приводит и тому достаточных убедительных доказательств.

3) Сиб. Ист., т. 2, стр. 1. 352. Там же упоминается князь Лемоло (к. 937 об.), князь Лабурин (к. 369), князь Туркин (к. 374 об.), герцог Поганый (к. 369 об.) и др. личности, в которых говорится в той части Ремезовой летописи. (См. 4. ст. 1-8).

4) Сиб. Летопись, 318, 325. Следы вставки очевидны. 1) Весной все лето, и август в 1 день, пала град Тюмени (16 ст.). «Пала на бокву град в 3 д. 17 ст.»—180000 в Кутузе. «Браню же тогда перебиваю в Чиниско град (ручей имен Тюмени), сжег градом пух в русской, жвал в 3 дня». (33 ст.).

Енисейской Ремезов пользовался и други другими летописями, объединив их все в одно целое.

Для нас особенно интересными представляются те дополнения, которые Ремезов внес в Енисейскую летопись из словесных преданий, как русского, так и туземного происхождения. В частности заслуживают самого тщательного изучения сообщения на туземные легенды — «бусурманские истории» и «бусурманские повести», на которые он любит ссылаться. Формы, в которых передавались эти легенды, были разнообразны. Впервые это были причитания, в форме песен, которые старики поют в пляске при беседах в песнях. Такой характер имели «повести», в которых анимализмом замещено Сибирь русскими и в которых говорилось о Ермаке: он так чуден и страшен, когда талочалит ни и в поветях между собой, без слов не пробудит. Образцом таких причитаний может служить сохранившийся нам Кучумово летописание: «Чаринка пляска 5). Память о прошлом сохранилась и в других формах словесной передачи: повесть Ермака татары, по словам Ремезова, «и до днесь боится и испугует» 6). Любопытным источником служили предания анимационных духовных лиц — шейхов. Так, сообщая предание об изнаторстве маленького черного зверя с большими глазами, об убийстве большого наемником и об оживлении убитого зверя через три дня, Ремезов прибавляет: «и до сему проклинал бусурман в Сибирь велики близятся, понеже жила их в поветях именованное ем, яко малый зверок, Ермак, бусурманство, яко большого зверя, и 3 дни мертвой оживя, то до времени пока возмут Сибирь бусурман и владение по владению 7). Известные легенды были связаны с урочищами. Сказки и Паний Бугор близ Тобольска связывались, например, с памятью о разделивших двух жем Кучумиз, и по этому поводу Ремезов сообщает, что Кучум рассказывал своим большим в близком местах и ходил и жил по дашникам; указание на священный день могущественно свидетельствует о анимационном источнике предания. С Панийм бугром связаны две легенды: одна делит из него жемик: спород и ошле-турки Девлетин-бай, по преданию Ваши-Тура; связано друти, как сказано, здесь был дворец жем Кучума, будто-бы дочери того-же Девлетин-бая; очевидно у тобольских татар в развалинах на Панийм бугре сохранился память об этом бугре, современнике Кучума 8). На Саусанском мысу, тоже под Тобольском, и тоже, очевидно, по татарскому преданию, вихорилось «шариком калачиком; это же мешало тому, что другая легенда, может быть, русского

5) Сиб. лет. 312, 346.

6) Там же, 346.

7) Там же, 358.

8) Там же, 323, 317—323.

ироническими некаля здесь мотал сподвижников Ермака ?). Наконец, в Ремезовскую летопись вошла ряд поверий; посредством которых туземцы объясняли те или иные явления природы. Поворит эти допотопы случайно стали легендой в связи с именем Ермака и других героев. Таково, например, встречающееся несколько раз с различными подробностями описание огненного силкиа, которое служило либо-бы предзнаменованнем гибели Сибирского царства: «огненный столб и до небеса, и в том огне много видения различна... лишь-же видения в столбе ужасное видения различное, и битвы, и звуки. Таково описание вполне соответствует магнетанскому представлению о северном сиянии, как о сражении небесных воинов ?). Таким образом, сюжет Ремезова на абсурдною повесть делался простым общим местом, литературным приемом автора, незаметно заинтересовать читателя поощрившими указаниями на туземный источник своих сведений. За публичной ссылкой скрывается разнообразие и очень оригинальные сюды предания, характерные для туземного быта.

Из туземных легенд, собранных Ремезовым, дан по-особенно интересна легенда о панцирях Ермака и о посмертных чудесах на его могиле, так как сам автор подробно сообщает, при каких условиях ему свелась известна эта легенда. Рассказ Ремезова ценен в том отношении, что воспроизводит перед нами процесс создания книжной традиции на основе устного предания. Он основан на «сказке», которую получила пашанский влиятельный Ульган Мокеев Ремезов, предок автора, от казанского тайши Аблая. Аблай-тайша был одним из типичных мангольских государей, которым удавалось ненадолго собрать под своею властью несколько ночных племен и временно образовать из них государство. Он воевал с своими племенами на берегах Зайсанора, недалеко от русской границы; в 1669 г. его коцелье отстояли в 16 днях старого хода от Тобольска и только в 3-х днях от Тары, и он все время находился в ожесточенных столкновениях с русскими. Владея торговыми путями в Бухару, в Кербель, в Монгольское царство и в Китай, Аблай-тайша был занят в сложные международные отношения; русское правительство поддерживало с ним дружеские связи, главным образом, в целях облегчения проезда пашлов и купчих в Китай ?). В 1659-м году Аблай-тайша прислал в Тобольск посольство, которому,

между прочим, поручил ходатайствовать о прощении ему пашира, принадлежавшего тобольскому служилому татарину Кайдаулу-журен. Самого Кайдаула в то время уже не было в живых, но влиятельный пашир, действительно, завелся у его сына бен-Мамета. Отцу пашира прислаивались возлюбленные способности, и 6 или в семье Кайдаула были сыновья любознательные предания. По словам бен-Мамета; «про тот-де пашира прислал ему... отец его, Кайдаул, при смерти своей под клятвою, чтоб ему ты паширом служишь... великим государем, а потому его прощайте не велю; и прошлаго-де годов отец его, Аблай, Байтин-тайша того пашира добывал много и давал за тот пашира 10 семей ясерай (рабов), 1000 овец, и отел-де его... того пашира тайша не дал». По утверждению Ремезова, Аблай-тайша считал казанский паширом за тот самый, который был на Ермаке и помог его смерти и вернул в его чудодейственную силу, Тобольский воевода ил. Буйнов-Ростовский не решился без государя узнать о смерти повелевавший паширом, и в 1660 г. Аблай-тайша вторично приехал другого похода с восточной стороны от том же, и на этот раз добился желаемого. Особое поощрение, в составе которого был и Ульган Ремезов, пошло царю на казанца в «ургу» Аблай-тайша ?). Об этой поездке Ульгана к казанскому тайше и говорит Ремезов в своей «Истории». Аблай-тайша с особенной торжественностью принял пашира Ермака, приложилась к нему и спросил: «сказал-ли, Ульган, где ваш Ермак лежит?» и на отрывчатый ответ, «навал Аблай новости датию по своей истории, т.е. со быт в казанском-реде татар и казанских легенды об Ермаке. Ульган, заинтересованно расслышал, попросил у Аблая «сказку за его историю (повествование) и печатью». Исполняя эту просьбу, тайша «сведет о Ермаке все подробно, како живя, по своему паширю, и како спочивал», «и том и печать свою приложил: Селерикше Аблайной сказки заключалась в следующем: «как (Ермак) приехал в Сибирь и от Кучума на перевозе шебека и утонил, и обретен, и отряжал, и врозь течание, и пашира разделши и развеломши, и нем от паширей и от пашира чудес были». Этот рассказ Аблай дополнил воспоминанием о собственном испытании: «где-же-де был мит и утробно болел, и дима мит с пашира и могилы (Ермака) мит, здрав лишию до шипа; отдам-же земан с могилы взято, и еду с нем на войну, побывало; где-же нет докла, тощ воспринимало». Селен Ремезов, имея в своих руках эту сказку и сравнив ее с Беловской летописью, служившей ему руковождением повествов., убедился, что в основных чертах «сказка» и летопись совпадают и что повествование является вполне очевидно о сходстве тела Ермака и о чудесах: «сведет (про Ермака

?) Там же, 357.

?) Там же, 313, 324. В последнем случае (стр. 46) многократно упоминается «сказка», согласно предположению под названием «сказки» предания и легенды; не в том месте, где и тут сказано об «обращении» легенды. Ср. описание легенды сказки у Мухоморова (Сибирские предания и легенды, изд. 1912 г., стр. 38—42), также предание об «обращении» этого предания, которое упоминается в «Сказках» Мухоморова (Сибирские предания и легенды, изд. 1912 г., стр. 38—42), также предание об «обращении» этого предания, которое упоминается в «Сказках» Мухоморова (Сибирские предания и легенды, изд. 1912 г., стр. 38—42).

?) Об Аблай-тайше см. А. М. Н. Д., Музейские дела 1668 № 2 и 1622 № 4.

?) Сказка о повествовании Аблай-тайша — См. прил. стр. 628 и 631 (Музейские дела 1668 № 2).

?) См. стр. 347-348.

Аблай) ...шко окончился, солдаты начали истерика, точно, как обрелся и чудотворился⁴⁾. Сравнитель рассказ о смерти Ермака, так он изложен в Беловской летописи, с рассказом, помещенным в Ремезовскую летопись, и, действительно, найдено у Ремезова лишь одну подробность, которой нет у Белова; в Беловской летописи сказано просто, что Ермак утонул, «своими руками женою», а в Ремезовской: «бо одини дружи царскими пашаири»⁵⁾. Увидя, из «сказки» Аблая были почерпнуты сведения об этих двух пашаирих, приславших Ермаку в подарок от ширя и подкупивших причиною его гибели в водах Вагана, и в принадлежавшем им свойстве «чудотворения», благодаря которому они давали «блуждающим половецким, родителю и младенца на отгнание недугов, на войне и в прощислах удачу»⁶⁾. Предшествующая литература (на Стратоновская, или Беловская летопись, на Синодаль взятая) ничего не знала об этих пашаирих. Только только по Аблаевой сказки почерпнута летопись о чудесах на машине Ермака, летопись чисто туземного происхождения, связанная с одним из магических «каждого», т. е. сказки могла «на Вальневском кладбище, под куряной сосной» где, по татарским известиям, находилась известная Хакима-лейка⁷⁾.

Рассказ Ремезова, в общих чертах подтверждаемый официальными документами Сибирского приказа, рисует, таким образом, совершенно диаметрально противоположные процессы происхождения в русской литературу туземной летописи и приема ее использования русской наукой того времени.

Заключившая обзор летописей, восходящих к первоначальному «сказанию», необходимо остановилась на хронологическом изложении Сибири, так как на примере хронологических накладок особенно отчетливо выступают и приемы научной работы XVII века.

Основанием хронологии похода Ермака послужила те даты, которые имелись в первоисточнике. Из сравнения Синодаль с Беловской летописью видно, что год прибытия Ермака в Сибирь и общим для них тоном определялся 1582-м годом от С. М., а, так как дальнейшие события разворачивались в октябрьских числах, то от Р. Хр. надо считать 1580 год. Остальные годы, судя по Синодаль и по Стратоновской летописи определялись условно: «того-же лета», «того-же лета», «на второе лето».

⁴⁾ Сиб. лет., 342.

⁵⁾ См. историческую статью мою: «Туземные летописи в Сибири и их значение».

⁶⁾ Сиб. лет., 342.

⁷⁾ Так же. Об мажорских магических сказках, в частности о мажорской Хакима-лейке см. Беловский в Ежегоднике Тобольского Губ. Музея, вып. XIV (Каталог), с. 2. О распространении подобных сказок см. Голубовский через переводов.

«на второе лето по Ермакову убоянии» и т. п.⁸⁾. Зато сообщаются точные числа дней и месяцев (25 октября, 6ой под Чувашскими; 26 октября, вагиза Ислора; 5 декабря, избившие казаков под Абалаком; 5 августа, «на четвертое лето по изгнанию Сибири», смерти Ермака; «на второе лето по Ермакову убоянии, после Семени диня—приход Па. Магустрова»). Беловская летопись переводит описательные выражения на соответствующие годы, причем год прибытия Волжского в Сибирь «на второе лето по изгнанию Сибири» получил 1601-й (вернее было бы 1600-й) или 1597-й, год смерти Ермака 1602, или 1594. На основании собственных сведений Белов прибавил две позднейшие даты (прибытие В. Султана в 1603 г. и Даниила Чулкова в 1606 г.).

Стратоновская летопись, с своей стороны, известна из парочек грамот следующие даты: 15 июля 1680 г. приход воронежского черемиси, 20 июля 1681 г. (в память св. пророка Иакова) приход Мамак-Кула и 1 сент. 1690 г.—шашаирих князя волжского и одновременный отъезд казаков в Сибирь⁹⁾. Незнаваемо откуда заимствовал Стратоновский летопись следующие годы: 6 апреля 1687 г. — «шашаирих Стратоновский об Ермаке»; 28 июля 1687 г. (память св. Кора и Иоанна) приход Ермака и Стратоновский, 22 июля 1689 г. пабиг турза Велбелга, и 8 сент. 1690 г. (на память боготец Иоанна и Ашпа) прибытие шашаирих в Сибирь; возможно, что мы имеем здесь дело отчасти с известным преданием, сохранившимся у Стратоновских; некоторые даты могли быть взяты из не сохранившихся до нас грамот. Остальные годы изложены исключительно и вообщем настолько плохо, что нельзя восстановить точно каждый из них. Во всяком случае, если иметь в виду, что поход Ермака отнесено в 1600-му году, то его смерти должен падать на 1603 г., т. е. 1585 от Р. Хр. Таким образом, Беловская и Стратоновская летописи не дают однозначной хронологии: в определенном году похода у них получается различия в один год, и это должно отразиться на всех последующих датах.

Так же мало выношена продолжительность похода¹⁰⁾. «Нашиирих», повидимому, не давало точных указаний на этот счет; и Беловская, и Стратоновская летописи помнили дело так.

⁸⁾ Сказы изначальной формы можно угадать и в Исповедной летописи (например, в рассказе о прибытии Магустрова).

⁹⁾ 26 июля св. Иаков. Дата является неслучайно, так как упоминается в летописи князь волжский от 6 ноября 1583 г. (Сб. и А. Н. I, № 126) и от 25 дек. 1583 г. (А. М. и Н. Л., Стрел. паша, вып. XIII, № 6); вероятно эта грамота была издана в память св. Иа. Ключевский. Об одновременности отъезда Ермака Стратоновский говорит в предельно грубой ст. 16 ноября 1682 г. (Сб. и А. Н. I, № 126).

¹⁰⁾ Как и в «Исп. Хронологический справкой в 200-летие рождения прославленного Сибири и русской державы (Журнал «Истор. Пресс», 1881 № 9).

что Ермак, выступив в поход в сентябре, 26 октября уже был в Искер. Совершенно новую датировку дает Ремезов, или, вернее, тот второй летописец, которым он пользовался помимо сочинения Еспинава. Хронология в смысле годов у Ремезова там, где он не руководствуется Еспинавом, полна ошибок; и на ней останавливаться не приходится¹⁾. Зато чрезвычайно любопытны числовые даты, заимствованные из неизвестной летописи. Выходит, что поход продолжался не два месяца, а целый год: зимою Ермак волею «неизменно устоял», «весною же пришедши дождливою» выступил в дальнейший поход; 1 мая поплыли вниз по Татису, 9 мая вышли на Туре²⁾, 8 июня вошли в Тобол, 22 июня достигли Караульного яра, 21 июля зима моего боя с Махмет-Кулом в Бабасагах, 1 августа колчан с града Карауши, в котором казаки стояли до 14 сент., 1 октября бой под Чулымским и 23 октября вторичный бой под Чулымским³⁾, и в дальнейшем идет хронология Еспинава (25 октября бой под Искером и 26 января Искера). Несмотря на некоторые противоречия, вся последовательность событий до такой степени правдоподобна, что большинство последователей ее древней Миллера кладут и основание истории похода Ермака именно Ремезову, и надлежит признать, что в пользу этого есть много доводов. С другой стороны разражение событий на целый год еще более осложняет вопрос о хронологии, который в общем много вряд-ли может быть решен на основании одних летописей с их условным расче́том времени.

Рассуждения до сих пор напечатанные исторической литературы Сибири все могут быть в той или иной мере применены и тому первоначальному писанию, в котором говорится в Синодике пр. Кирилла. Но летописцем данного типа не ограничивались сибирская историография XVII в. Дошедшие в отрывках летописи, последние совершенно самостоятельный характер, которые не могут быть восполнены в указанных первоисточниках. Любопытным образцом такого рода летописей и является «Летопись Сибирская прикая Кунгурская», значительная отрывки из которой были введены в первоначаль-

¹⁾ Начал поход Ермак в мае 1579—1580 г.; по Туре плыли в мае 1581 г.; шедши Малая-Кула отплыли в 1582 г., при том говорится, что это плыли и царь Федор (вступил на престол в марте 1584 г.) и т. д. Я не знаю, есть ли хронология введяшей походы в «Летопись Кунгурской летописи».

²⁾ Я привожу ее особенно на другом, как можно видеть, основании, что казаки стояли все лето в 1 августа казаки Тобола.

³⁾ Целый список хронологии летописной летописи в хронологии Еспинава обозначена условно расчерка в Чулымской летописи. Но данным неизвестной летописи. Ермак выступил на Ачинского герцога в день бой 1 октября, а так как по Еспину, то событие произошло 23 октября, то Ремезову придется считать поспешно, будто казаки после первого боя перешли зимовать в Ачинский город в неделю ту, в 23 октября вывершился вторичный наступление.

ной токс Ремезовской летописи⁴⁾. Низкая попытка связать или согласовать спорные, поспешные из нового источника, с основной частью первоисточника сделано не было, и мы имеем параллельный расказ Кунгурской летописи с некоторыми моментами похода Ермака, повидимому, в неясном виде. Это обстоятельство позволяет до известной степени судить об этом по дошедшим до нас летопискам.

Заглавно, под которым сохранилось разбрасное произведение, показывает, что оно возникло в русском Приамурье, во второй половине XVII в., так как город Кунгур построен в 1648—9 году. Наиболее характерной чертой Кунгурской летописи является ее чисто народный стиль, пронизанный грубоштыми широкими шутками. Мы находим в тексте много народных словечек и прибауток. Например, про казаков шуточно говорится, что они первоначально «обманывались» (промахивались в цель), по сраму полади по Чусовой в Сибиря, про Ермака, что он в амал обманывали корчилася из лаской: «что мимоходом урал, что и папа добыла» и т. д. Некоторые выражения напоминают песни; так, выражение: «как взял за саблю» встречается в одной из песен Кирилы Давыдова⁵⁾. Отдельные эпизоды расказаны почти сказочным языком. Таково, например, описание одной стех предсказующих веров Ермака Поголовского с товарищи: «было у Ермака два соратника — Иван Козьмо, Иван Грозь, Водия Ермака и выборных есаулов 4 человека, тож и полковых птарей, трубачи и сурмачи, лаварщина и барабанщина, охотники и пидладеватники и десятники с рывками и зинковщина чиню; да три поим, да старей бродяга, ходил без черных риз, а правило правил и каша жарил и правило знал и круг шаровый спрочно знал; и указ на преступление чинили згучами, а кто подумает отойти от них и пискнети, не хотя быти, и тому по дошки указ; пошла песня в ползку а поседа в мешок, и воку. И том у Ермака все укреплася; а болшии 20 человек с пешкой и шашком в Сидла угружены»⁶⁾. Таково же обращение Ермака к Ивану Стрельцову за помощью, подкрепленное угрозою его саулов: «О Стрельца! не знаешь ли, ты и теперь мертв! возьмем ты и расстреляем по колочку! Дай нам на рогатку

⁴⁾ Несмотря на разное название и название и в тексте различия в некоторых местах по сравнению с основными летописи, а именно себе представляю, что можно быть предположен каки Ремезов или его источник. Основание для этого предположения служит то обстоятельство, что введяши «Кунгурской летописи» с оудак, бранных Ермаком на Сербские, именуемая историками для обозначения одной из оудак на карт Ремезовской атласа (см. ниже, в тексте).

⁵⁾ Древнее стихотворение собрание Кор. пр. Давыдовым, стр. 181 в., стр. 221

«Итак царь собрал
«Итак соболью острей,
«Итак сабля отряла».

⁶⁾ Сиб. арх., III.

по именам на струны, поарстали нити тысячами, по именам на великого человека по 3 фунта пороху... по 3 пуда муки ржаной, по пуду сахара»¹⁾ и т. д. Самая драма участником похода или «заговора», как его называли у нас помиланки, (5000 человек) тоже носит сказочный характер. Весь стиль Кунгурской летописи и целом нитие напоминают стиль отписок Ярыя Хабаровя из Даурского похода и до известной степени характеризует среду, из которой она вышла. Это — среда помиланки, в которой еще жила и близка была память об атамане Ярыя Тимофеевиче, и в которой образ покорителя Сибири не утрачена еще часто названного колорита и не пропала в литературно-реалистичный шаблон мученика за веру.

При всем том, Кунгурская летопись не есть простая сказка о Брамке, возникшая среди сибирских казаков. Источники ее очень сложны. Тут, как и в Ремезовской летописи, мы имеем, во-первых, дело с записью не только русского преданья, но и туземных легенд и суеверий, при том записке сделанной очень точно. Предание о том, что на волюку мещу Соробранной и Баранчюу, в разных местах лежат старые суда Крамля, прославше деревьями, ишлаха еще Милхотр при своем путешествии по Сибири от русских и от вогуличей²⁾. Очень любопытна рассказ о Таштантешской камне, «от него-де временем восходит туман и снег, вполне совпадающий с татарскими верованиями в «сидящихши», т. е. воднолюбиве породистом шамей, имеющей свойство, говоря словами Гашиды, «вызывать даже летом туман со снежком ветелью, страшный мороз или, по крайней мере, жестокий дождь»; важность таких верований документально удостоверена у инородцев Томского уезда в XVII в.³⁾. В одном случае в текст внесены слова татарской мещи под названием: «старини плач»: «изям, изям, баш излак, баш изаво», «среть: воины, воины ити, пять человек победили и разорвали»; тут обращает на себя внимание более или менее верная транскрипция отдельных татарских слов⁴⁾. Чрезвычайно ценна и точна некоторые этнографические сведения, включенные в Кунгурской летописи, например, очень живое описание помиланки шамана (шейтанчика) в Чандыревом городке, вполне совпадающее с описаниями позднейших путешественников: «проклятого сплелаше крещю, и уткнул саблюю вли воюм в брехо скрель и держал саблюна доулка по вопросу оск шикет, и тогда выдернут нож или саблю, шейтанчик же, встан, залочит пригорюни крови свои, пашет и пашаюется, будет весь ден,

что и жи не звать»⁵⁾. В отдельных случаях попадаются, впрочем, неудачные попытки растолковать непонятный туземный обряд; так, старинный остицкий обряд: «спити с золота» при заключении союза дал, повидимому, повод для фантастического рассказа о том, как молотом остижи: «молоты-де оити русскому богу, и тот-де русский бог литой золотой в маше слалит, и в ту-де чашу, алхинши воды, выют и зовут его Христом; а скланивает-де, призывае от Владивирова крещенна»⁶⁾.

Наряду с записью русского и туземного преданья и с мало-средственными наблюдениями окружающего быта, в Кунгурской летописи мы находим признаки знакомства и с письменными памятниками. Автор ссылается на документы архива Строгановых; «на городище-же Брамково», говорит он: «с женщинами зряние, и книги их писарей и память живая их, кто живши и отечеством домов, домше у Строгановых в каше выхустыся»⁷⁾. Ему было известно про «машную грамоту, которую царь Павел, разгневавший мужицким добрососудским отомщением с сибирских судачком, повелел в Строгановых по поводу похода Крамля; по эту грамоту он излагает своими словами, совершенно и в народном стиле: «мужици» писал будто-бы царь Павел: «помни, да как ты с тьями великии и малючючими соседом ссораша, и какши несогласительная спина меж нами учинится, и не уедасть, что я тебе учиню; а ежели доброе что в таком случае учинится безворотно, не ведаешь, чем ты со своим пожалован будешь в твоем озлоблении»⁸⁾. Впрочем, автор, повидимому, с таких документов не выдал и шлово по изписанию. По всем Отрог юных он потому знает только одного Машкина.

При всей простоте своего состава Кунгурская летопись сообщает очень много интересных фактов, которых нет в других сибирских летописях. Там, при чрезвычайной запутанности хронологии, сообщаются некоторые численные даты с указанием дней и месяцев, дающие повод думать, что автор пользовался какими-то европейскими записками. Точно также сообщаются имена остицких и вогульских шаманов, с которыми пришлось бороться казакам. В одном случае мы можем проверить точность этих данных. В летописи рассказывается подробно о том, как назван был укрепленный город моголшественного остицкого князя Самара; потомки этого Самара, Тимур Самаров в царствование Василия Шуйского и Валдайск Самаров в царствование Михаила, но документальным данным, продолжали числиться «случшими людьми» в Белогорской волости, а Самарово городище

¹⁾ Сиб. лет., 315.

²⁾ Там же, 314. М и л а р, Описание Сиб. чертв., 106.

³⁾ Сиб. лет., 342. Рус. Изв. Изв. Библ. II, № 82, РГОЗин, Histoire des Mongols II, 418—419. Ср. М о с е р а, стр. 186; по его словам, татары называют такие камни «Таш-челю», т. е. «челюсти приходящие в движение».

⁴⁾ Сиб. лет., 342. «башы-и баш, ити по-татарски, ишам-ишам».

⁵⁾ Сиб. лет., 326. Ср. у М и л а р а, стр. 120.

⁶⁾ Сиб. лет., 324. И в р а м о в а, VI, прим. 401 (за предать их, со золота оити) или, вероятно, про водили остицких шаманов).

⁷⁾ Сиб. лет., 314—315.

⁸⁾ Сиб. лет., 314.

было обследованы на месте Миллером ¹⁾. Точно также тоны и подлежат проверке по личным планам XVII в. многочисленных географических названий, попадающихся в Кунгурской летописи ²⁾.

В заключение, приходится отметить в изучаемом нами материале одну фразу, которая, если это не ошибка, представляет собой большой интерес. Описывая историю городка осланского наряда Демана, автор пишет: «егда-же мечаюла приступата» ³⁾. Эти слова дают повод думать, что рассказ написан участником боя, если только, повторю, это не описка или, может быть, сказочный оборот речи.

Из сказанного видно, насколько разнообразны, интересны и запутаны состав Кунгурской летописи, и насколько неоправданна утрата ее в полной виде. До сих пор, однако, она не была исследованная и всесторонне изученная и остается любопытной, хотя и не удовлетворительной, образцом особого типа сибирских летописей, не возмущающих и рассматриваемой нами выше первоисточнику Строгановской и Енисейской летописей и основанных, в значительной степени, на известном предании или на источниках, не поддающихся точному определению. К такого рода летописям относится та, которая вошла в составное «Описание новых земель Сибирского государства», послужившее источником для Витуса в его описании: «О северной и восточной Тартарии» ⁴⁾.

В тех случаях не входит в составное историческое «Описание». Достаточно указать, что оно составлено из разрозненных документов на которых некоторые несомненно почерпнуты из канцелярии Сибирского Приказа. То обстоятельство, что им нет воспроизводить Витуса, которого снабдил материалами екатеринский во главе Сибирского Приказа думный дьяк Андр. Андр. Виттус, дает повод думать, что и этот приказе оно и было составлено. Время написания «Описания» определяется довольно точно: в нем упоминается о платии китайцами двух русских островов на Япе в 1683 году; с другой стороны о платииюем Бохайгуэане, побитом в 1691 г. ⁵⁾, говорится как о находящемся в живых. В «Описании» внесен рассказ о заложении Сибиря. Рассказ этот разрозненно использованный в него отри-

¹⁾ Акты царств. Василия Шуйского (изд. Галузинским) № 761 и 118. Сиб. Приказ. № 78, л. 654. М и л д е р, Сиб. царств. стр. 162—163. Сиб. акт., 236—238.

²⁾ См. Сиб. Приказ. вл. № 15. Миллер во время своего путешествия прислал акты по описанию на него.

³⁾ Сиб. акт., 234.

⁴⁾ Оно вошло в состав Сиб. летописей Архивер. Бюрократии, в то время и издатель Троицкий сборник: Сибирь в XVII в. Параллельные места у Витуса можно найти в статье Тонина о нем: «Обзор первоначальных писаний о Сибирии со 2-й половины XVII века в Сибирском Государстве» из 1887 г.

⁵⁾ Pallas, Sammlungen Naturlicher Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften, 1773, I, 67.

нами из одного из географических описаний сибирских путей и расстояний между главнейшими сибирскими пунктами, которые нам известны от XVII в. в печатных изданиях; эти отрывки ставятся в связь с повествованием, но не всегда удачно; так, по поводу изложения Тобольска написаны сведения о расстоянии от имени Верхотурского до Тобольска, но случайно повествование Ивана Грозия в Москву в IV — о пути и расстоянии между Москвою и Сибирью и т. д. За устранившим этих вставок остается довольно полный исторический очерк, который нельзя считать в непереставляемую связь с известными нам летописями. Он представляет из себя совершенно самостоятельное произведение, изобилующее неизвестными на других источниках деталями и построением по плану, отличающему от трафаретного.

Как и Кунгурская летопись, входящая в «Описание» повесть тесно связана с Приказом. Это видно из упоминаемых и ней определенных городов и урочищ—Осы, Саргалуля, Рыбной, Чортана городища, и особенно из тех сведений, которые она сообщает о Строгановых. Сведения эти едва-ли почерпнуты из каких-либо письменных источников; она, как и сведения Кунгурской летописи, занесены по рассказам; и, тем не менее, она точна и не дает повода к сомнению: «А тот мужик Строганов, поворотил здесь: спорохот повторил, посадил человек, как от страха смерти в жизни вел. государя царя (sic) Новина Васильевича бояр. России самодержца из Новгородца убежала со всем домом своим в зырян, спреча в Пермь Великую, чрез Великий Устюг, на вершину Ямы река; на месте пообладала, на великую реку Каму» ¹⁾. По рассказам же сообщает повесть о содействии Мамака Строганова эмиссария Ермака, которую он финансировал. Все эти данные могли быть почерпнуты только на месте, так как в самой Сибирь, как видно из приговора Ежова и Реднова ²⁾, Строгановские не интересовались и об их роли в деле занесения Сибирии мало что знали. Автор, однако, сам был жителем Тобольска, если судить по тому-как отчетливо он знает топографию Тобольска: «Город Тобольск, именуется: состоит над рекою Иртышем, помыте Тобода речки с поправши, на город выскочил; он разваливается, что Ермак почел, «Тоболом плывуще, до Тобольска не доходя 7 поприщ, урочище плываемою плыти Шиниша деревни» (дур Шиниша под Тоболом) повесть по актам XVII в.) и на следующий день сведения судили под гиром Тобольске на лужок, где ныне стоит алтарь хлебные государя» ³⁾. Не менее точно определяется

¹⁾ Сиб. акт., 232.

²⁾ В канцелярском чл. «История Рюрика» говорится только, что Ермак спреча до Оры городища и ту землю занесу Строгановы, урочище в великой яме и было по Шинише. (Сиб. акт., 237) и бесспорно Строгановские не интересовались.

³⁾ Сиб. акт., 272.

местоположение Абадана, что Тобольск расположен 20 пудами¹⁾. Так мог писать только человек, хорошо знавший столицу Сибири. Автор, вероятно, сам видел и те две пушки, описанные в повести, с которыми связывалась легенда о пушках Кучума, возмодованных казаками, и сообщил точные размеры их²⁾. Это, очевидно, такой же тобольский грамотей, может быть, служивый человек, или в Семен Романов, по сохранившейся связи и с «Первою Великой».

Повестька его сведений очень напоминает те, которыми пользовался Романов для дополнения Белогорской летописи. Это — русские и татарские легенды. Как и Романов, он знает некоторые предания, связанные с урочищами; он помнит что на месте Тобольска «горд деревянный с осыпью был у сибирского князя Кучума», что Абадан был «добримом богатым» того же Кучума. Некоторые легенды, которыми он пользовался, совпадают с Романовскими, например, о пушках князя Кучума. Он, повидному, слышал и предание о волшебном шапиро, так как два шапира фигурируют и у него в рассказе о гибели Ермака; о том, как выловлен был татарами труп Ермака, он рассказывает в несколько иной редакции, чем Романов. Но наряду с этим мы встречаем в повести и такие легенды, которых нет у Романова; такова сказка о «нымаха», послыша характер чисто народный. Наконец, в повести подаются описания туземных обычаев, слегка переиначенные; в этой отношении можно отметить сходство с Куингурской летописью. В высшей степени интересен рассказ о союзе Кучумом своих конюхов путем расхищения золоченых стрел; он послал, вместо царских своих грамот, стрелы свои золоченые, чтоб другой послыши не догадался, почему же идет на нас повелемо такой легкой ширинелью³⁾. Обряд омовения на войне посредством стрелы, как известно, существовал у многих восточных народов; в частности мы встречаем его в Сибири в начале XVII века у предков астрахан⁴⁾. Автор повести, очевидно, слышал об этом обряде и приурочил его ко времени Кучума.

Построенная на устных рассказах лиц, знавших потомков Максима Стреланина, на русских и туземных преданиях, на наблюдениях над местными обителями, — повесть содержит также некоторые сведения, которые должны быть отнесены к истинным источникам. Так, в противоположность слухочивым вестьям, которые мы знаем в Куингурской летописи, она дает более или менее верное число соединившихся Ермака — 600

чел., что приблизительно соответствует данным, почерпнутым Белогорской и Стреланинскою летописью из их первоисточника (340 чел.). Из описаний соблаев, предшествовавших решительной битве под Исгорск, можно заключить, что автору был известен замечательнейший в том же первоисточнике рассказ о том, как Ермак и его товарищи в решительную минуту подбадривали друг друга верою в боюю кобыну и заявляящими о готовности послушать своего государя, но он изложил его своими словами; очевидно, ему об этом рассказе может быть, он сам читал предостроительный и выносоучительный в тогдешней тогди прости эпизод, но, во всяком случае, самого текста над руками у него не было. Некоторые его сведения совпадают с теми фактами, которые Романовым заимствованы из неизвестной летописи, например, про землю: Там он. Наконец, при описании посылства к царю поражае т тогди в численности послыши им в Москву «малыи⁵⁾. Спрямые размеры этой колмы (по сорокам соблаев, 30 соблаев и 20 лисиц чернубурых) и особенно-техническое в халде-арзрехк смысле выражение о соблаих: «с лунки и с хвоста» дают повод думать, что эти сведения заимствованы из официального источника. Что касается отмычки, которую Ермак послал будто-бы царю, то она, несомненно, сохранила совершенно и народном встусе.

Влияние разработкой нами повести можно проследить на некоторых литературных памятниках XVII в., например на сохранившихся редакциях Белогорской летописи (по стилям Бузуновскому и Головинскому), которые до нас, вероятно, заимствовали ее особенно в роли Максима Стреланина и в числе соединившихся Ермака⁶⁾.

Рискоутреннее нами произведение по существу своему является не столько летописью, хотя их и принято так называть, сколько историческими повестями, изобилующими в драгоценной литературной форме историей завоевания Сибири. В последние десятилетия XVII в., когда усилился научный интерес к прошлому русской Сибири, повесть выразилась в издании иллюстрированной «Сибирской Историей» Романова, Куингурской летописи и историко-географического «Описания», в Тобольске была предельно оценена интересная и важная работа. На основании данных, изложенных, повидному, преимущественно на архивах Тобольской Сибирской казны и дома гв. Софьи, и отчасти некоторых литературных памятников, были составлены краткая методика летописи важнейших событий административной и церковной жизни Сибири начиная с 1572 года. Это сочинение должно до нас в двух редакциях: более ранней, опубликованной на 1687 году, в так называемой «Книж-

¹⁾ Там же, стр. 310. И название это совпадает с данными чертвы 1667 года. «От Тобольска до Абайдана селы суглины пуды 20 мерты. (Т в т и в, Сибирь в XVII в. стр. 21).

²⁾ Там же, стр. 312.

³⁾ Там же, стр. 311.

⁴⁾ Акты восточ. Восточн. Шуйского, №№ 61 и 118.

⁵⁾ Сиб. арх., 673.

⁶⁾ Сиб. арх., 256—311.

Записной», принадлежавшей Тобольскому собору, и более поздней, доведенной до 1762 году, и «Записках к истории Сибири служивших», напечатанных в «Древней Российской Византийской Библиотеке» (Книга Записная и «Записки» до 1687 года пользуетесь сбори первоисточником, как должно Ташковому в его прекрасном исследовании о городских летописях Сибири¹⁾. Содержание их заключается в расположенных в хронологическом порядке известиях: 1) о выдающихся исходах и сибирские города, о построении городов и острогов, о важных происшествиях в административных кругах Сибири (капитанер, о больших ссудах, о недоразумениях между воеводами, о посольствах к азиатским государям и о походах на инородцы), 2) о назначении архиепископов на Сибирскую кафедру и об их административной деятельности и 3) о событиях тобольских происшествий, вроде пожаров и т. п. К этому присоединены известия о выдающихся событиях обще-русских (о смерти и возмездии на престол государей, о смутном времени). В Книге Записной, составленной как показывает ее принадлежность Сибирскому собору, в кругах, близких верхам церковного управления Сибири, известия, касающиеся церковных событий, представляются более подробно и шире. Источники, которыми пользовался первоначальный сведок разоблачены. Историей званья Сибири он изложил по Башкирской летописи, дополнив отчеты по другим источникам. Обще-русские известия относятся преимущественно во Новому летописцу. Но главная часть труда составлена на основании официальных документов Сметной палаты и архиверейского дела. Назначенные отсюда факты отличаются точностью, как показывает проведенная тем же Ташковым проверка; действительно, в несогласованности бывшего Сибирского приказа нию попадались многие из тех дел, на которые в летописи имеются краткие упоминания (напр. дело мангазейских послов, дело км. Талыковского и П. Хмельовского, дело П. Годунова и др. ²⁾. Значение этих записей, таким образом, очень большое, и нельзя не позавидать, что они остались по вполне очевидным и чрезвычайно мало использованным. В общем итоге составился систематический, расположенный по годам, обзор выдающихся событий в Сибири более чем за целое столетие. Время, и которому следует отнести возникновение первоисточника этого обзора, Ташковым несомненно убедительно определяется во-семью годами XVII века. И на замыслу, и по специально разработанному нами произведение выходит далеко за пределы «городских» местной летописи, каковой его принято обычно считать. Оно

¹⁾ 1-4 изд. 1774—1776 г. VI и VII 2-е изд. 1768, г. III.

²⁾ Т. и ж. в. «Записки в городских летописях Сибири», часть I, летопись города Тобольска.

³⁾ Визбир систематического произведения едкого Ташковым в «Записках» выше изложенных.

носит обще-сибирский характер, не ограничиваясь пределами Тобольска и его района и охватывая всю страну в целом.

Погодные обзоры важнейших событий, в форме летописей, являются, наряду с новостями о званении Сибири, одним из характерных проявлений научного исторического творчества в XVII в. По их образцу составлялись подобные же сборы в Сибири в течение всего XVIII в. Такой «Сибирский летописец», обобщающий события с 1590 по 1719 год и пользовавшийся, повидимому, кроме первоисточника, казенно-пробуды местными тобольскими записками³⁾. «Краткое повествование о бывших делах в Тобольске, так во всех сибирских городах и острогах с начала влияти Сибирского государства воеводам и губернаторам и прочих чинах, и это повество и в разных городах были, и кто-какой город строил и когда», доведенное до 1794 г. и напечатанное в 1793 году и др. ⁴⁾.

В сущности к тому же типу искусственно составленных по осколкам разрозненных исторических летописей принадлежит и «Новая Сибирская История П. Черепанова, доведенная им до 1769 года. Это сборник хронологически расположенных известий, заимствованных в первую очередь из «Описания Сибирского царства» Миллера (до 1618 года), так как продолжение этого труда в «Камчатских обществах» автору осталось неизвестно), из Ремезовской и Кожинской летописей, из Хронографа, Нового летописца, осколки Ноллинского со воеводскими и других литературных летописцев. Наконец, Черепанов несомненно пользовался и летописными заметками типа Книги Записной или Повествования Записок, а также отдельными сообщениями местного происхождения. Самостоятельно значиме этой компиляции тобольского самоуправления, может быть, во очень велико, но она представляет отличный образец ярусом и интересом образованного сибиряка того времени ⁵⁾. Соединив в одно целое разрозненную литературу XVII в. с научными произведениями XVIII-го, «Новая Сибирская история» рисует совершенно постепенный переход от науки старинных мастеровских книжников и новой науки иностранных профессоров к зрелой отечественной Академии. В широких кругах общества выработались неясны историческое мировоззрение и старые приемы научного мышления лишь медленно уступали место методам западно-европейской науки, как медленно возросло умение стро-миссионный быт мучную ему западную цивилизацию.

¹⁾ Напечатан в 1826 году в «Сибирском архиве», т. 29, №№ II и III.

²⁾ Копированное так назыв. «архивное» летописец, см. у Наволинского, выше упомянутой историографии, т. II, кн. 2, стр. 1461—1466.

³⁾ Основан на «Истории Черепанова» издании Суворова в Сибирском Восточном 1821 и 1823 гг. и Миллера в летописи «Зем. Архива» Копеева, VII.

⁴⁾ Основано см. также Описание о Сибирск. Восточн. 1821, XI и в издании Миллера в архивном изд. Архива Копеев, II ноября 1820 г. 127, 2-й. Арх. Нов. VIII.

II.

ГЛАВНЫЕ ТРЯБИНЫ В СИБИРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
О XVIII ВЕКА.

Научное обследование Сибири в XVIII в. Труды введ. Миллера до истории Сибири. Их значение на историческую историографию Сибири. Источники данных в Сибирской историографии в XIX в.; Связь и ее историческое Обобщение. Изучением в том или ином смысле истории Сибири. Обобщение данных изучения Сибирской истории в начале XX в.

В XVIII веке наступил период научного изучения Сибири. Необходимо, что принадлежавший со времени Петра Великого торгово-промышленный рост России вызвала потребность в более близком ознакомлении с обширными пространствами земли, принадлежавшими Российской империи на Урале, и с их природными богатствами. Вместе с тем, тут открылся общий вопрос интереса к географическим наукам в Западной Европе. Период беспримерного стихийного захвата сибирских земель заинтересовал; наступил момент, когда и правительство, и общество в России начинало присматриваться к своим завоеваниям в Азии с более широкой точки зрения; России предстояло вывести свою жизнь в ту большую работу по последовательной универсальной земной карте, в которой ознакомился Петр при своих путешествиях за границу и которая поразила его удивительное воображение. Северная Азия оставалась еще, по выражению Гумбольда, «неоткрытой для географов и глубокой мраком». «Все страны слыха под именем Татарии, все народы в ней обитавшие, почитались за татар; но знали даже, как далеко (на восток) тянется суша и продолжался ли она до Америки, или отдалается от нее морем»¹⁾. Таким образом, с одной стороны единые выгоды для торговли, с другой — ученые интересы побуждали русское правительство приступить и последующим административным владениям России.

Уже в 1719 году в Сибирь был отправлен х-р Петриц Мессершмид; согласно договору, заключенного им с правительством, он обязывался изучать географию страны, ее естественные

произведения, атмосферу и, наконец, исторические памятники и древности и, вообще, все «замечательное»²⁾. Этот план обследования Сибири любил даже тот, что показывает направление и рамки интереса, который проявился правительством и обществом к данной, по мнению обитавшей в будущем стране. Помимо, что исполнить его один человек не мог. В 1733 году была сформирована обширная и научно обеспеченная академическая экспедиция под начальством капитана Беринга, которой ставились две задачи. Во-первых, морской состав экспедиции во главе с Берингом должен был продолжать начатые за несколько лет до того тем же Берингом исследование береговой линии Камчатки для выяснения неопознанного еще Петром I вопроса о том, «соединяла ли Азия с Америкой; во-вторых, предстояло произвести подробное обследование всей Сибири приблизительно по тому же плану, какой был у Мессершмида. Для последней цели, Аляска была в состав экспедиции лица, способные не только к описанию путешествия, но и к тому, чтобы принести известияе пользу в деле землеведения, описать историю дотоле неизвестных стран, через которые лежал путь, и населенных их народы и точно изучить естественную историю, познания в которой необходимы для сознательного ознакомления с страной, и вообще узнать все, что имеет научный интерес»³⁾. К участию в экспедиции были привлечены историки Герард-Фридрих Миллер и подполковник Иоганн-Эбергард Финнер, натуралист Иоганн-Георг Гумбольдт, астроном Людвиг-в-л-т Иог-до-ль Кроувер, несколько студентов, в том числе Брановицкий, геодезисты Краевские и Попов и другие. Из них Миллеру было возложена историко-географическая часть обследования. Экспедиция продолжала десять лет с 1733 по 1743 годы. Подднем, при Екатерине II, была сформирована по тому же плану другая большая академическая экспедиция для обследования восточных областей империи, в которой приняли участие: Паллас, Гютер, Земкошич и Фалкс. Таким образом, выдвинулись названия Словцова, благодаря совокупным усилиям ученых мужей, покрывало спало с Сибири; и она в парств природы дилась богатой, а в обитания человеческой — без бедности⁴⁾.

Одним из результатов обследования Сибири в первой половине XVIII в. явились труды Миллера по Сибирской истории, должностно-важные представлять последовательно классические и современные этой страны русским. В 1756 г. вышел I том его «История Сибирского царства и всех происшедших в нем дел с начала, и особенно от вхождения его Российской империи, по

¹⁾ О Мессершмиде, см. Петрицский, Поля и Лопуховичи — Рязань при Петре Великом, т. I, стр. 399—402.

²⁾ Там же, стр. 402.

³⁾ Славян, Историческое Обобщение, изд. 2, т. I, 262—266.

он времени, в составе 5 глав. В июне 1761 г. готовы были и почти следующие шесть глав (VI—XI), а в 1762 г. акциденты были рассмотрены и одобрены главы XII—XVIII, и уже, по возможности, были подготовлены на немецком языке главы XVIII—XXII. В феврале 1763 г. Миллер передал Фишера 23 главы своего сочинения для составления из них скатого оверда ⁹. Из них главы VI—VIII, представлявшие обзор внутренних событий и Сибири приблизительно до 40-х годов XVII в., приемо-отдаваемые стороны Сибирской истории доведены даже до 1711 г., были включены в «Коллекционных сочинениях для российских и польских служащих» в 1764 г. (и на немецком языке в *Sammlung Russischer Geschichte*). В тех же «Коллекционных сочинениях» разрозненные составлены отдельные статьи, относящиеся к задуманному Миллером труду: «О первых российских путешественниках и первооткрывателях в Китай» (в 1764 г.), «о торгах Сибирских» (в 1765—1766 гг.), «замечательное суждение, выходящее при составлении границ между Российским и Китайским государством» (1767 год) (1767 г.), «история в странах при Амуре дошедших, когда они попали под российским владением» (1767 г.), «описание морских путешествий на Золотоморье и Восточному морю с российской стороны učinенных» (1768 г.), «известие о песочном золоте в Бухарии, о чинах для того открывавших и о страсти крестьян на Пртыне» (1769) и другие. В заключении приходится отметить, что «Сибирская история» Фишера, доходящая приблизительно до 60-х годов XVII века, является в сущности сокращенным переложением соответствующих глав из сочинения Миллера. Таким образом, незначительные работы Миллера охватывают фактически почти всю историю завоевания Сибири.

Значение трудов Миллера заключается не только в широте охватываемого ими периода, но и в глубине их изученности. В лице Миллера в русской историографии выступил серьезный ученый типа исследователя-монотрофиста, необыкновенно четко определивший свои задачи тонким постановлением исторических фактов. «История», говорит он: «не довольствуется одними критическими рассуждениями (гипотезами); она должна показать факты, из которых никак утверждается на подлинных, а никак на вероятных доказательствах»¹⁰. «Я не требую, писал он в одном из своих писем: чтоб историк рассказывал все, что он знает, но также все, что истинно, потому что есть вещи, которые нельзя рассказывать и которые, быть может, вредно сообщать, чтоб расписать их перед публикою, но все, что исто-

рия говорит, должно быть строго истины, и никогда не должен он давать повод к возбуждению в себе подозрения»¹¹).

Исходя из таких принципиальных соображений, Миллер строит все свои научные выводы исключительно на подлинных источниках и избегает всяких субъективных догадок, всего того, что ни во каких исторических известиях доказано быть не может. Все, что он пишет, по его собственному замечанию, утверждается на достовернейших и по большей части на непроверенных доказательствах»¹². Он поэтому уклоняется от разрешения этнографических загадок о древнейшем населении Сибири, которые в то время были и еще в научной литературе. «Лучше будет», говорит он, «есть древние истории в пародах, из которых основательных доказательства, и крайней темпте оставить, нежели сообщать к ним ложное изображение»¹³. Такими методологически чистыми, которых должно, по мнению Миллера, держаться «предосторожный и беспристрастный историк является». Подобным требованиям к русскому историку в те времена, когда еще не вполне известны были средневековые документы, и Синюев продолжал оставаться главным пособием по истории России, являлись довольно широким образом в области исторической этнологии. Своим взглядам Миллер проводил упорно, истинно важное непонимание не только среди окружающего его образованного общества, но даже и ученых кругов. По выходу в свет «Описания Сибирского царства», Академическая канцелярия сделала автору выговор на злоупотребление штатом: «сюртук», говорилось в указе канцелярии, «его в I томе Историй Сибирской... Большая часть книги не что иное есть, как только война с едким канцелярским, а никак бы не была надлежащей величины не только, но чрез сию широкую запрещается, чтоб никаких книг в следующие томы не вносить, а, когда нужно, убоиваться какую грамоту или выписку, то на стороне канцелярии, что она действительно в академической архиве хранится»¹⁴.

Канцелярия довольно верно подметила ошибку Миллера в обширном шатании из источников. Под влиянием общих его методологических воззрений, у него складывается какой-то культ источника: «Кто», говорит он в предисловии к своему «Описанию»: «к архивным письмам и привязывает, тот подлинно оное читать будет с удовольствием, как бы замечания читателей или притчи удовлетворил различие их быль»¹⁵. Самый слог автор приводит его в восторг. Этою любовью к подлинному научнику объясняется то, что он жалел пропускать из всего малейшее известие,

⁹ И в с у р т к а, История Академии, I, 403—407.

¹⁰ Большая часть этих статей печаталась, покуда в том же немецком языке в *Sammlung Russischer Geschichte*.

¹¹ Описания Сибирского царства, стр. 26.

¹² И в с у р т к а, Ист. Академии, I, 261.

¹³ Описания Сиб. царства, стр. 13, 61, 9.

¹⁴ Там же, стр. 33—34.

¹⁵ И в с у р т к а, Ист. Академии, т. I, стр. 261, ср. стр. 323.

¹⁶ И в с у р т к а, Ист. Академии, т. I, 262.

за что его нередко обвиняли (и несправедливо) в отсутствии критики. «Должность историк писателя», говорит он, «требует, чтоб подлиннику своему и приведенный текст, хотя за ложные почитаемых, приведенный верно последовал. Истина того, что в некоторых главнейших есть, том не затмевается, и даром рассуждающему читателю пользы не отнимает»¹⁾. Поэтому, «сам себе накладе делая», он приводит бесчисленные рассказы Рымовца о деяниях чудесах. Это требование и историк держаться всех подробностей текста объясняется, конечно, слишком свободным отношением современников Миллера к подлинникам. Даже в предисловии к «Описанию» Миллера, составленном поименом автора канцелярий, высказывается мысль о необходимости назвать Сибирский детством, «очистив прежде оное от басней, которые не принадлежат к самому делу»²⁾. Но Миллер понимал необходимость критики текста. Он отпустил в «Тоболяском антошии» (т. е. в Рымовской детстве) наличность, «прибавленных» по первым сочинениям, а именно, «что не только по письму, но и по находящимся в нем рисункам довольно известно», и высказал предположение, «что все быстрое случившихся оных времён не тогда, когда они учинились, но по продолжении многих лет не словесным только объявлением записаны, отчего могли произойти «погрешности»³⁾. Он делает резкое различие между подлинником и подлинной копией, в которой «можно надеяться, ... что в описанн...» (заключает).

Из Сибирской экспедиции Миллер привёз обширные и разнообразные исторические материалы. Конечно, на первом плане среди них стоит громадная коллекция архивных документов (большая часть в копиях), которые он собрал в Сибирских канцеляриях. Нельзя сказать, чтобы работа была проведена безупречно. Он действительно считал: «ни сомнений ни тем, говорил он как впоследствии: «что я ещё не очень знал все, что мне следовало требовать и о чём спрашивать: для этого нужны практические сведения, которые приобретаются только опытом». Первоначальная моя работа», рассказывает Миллер: «состояла в том, чтоб старинные столбы и книги расположить по годам, потом просмотреть один за другим и отметить, что следовало из них для меня изписать... Мне только надобно было сделать список из папок, а в зерничках, которые мне дали (из папчатых канцелярий)... не было недостатка, и я мог быть уверенным, что все, мною отмеченное, будет списано. Впрочем, он не сразу дошёл до такой системы. Сначала, по одному шёл, «требовал и

¹⁾ Описание Сиб. архива, стр. 121.
²⁾ Оправданное требование учёного историка см. также Шлегеля, в его «Privat und öffentliches Leben», об издании Петра Тейлора.
³⁾ Описание Сиб. архива, стр. 124, 126, 128, 130.
⁴⁾ Там же, 72.

только реестры архивных дел» и не оный заметил, что мне потребно было, а где реестры не было, то переводчик и студенту дела читали и, если они по своему рассуждению к какому-либо мерзостно и в вышесказанном не находили пользы, оно-особо откладывали и потом мне для пересмотра привозили... Только в начале 1780 года, женившись Илюшюю архива, Миллер изложил свой метод: «повеле архивным писем реестру еще не сделана была, то я сам трудился в переиздании оных по годам и между тем, как реестры изготовлялись, одну книгу за другою пересматривал и, что к какому назначению причиною было, оно приказывал изписывать. Сей труд подел мне великую известность и абсолютному познанию подлинного архивного состояния. Притом же удостоверился я, как то вредно за чужие глаза издательство надается. Потом, хотя архива столь велики не были, однако, я в пересматривании оных поступал всегда вышесказанным образом и имел от того великую пользу»⁴⁾. Таким образом, по мере работы, усвоившись архиву со временем, и, хотя благодаря малому числу километровых переписываний, в Миллеровских копиях наблюдаются большие дефекты⁵⁾, они до сих пор остаются тем более ценным пособием при изучении Сибирской истории, что жальче из подлинников в тех пор пропали. Миллер не ограничился изучением одних Сибирских архивов. Убедившись, что первоначально сведения о Сибирью шли через Пермь, он ознакомился с состоянием местного архива; из семейного архива барона Строгановых он извлек изданные грамоты XVII века, впоследствии ему открыл род Строгановых, о которых очень мало говорили в дельных им в Сибирь летописи (Беловоевская и Рымовская); он, наконец, открыл такой ценный памятник, как Рымовская летопись («Тобольский летоисчислитель»). Не довольствуясь русскими источниками, он привез также в последние рукописи, например, «старую» рукописную книгу Абулгази⁶⁾. Для него переводили страницы из Мусалленского летописца⁷⁾, он колдовал над сокровищами Китайской истории, основанной на наилучших китайских и маньчжурских летописях академическим переводчиком, «искусным и трудолюбивым» Рымовским⁸⁾.

Помимо письменных источников, Миллер привёз большое значение устному преданию и умел им пользоваться⁹⁾. Он является одним из первых собирателей сибирского фольклора.

⁴⁾ Восточный Архив Академии, I, 321-322, 323.
⁵⁾ Отношение к делу в Сибирском архиве 1883, № 1 в № 8-А (Визирь Миллер и его отношение к архиву). К вопросу об архиве Миллера.
⁶⁾ Там же, Сиб. архива, II.
⁷⁾ Там же, 20-25.
⁸⁾ Там же, 23.
⁹⁾ Петербургский Архив Академии, I, 324.

как русского, так и туземного?), и в его книге встречаются беспрерывно непосредственные ссылки на словесное предание. Так, он сообщает много легенд об Ермаке; об его судах, опитках которых выданы «еще и поныне» между Кочинцем и Сибирскими; он узнал от «многих живущих на тех местах русских и якутской?»; «по словесному преданию тамошних жителей» о пещере на берегу Чусовой, в которой Ермак будто бы спрятал свои сокровища; он спрашивает людей, «которые в той пещере были?»; о том, как Ермак ехал по Чусовой «попозволив распространить паруски... на подобие еловых», ему «сказывали егусские жители»¹⁾. Особенно любимами записанными им туземные предания, в частности «словесные сказки тобольских татар: он сам говорит, что еврейски «старался изведать, поскольку они еще ныне у его народа сохранились», «От многого обходительства, которое... (он) имел с разными тобольскими бухарцами и татарами», Миллер «надеялся» приобрести ценные исторические сведения, тем более, что сумел заслужить их доверие, и они «не сомневались» открывать ему свои «тайности»²⁾. Так, «по словесному объяснению татар и бухарцев», он записал легенды о исландце Кучумом магическими исцелениями в Сибири и об утратившемся скрутом местных святых, «которые палили татара и поныне правдолюб?»³⁾. От них же он «о водливших происшедших случаях» кн. Сеидяка более обогатителя ухаживал»⁴⁾. По татарским, вероятно, устным источникам попал и его книгу любопытная родословная сибирских селтяк⁵⁾. «Некоторый духовный человек бухарцы в Тобольске перевел ему родословие сибирских ханов из Абулгази?»⁶⁾; в другом случае «некоторый ученый мусульманский Лима или пош» сообщил ему сведения о начале «Чингисова пландия» из таугутиных (тибетских) и мусульманских книг»⁷⁾. В Красноярске он нашел старинного арица, единственного человека из этого народа, говорившего еще на своем родном языке, и через него бы

проверил точность записанных Штраденбергом легенд о происхождении его народа⁸⁾. У тобольских татар он спрашивал про древнее название их города?, у якутских около Байгала бурят про местоисхождение легендарного Чингис-ханца «та-галы?»⁹⁾. Он пользовался точно такими бухарскими и казахскими параванками, колдовскими между Туземком и казахскими якутами, чтоб узнать «по своей науке разные чудотворные известия»¹⁰⁾. Приведенных примеров достаточно, чтобы показать, как далеко шла вывешка Миллера в области туземного фольклора Сибири, а точность его знаний подтверждается многими из записок таких специалистов-востоковедов, как Радлов и Катанов.

Одной из любительских сторон исследований Миллера в Сибири является всегатапливание им на месте древней топографии изучаемой страны. Все названия урочищ, степные горы и пашки и в легендах, и на при своих известиях по Сибири старался отодвинуть «с существующим». В некоторых случаях оказалось, что отдаленные названия су тобольских татар совсем не по памяти выданы¹¹⁾, но, как общее правило, он спрашивал больше своей задачей. Упомяну в виде примера всегатапливание топографии похода Богдана Прозрага¹²⁾ или выделение всегатапливание географических пунктов, упоминаемых в древней грамоте князя Лугую¹³⁾. По мере возможности, он на месте искал следов старинных поселений, упоминаемых в пашках. Он «обстоятельно искал «остатки» «столичного города» Кучума, Шенра?»¹⁴⁾, Сакорова городища¹⁵⁾, следы «старинного татарского городища» под Тюменью¹⁶⁾, «остатки овиной варини» XVIII в.¹⁷⁾ и другие негосударственные урочища.

Не менее любимами этнографически исследованиями, проводимыми Миллером в Сибири. Он не упускал случая наблюдать «обычай и нравы туземцев»: в Тобольске он присутствовал на татарской свадьбе и на обряде обфакания, при просиде через различные местности вывешки и собо шамлово соседних племен и изобавлял их шамкнуть перед собой и т. д.¹⁸⁾. Эти наблюдения выданы в специальном труде: «О шарадах, выделке в России обитавших», во они давали известный материал и для историче-

¹⁾ Др. Миллера и этим летописцу обращался Штраденберг, узнав историю Миллера проехать для ознакомления с туземцами. Предание, в частности туземцы, изданы в «Историческом вестнике» XVIII в., в том числе Радлов.

²⁾ Опис. Сиб. архива, 308.

³⁾ Там же, 101. Предание об одной пещере есть и у Виткин.

⁴⁾ Там же, 102—103.

⁵⁾ Там же, 70, 103.

⁶⁾ Там же, 61—62. Соответствующая легенда существует до сих пор среди тобольских татар в виде записки Радлова. См. Известия Тобольского музея, VII (II в т. I и II, Предание тобольских татар о прибытии в 1572 г. мусульманского происхождения в г. Кочур). Об «исходе» мусульманских племени см. также, см. XIV, ст. Катанов. О религиозных войнах упомянул Мейер Виткин и т. д. (из рукописки Тобольского музея).

⁷⁾ Опис. Сиб. архива, 60.

⁸⁾ Там же, 66. Радловым из записки и Радловым (из. Вест. Тоб. Музея, см. XII в Сибирской Сборник, 1867 г. (из Катанов).

⁹⁾ Опис. Сиб. архива, 53.

¹⁰⁾ Там же, 4. Встреча Миллера с казахскими якутами у Радлова. II, 111—116.

¹⁾ Опис. Сиб. архива, 81—82.

²⁾ Там же, 44.

³⁾ Там же, 2.

⁴⁾ Накоренко в. Изв. Ашкеева, I, 224.

⁵⁾ Опис. Сиб. архива, 47.

⁶⁾ См. см. III Отделка Сиб. архива.

⁷⁾ Опис. Сиб. архива, 303—308.

⁸⁾ Там же, 134—136.

⁹⁾ Там же, 161.

¹⁰⁾ Там же, 212.

¹¹⁾ Вест. Сиб., 1704, авг., 29—31.

¹²⁾ См. у Ганулина в. русин. Памят. I, 136—144, 163—167, 281—286, 91—92; II, 44—46, 82—83, 351—363, 481—497, 541—549 и др.

ских буждений¹⁾. То же надо сказать о лингвистических знаниях Миллера в Сибири; он необыкновенно старательно собирал и записывал туземные наречия; так, например, в Туруханском округе записывал в лишнее время, чтобы дождаться прибавки извещений-исписки таежов, чтобы позаниматься с их языком²⁾. Вотный материал по наречиям сибирских инородцев, собранный Миллером, был впоследствии использован Фишером.

Написав Миллер во время своего путешествия производил с указанием археологические изыскания. Но без волнения читается в книге Гюслера описания археологических откритий его и Миллера: обследование развалин степных иванских монастырей, проде «Соян Палат» и Аблай-Бита, откуда вывезено было большое количество табутиных и монгольских рукописей, раскопки могил, не лишнее опасения продолжительно в пещеру, в которой будто бы был похоронен «человек царя» и т. д.³⁾ Результатами этой стороны работы Миллера являются статьи: «De scriptis Tunguticis in Sibiria reperitis»⁴⁾, «Названия о некоторых древностях, и могилх мхдженских»⁵⁾ и «Von den alten Gräbern in Sibirien»⁶⁾. Впрочем, в напечатанных исторических трудах по Сибири Миллер мало пользуется археологическими данными; при тогдашнем состоянии археологии его осторожный ум воздерживался от слишком смелых выводов на основании немногих и мало изученных исторических памятников.

И не исключаю обширных исследований Миллера по географии Сибири, в частности его картографических работ. Отмечу лишь, что предварительное географическое изучение страны было необходимо для ученого, бравшегося за изображение пограничной колонизации областей, в которых еще очень мало имелось точных сведений.

Таковы разнородные материалы, которыми пользовался Миллер для составления истории русской колонизации в Сибири. Можно с уверенностью сказать, что никто до него, не последнее же приступил к историческому труду с таким основательным запасом сведений, проверенных на месте и освещенных собственными наблюдениями. С обширным и равносильным подборе материалов считались основой черта Миллера, как историка — «искренность и восстановление исторического факта, строго проверенного и установленного с rigorous точностью» (Джизенко

наибольшая деталь представляется ему ценным, и он берет ее и в эссеюном пролинии, и в незначительных остатках старини, и в восточной литературе. Привычка опираться с фактами, поощряемыми на первоисточниках, отразилась и на самых временах его работы. Миллер любит и умеет критически разбираться в лгуниных вопросах так, где у него имеются для того определенные данные в источниках; он искусно сопоставляет различные известия, принимает показания различных памятников и делает на этом основании осторожные и верные выводы, но только в том случае, если архивные источники дают для того достаточный материал. Для примера можно привести пункт, которым он устанавливает год постройки Мангаса на основании разностности 154 года, в котором упоминались дела широнских лет со 109 году⁷⁾ и т. д. Зато там, где он не чувствует под руками помощи подлинного памятника, он не старается делать остроумных датках, и просто признается в своем невежестве. Так, он не пробует разобраться в запутанной хронологии похода Ермака, и откровенно признает: «не намерен я пространно обшарить в пахотайших дубах несправности в сибирском времени, и не извещивать сомнение»⁸⁾. Можно сказать, что целые, пришедшие работать над фактами, Миллер терпел, когда, за отсутствием таковых, ему приходило переходить к отвлеченным соображениям.

Итак, и по своим принципиальным взглядам на задачи истории, и по подбору материала, и по приему работы — Миллер был правдив и основательно фактически историк русской Сибири, и в этом, несомненно, его большая заслуга. В то время когда за отсутствием точных исторических данных, «близкого типа «историк-литератор» склонен был прежде всего искать собственные домысливать то, что он не находил в источниках, и применял бесограниченной реторикой недостаток научного метода. Миллер для документально-обоснованный очерк внешней истории русской колонизации Сибири, какой факт в котором был проверен на основании подлинного памятника и вконец утверждено опиралось на большую предварительную работу над источниками.

Работу Миллера часто не доискали и современники и потомки. Сотрудник и конкурент Миллера Феттер, неуверенно-нашней под своим именем-то наследовал на Сибирскую историю, тем не менее, говорил просебрительно о его трудах, что и подытожено посредственного резулза довольно и сочинял Сибирской истории, сжал архивы архивно-архивно и выкинул и собрал все, что слышал от сибирских промышляющих⁹⁾.

¹⁾ См. напр., Опис. Сиб. земли, 121. Ср. Восток. Сок. 1794, стр., 42.
²⁾ Гюслер в Ув. Вост., 113, 219.
³⁾ См. напр. у Гюслера в т. I, С. 215—217, 232—237, 241—242; II, 93—95, 105—113 и др. См. также «Сибирское путешествие Радолова», т. I, изд. 3, где описаны археологические изыскания на территории Миллера Фишера, исследования археологических изыскания в Сибири.
⁴⁾ В «Известиях Академии Петербургской», X, 3747.
⁵⁾ В «Известиях Академии», 4764 (перевод на нем. язык в Ст. Petersburg Journal).
⁶⁾ В «Bericht von den Reiseabrechen Bunkard», 1779.

⁷⁾ Описание Сиб. земли, 330.
⁸⁾ Там же, 154—155.
⁹⁾ Чтения Г-на Пет. и Др. Фе. 1836, III (Мадьяки Миллер в Феттер и Остроумов Сибири).

И лишь приехав Миллер видел в нем «человеческое трудолюбие, не сопровождавшееся ученостью. «Иа... бесцельную работу собирая, часто граничащую с механической работой слепыми, но мог бы явиться настоящим ученым. Здесь необходимо был чернорабочий — деревяный, сильный чернорабочий, от которого ничего не нужно, кроме усердия и здравого смысла». Так характеризует он работу Миллера ³⁾. Эта характеристика совершенно справедлива: Миллер, конечно, не может идти в сравнение с Шафером, создателем научной исторической критики в Европе, у него нет широких энциклопедических познаний; его методологические приемы не создают новых путей исторического исследования. Но он работает строго научно; его область — учения монография, без шатких гипотез, без смелых перескочков, без широких обобщений, но обладающая научно, с хорошей знанием источников, с восторжением научным вопросом, с тщательными данными. Он приближается к тем же авторам начала XX века, которые до известной степени отказались от определенных общих схем и предочинили архивную работу над определенно очерченными отдельными вопросами русскими учеными тогда. Миллер не просто привлекал к высшим историкам Европы громадный архивный материал, но только разоблачил в нем критически, но сужая на основании сырых источников лишь картину последовательного хода русской колонизации и Сибири, и, как бы поправил их вносилась в детали его работы, надо признать, что в пределах, им себе поставленных, он достиг своей цели и дал исторический обзор постепенной завоевания страны, к которому очень надо что можно прибавить, и до сих пор, что бы не вылезла за историю Сибири, исходным пунктом является «Описание Сибирского царства» Миллера. Он создал скелет Сибирской истории, бесхитростную схему, разобрав и связав в одну последовательную нить разрозненные, нередко запутанные факты, и сделал это в то время, когда подобной работы еще не было произведено в области Русской истории в целом. Величайшее его достижение состояло в том, благодаря Миллеру, у нас история Сибири опередил, таким образом, историю всей России. Эта особенность работы Миллера, отражаясь на дальнейшей разработке Сибирской истории. Все поступающие ученые и исследовательские школы оказывались в зависимости от его «Описания» и от собранных им материалов. Наладилась всякая школа истории Сибири, научно обоснованная, отчетливая и точная, а в многочисленных портретах Миллера был готовый подбор материалов. Не требовалось ни новых архивных поисков, ни тем менее коренного изучения вопроса заново.

¹⁾ Миллеров, Главные ученые русской истории, изд. 1886 г., I, 61—62. Автор, полагая, выходит из записки Миллера, но по поводу бесспорных отзывов о Миллере Шафера (Schäfer's eiföhrliche und präzis Leben, 1895).

Путем невольного наследия Миллера академика Фишер ¹⁾, которому в 1768 году сам Миллер передал готовящие главы своего сочинения для оставления по личному сокращению издания, посвященного на более широкую публикацию, чем написанное для общества «Описание Сибирского царства». Участники Камчатской экспедиции, включая летчиков, самоподанный и неуравновешенный, чтобы братья на самостоятельную работу, к тому же совсем не специалист по русской истории (он был хорошим летчиком и впоследствии востоковедом), Фишер отнесся к делу крайне совершенно формально. Вышедши в 1767 г. на военный службу, а по смерти его в 1774 году из русской армии, он «Сибирская История» самого отирания Сибири до завоевания ее жителями российскими оружием» предстает в виде существующим пересказом соответствующих глав Миллера. Начинаясь без тщательного научного анализа, без каких-либо подробностей, они, напротив, отвечала подробностям ирипическим и ссылаются к тому обществу, таковышего ссылаем лишними отрывки у Миллера и его научным рассуждениями. Всякая работа, ведь фактически материал — все заимствовано у Миллера, на что, впрочем, Фишер открыто указал в предисловии к своему изданию ²⁾. За исключением незначительных разногласий, Фишер взял от себя лишь рассуждения об древней этнографии Сибири, от которых в свою время осторожнко воздержался Миллер, но которые тоже основаны на его материалах.

Позднее Карамзин прилетел извещать новых источников по истории Сибири (напрямик, Строгановскую летопись, которой он в основном привнес крупное значение), но зато убедился, что и он идет по стопам Миллера, который «думает еду купцовской истии в дребях Сибирской истории. При просмотре архива и соответствующих отделе «История Государства Российского», видно, что даже там, где он не цитирует Миллера, он в сущности повторяет его, и между строк, выследывает лицо первого историка Сибири.

Но только современник, как Фишер, и писатели близкие к Миллеру во времени, как Карамзин, находились в зависимости от него; но и гораздо позже исследователи древней Сибири продолжали оставаться под сильнейшим влиянием трудов Миллера. Начиная с того, что основан фонд, на которого долгие годы вернулись материалы для истории Сибири оставшихся владениях документов, вышедших из нее Сибири. Кое-кто из них передал, хранящиеся в Петербургской Публичной Библиотеке и в Московском Архиве б. М-на Пашстр. Дет. сибирякам в течение всего XIX века издатель исторических актов.

¹⁾ Пискаревский, История Нов. Акцова Ник. 1, 365, 621—623. Для этнографической истории см. там же, 64, 624—625.

²⁾ Впервые издание предстало в 1820 году, благодаря тому же историку Фишеру университет. Свою политическую работу.

богатейших находок сибирских документов. Отсюда по большей части, а именно: акты, выданные в Собрании Государей, Грамоты и Договоры, в Актах Исторических и в Дополнениях к ним, во II томе Русской Исторической Виблюотеки (вышедшем в 1875 г.), в Извлечениях Сибирской Истории (поданных Археологической Экспедицией в 1889—1890 гг.) и далее в Актах времени царствования Василия Шуйского, издаваемых Гинзбургским в 1914 году. «Указатель» делам и рукописям, относящимся до Сибири» Архива М-ва Иностр. Дел., составленный Пущиным в 1879 г., в существе представлял собою почти исключительно перечень документов по тем же Миллеровым перфокаркам с очень небольшими и далеко неполными указаниями на документы, хранящиеся в других отделах того же архива. С выходом в свет «Полного Собрания Законов» к собранию Миллера присоединилась напечатанная в этом издании коллекция официальных документов, относящихся к Сибири. В 1866—67 гг. известный исследователь Сибири Потанин напечатал в «Ученых Записках Имп. Академии Наук» под заглавием «Материалы для истории Сибири» выписки из архивных дел XVIII века, и только в 80-х годах начинали печататься в более или менее большом количестве материалы, самостоятельно подготовленные из дел Сибирского Приказа, хранящихся в Архиве б. М-ва Юстиции¹⁾. В 1899 году известный знаток делопроизводства этого Приказа Н. Н. Ослобдин впервые обратил внимание на дефекты в Миллеровских списках и высказал мнение о необходимости подлинания²⁾.

Но кроме продолжительно было влияние трудов Миллера на приемы разработки и на общие построения Сибирской истории. Ими продолжали пользоваться исследователи в течение всего XIX века. Примером могут служить вышедшие в 80-х годах работы Щеглова и Андреевича. Щеглов составил «Хронологию Сибирской истории», нечто вроде годовой летописи Сибири с XI века до 1887 года, труд очень добросовестный и на протяжении почти сорока лет. В основе этого произведения, по крайней мере идет с XVI и XVII веков, у него положен Миллер. Еще ярче выразилась Андреевича от Миллера. Напечатаны им «История Сибири»³⁾ (от древнейших времен до времени Елизаветы Петровны) является неосмысленной копией или по крайней мере не совсем изложенных, известных ему, исторических трудов по Сибири.

¹⁾ Рус. Ист. Вестн., т. VIII, 1904 г.

²⁾ Оглобин А. И. Описание рукописей и книг Сиб. Приказа, т. I, 10. Его же статья в Восточном Вестнике, 1899, № 8, 1, 8—9.

³⁾ Вышел в 1869 году, через много лет издательский «Кружок» отделе истории Восточной России древнейших времен до 1702 года (1867), «Описание» к западной истории (Тобольская) (1865), «Исторический очерк Сибири по древним преданиям летописи Собр. Законов», т. II и III (1865—67), «Сибирь в царств. Екатерины II», 2 т. (1867—69), «Сибирь в XIX в.» (1869).

Он стоит впереди на почве «Описания Сибирского царства» и его продолжения в «Енисейских Сочинениях» и у Филлера; его не постигшие даже богатые материалы по истории Сибири того же Миллера, помещенные Археологической Комиссией и использованные отчетами Соловьевых в «Истории России». Не только подбор фактов, но и общий план (для истории XVI и XVII вв.) им заимствовал Рабкин у Миллера. Там, где кончатся данные Миллера, он пользуется Полным Собранием Законов и Щегловым. Еще менее хителенны другие его работы, обобщающие историю Сибири в XVIII и в первой четверти XIX века, на которых отразилось отсутствие руководящей схемы, какую для предыдущих исследований давал ему Миллер.

При всех своих достоинствах труд Миллера, однако, не удовлетворяет всем требованиям русской исторической науки XIX в. Давая прекрасную руководящую нить для дальнейших работ, Миллер рисует лишь внешнюю историю колонизации Сибири и совершенно не касается внутренней стороны этого процесса. Он сделал первую необходимую работу, без которой невозможно было бы изучение прошлого Сибири по существу, он обозначил свои последователи это изучение, но очень рано, уже в 30-х годах XIX века, явилась потребность глубже изучить в процессе заселения Сибири русским элементом и связанные с ним явления. Первую попытку в этом направлении сделал ученый сибиряк, Петр Андреевич Словцов.

Словцов — чрезвычайно интересная фигура. По своему воспитанию, по мировоззрению это типичный человек XVIII века, типично духовной семинарии, привыкший к себе все подоткнуть семинарской схоластики с тем рационалистическим вылетом, который воспринимало официальное богословие эпохи господства «Филуки»; по методам работы и еще более по постановке вопросов — это типичный ученый XIX века. Представитель условной учености духовной школы, друг и товарищ Сиверского, устатый философ и элозвешник в Тобольской семинарии, он в середине 60-х годов XVIII столетия принял участие в низвержении тобольского общества своими проповедями от проповедей, составленных в духе тогдашнего духовного авторитета с некоторой уклонкой в сторону того легкого литературного либерализма, который характерен для эпохи Екатерины, — мечта ума, бредящего будто сказать осп, идиализм, то к перу, то к сумасбурью и несли стародавнему призраку эгоистического реча, чтобы не была замечена пустота его; как выразился он без некоторого осмеления один из его духовных критиков, — мечта большой успех и раз куда он издался во всю науку за заключившись в одной из них нечто несомнительное. Словцов был возван к ответу в Петербург, но подвергавшаяся обсерв. Валериян полагала концы начавшему было делу, и в дальнейшем им виден его с 1797 по 1808 г. в роли негласного чиновника при канцелярии генерал-прокурора. Ка-

кая-то осторожность или пассивность в действиях, несколько походив на коняку, прервала его службу в Европейской России и бросила его жить в Тобольске. В смысле, являясь в штире тобольского генерал-губернатора, еще раз в покорительстве всемогущего Спасского, он таячился своим знанием и явился образцом в Петербурге, пробовал даже вернуться туда без разрешения в штире генерал-губернатора Пестеля, но был возвращен с пути. Человек, перед которым маленькая была блестящая карьера, покорился судьбе, служил в Сибири, смеясь с своим боловеством, приехал слушать Сибири, ее настоящее и прошлое, много ездил, много наблюдал и читал все, что попадало под руку. Уже в 1826 году понаписал его «Писем из Сибири», а в 1830 году «Прогресса вокруг Тобольска», написанные в искусственном томе συμπληρωματικών путешествий XVIII века с вводными разговорами, с рассуждениями на широкие темы, но выражающие самостоятельный интерес этого своеобразного самоучки к географии и истории Сибири. Наконец, «вразумный в старости и свободный от суеты», он привнес за составление своего капитального труда, которому он приписал «справочное полуимя» «Исторического Обзорения Сибири», вышедшего в свет в 1838—1844 гг. ¹⁾

По внешней форме «Обзорения» является произведением XVIII века, написанным в малом стиле увлеченных семинарских работ того времени. Читатель, при первом знакомстве с его штирею, выискивает чувство неудовольствия и с трудом разбирается в его запутанном, шероховатом претенциозном, шероховатом названном изложении. На каждом шагу встречаются неожиданные риторические отступления. Автор то и дело погружается в разглагольствующие размышления: «о вечном», восклицает он: «слава твой лучезарный шар в так превосходной степени благотворен на края полузамерзлой окраины, сколь выразительно ты сам превосходишь в благословенных видениях и постижениях, во более совершенных делах, дела и видениях» ²⁾. По поводу неподобности губернского разделения Петра, он пускается в рассуждения о брешности земного: «такова судьба человеческих творений! Единую божу принадлежат раз навсегда спалать: да будет свет! и бысть свет навеки» ³⁾. Он любит морально сентенциозно: «человеческий человек, для чего также опыты нужны тебе и мне», говорит он по слухам слышал гетмана Самоборича: «чтобы увериться, какой пользы дозволено для здоровья и здорового духа» ⁴⁾. И на раду с этим мелькают рассуждения в духе рационалистической философии XVIII века; он пишет, например, про «взрод, диний, между собой

только сплывших, как табуи степных лошадей, без права естественной божу жептин о малочисленном праве собственности, вовсе поземельный с нравственным чужеством» ⁵⁾. Иногда прохлывает просто остро и прихвуданным литературным оборотом: «история», говорит он: «отлабляется без осмысливания, как и порескальзует без жалости» ⁶⁾. По наз-е этой старомодной и непривычной нам формы проглагольвания острый взгляд умного наблюдателя в тонкая мысль ученого, ученого, может быть, длинного школы (так или семинария не дала таковой школы), но обладающего приподнятым нравным смыслом и путем самостоятельного размышления сумевшего стать на высоту чужих научных взглядов. Словом: кричит и заключено, что Миллеров дело «сделано в половине» «Касательно известности о приобретении, завоевании и дальнейшем заплещении страны от Урала до Аляскинской губы», говорит он: «то дело сделал Миллеров, светлымном архиепископ, уже истребленных огнем и временем» ⁷⁾. Он и Фишер «передала памяти все красочнейшая, с первых дней покорения Сибири с такими подробностями, какие по малочисленности дел едва ли уместятся в истории, штирею обихих или риторических взглядов» ⁸⁾. Очертив современное положение вопроса об истории Сибири, Словцов ставит вопрос: «что остается делать?» И отвечает, что надлежит «освободить и памяти сибириков изжившийся состав управления», «включить постепенность мер и видов правительства, более или менее совершенствованного благоустройству или безопасности страны, выдвигать утверждения, усмирившие или замедлявшие проявление сил жизни, более всего представить живые частную и общественную». Иначе говоря, он ставит себе целью изобрести «внутреннюю историю колонизации и освоения форм обществ на сибирской почве: она мыслит», говоря его словами, «что это ав его, единичный из-под рашалии 250 лет» ⁹⁾. В процессах, сопряженных колонизации, он штире «единство во текхетское, но культурнее, иное единство, которое по временам поучает голос народный и состояние само правительств» ¹⁰⁾. Задача историка и заключается в том, «чтобы выявить это «единство»: «протянуть через данное пространство времени штире историческую» ¹¹⁾. Для Словцова основным фактом, которым объединяются разрозненные исторические факты, представляется реорганизационные культуры, которая олицетворяется для него в двух полях—«правосудия» и «православия». Медлительные успехи культуры изображаются им, как «борьба с духом мира, повлеченному

¹⁾ Обзорение. З-е изд., I, 100.

²⁾ Там же, I, 120.

³⁾ Там же, I, предисловие, XX.

⁴⁾ Там же, I, 286.

⁵⁾ Там же, I, предисловие, XXI.

⁶⁾ Там же, II, предисловие, VII—VIII.

⁷⁾ Там же, I, предисловие, XXVIII.

⁸⁾ Историческое диние в Словцове обрени в предисловии по 2-му изданию «Обзорения». Библиографическое Словцово см. у Бу и в д. Нахич П. А. Словцова, как историка Сибири.

⁹⁾ Обзорение. З-е изд., I, 228.

¹⁰⁾ Там же, I, 161.

¹¹⁾ Там же, I, 126.

побеждаемым и явно конструирующим. Рацционалист, как все люди XVIII в., в этой борьбе он приписывает главную роль организованному социальным силам: государству и церкви, и следит внимательно за тем, «какие меры вновь приняты правительством для правосудия, и какие успехи цивилизации силами церкви в деле правосудия». Но смутно он осмыслил и изучаемых событий и «столбец изрядный» в своих своеобразных тажикологовичи языком отмечает роль масс и сложность факторов в изучаемом им процессе: «в духе людей страны или тогда, которая еще не сложилась», говорит он по этому поводу: «но видна общего дилета». В общем итоге, как он и отмечает в заключение своего II и последнего тома, все его намерения имеют целью показать, «далеко ли подвинулись в своем развитии правосудие и правосудие, первоначальные подруги народного благоденствия»¹⁾.

Перенос центр изучения с внешней истории на внутреннюю процесс, Столцов естественно должен был группировать летописные факты иначе, чем это делали его предшественники. Его интересует не хронологическое перечисление фактов, а их внутренняя связь. Так, он рассматривает колонизацию и правительную схему, как по предмету времени, а по порядку и разделу (рык²⁾). При этом он делает выбор из этих фактов, отсылает, как мы видели, те, «какие по маловажности дел едва ли уместится в истории, ищущей общих или решительных взглядов»³⁾. Рассматривает он их исключительно со стороны их внутреннего содержания и тех дел, которые в них выдвигаются. Например, транзиты с соседними государствами представляются ему «одним соробукою»: «самое ядро заключается в договорях, какие правительства ташло или державало в рассуждении земно-сибирских соседств»⁴⁾.

Исходя из таких общих соображений, Столцов всю историю Сибири разбивает на четыре периода: 1) до 1662 года, 2) с 1662—1709 г., 3) с 1709—1742 г. и 4) с 1742—1823 г., и внутри этих периодов группирует отдельные вопросы, по существу, а по хронологически. Система, по которой он рассматриваются явления каждого периода, впрочем, не выдерживала. Для первых периодов (до 1709 года) он держался следующего плана. В первую очередь он изображает «зобозначения Сибири» за данный период, т. е. дает очерк: «зобозначения Сибири» и «обзор заселения и завоевания страны и условий колонизации (бедности народов и «зобачия»); далее описывает «судорожения» и «закономерия»; под эту рубрику подводит факсовые меры правительства, организации гон-би и десятичной пашни, пути сообщения и т. д.; последние отделом называются «следствия», под эти словом

Столцов понимает те новые факты, которые явились результатом колонизации: поселения с азиатскими народами, торговля, сосия и численность колонистов. Этого плана, по личному единству, автор уже не держится при описании двух последних периодов (с 1709—1823 г.). Тут он расширяет материал по следующим рубрикам: 1) географический очерк Сибири, 2) завершение процесса завоевания страны и поселения с соседними государствами, 3) организация управления («о составе управления» и III периоде, «разделение Сибири на две губернии с общими на нее заглавками в IV периоде), 4) государственное хозяйство Сибири («о увеличении государственного богатства» и мировральни правительства в хозяйственной области), 5) просвещение («о двойном значении»: распространение христианства среди народов и просвещение среди русского населения), 6) торговля и промышленность, торные провалы, искусства, 7) быт населения (южная Сибирская) и 8) сведения об отдельных городах и местах.

При всей нецелесообразности общего плана, основное направление продолжается в нем с достаточной последовательностью. Гибель была задумана широко и на всех этапах. Предполагалось дать полную и систематическую картину внутренних процессов, которыми сопровождалось продвижение русского народа на территории Сибири. Другой вопрос, насколько Столцов справился с поставленной им самим себе задачей? Его труд для его современников-сибиряков явился своего рода откровением, «каким и поимание прошлого их родины, во, конечно, в целом задача им не была и не могла быть выполнена. Причиной тут была, во-первых, скудость материалов у него материала. Для XVI и XVII веков историчекого его знаний служили почти исключительно Миллер и Поляков Собрание Законов. «Я тут видел», говорит он про себя: «который подвизался результатами чужих изречения и не умел в свое время поставить себя в доступность и ярким памяти»⁵⁾. Даже Ахматов Археолог. Эпиграфика он не смог воспользоваться, так как по-лучил их «показно», что совершенно извело из I части Обозрения. Отсюда, случайность и неполнота сообщений их фактов, являлась во многом существенными вопросам: «Откуда, наконец, опшибаю деление прямого названия: так действительную картину рулады он читает формой слова, давая отомысливает с южной, аспирация открытие Дельева «по недостаточности языка» и т. и. Далее, сильно дает себя чувствовать отмеченный выше недостаток научной школы. Природный здравый смысл иногда замыкал ему ташту школу: он, например, обратил внимание на «спроураченное поимание Нилонского летописца Нилет данн Египетской», которое до сих пор принимается многими

1) Обозрение, 2-е изд., II, предисловие, VIII и VIII.
 2) Там же, I, 12.
 3) Там же, I, 286.
 4) Там же, I, 166.

5) Обозрение, 2-е изд., I, предисловие, VIII.

последовательным на веру³⁾. Но чаще всего это отсутствие методологических приемов делает его работу бесплодной, и не исключено его критическое и научное осознание — усугубило его выражение, «при настоящей археографической перестройке». Одной из любознательных сторон его труда являются статистически выкладки, можно сказать, что он одним из первых приложил и историческому труду приемы статистического исследования, но еще подробнее статистические данные, сообщаемые им, интересны и важны, то для раннего периода они совершенно фактологичны. «Представление Сибирской провинции в числе 4, говорит он: есть дело оображений, потому что ни летописи, ни грамоты древние, дошедшие до нас, не помогают этому делу». Он, как сам признается, не мог забыть стужу и холода Сибири, чтобы не пожелать доисаться, сколько людей была Сибирь в I и во II периодах, дабы самым удобным способом добиться до указанной населенности, во «основании», но никак он брал ту или иную цифру, в научном отношении не безупречны. Он сам говорит, что «очень» находил число духовенства, казаков и число уральских, «шотоу что не было острога, но в городе, без священнослужителя, не было острога без начальства и полкового, не было казачья без полудюжины казаков». «Ист данные для сведения трех сословий, а слага прочих позволены производяе приклады. Везд сибиряки не по земан выросли!»⁴⁾.

Однако, все эти дебри и значительной отвлеченности оправдывают широту и смелость плана, правдивость и чуждость круговору и особенно той любовью, с которой Савилов подходит к своему предмету. Он любил Сибирь и принимал и сердцу как человеку, так и скорби родины. «История страны неострой, земку среди неострых правок и обывака, без мотавий оланя, без прохладней гевия, без побед, без мавития, история, не идущая у себя великих мира, проше великих знаменьяшек его, вследствиеяния, шесто Эдлерових храмок, одна гурваны и непрочитанье на утесах аясания, много говорит этому отшатнутому сибиряку⁵⁾. Другая черта его работы: ее историчность. Он привыкнет писать о Сибири, зная ее не по книгам, «вечерни Сибирь разведан»⁶⁾, и это чувствуется вонду. У него много добродушной наблюдательности умного старика. Понадобителю характерности его светочетивности-сибирячости. Вот, например, характеристика сибирской речи: она — «простоходна». «Сибирский разговор», пишет он: «дешна и колдован, но без делюмышка, не теша и малолонна, как бы с чинлом и весом, и. и

сознаею, тошнот по привычке пропускать глаголы, оживляющие мысл. Перевалелъ из Екатеринбургa в Тобольск, замечавши чувствительную разницу в разговоре и от того, что он слыжится в домашней и тошится около своих куралейников. В Иркутске тем чувствительнее различаю, чем далее от России... «Наше паресте», пишет он в другом месте: «ударило обеташные слова, уподобило само-дому и переключило ударениями многах»⁷⁾. У Савилова есть много шлоков правок, списанных с жизни, и он нередко беззастенчиво обращается к межуурной тол, отдавая поклонянияи о тех временах, когда он был губернатором (Чичерина) столько величавого, сколь благонамеренного — он, будущи «в отроческой возрасте», слышал, как Чичерин, «проходя единара рочи уташнок, отвечал на латинские прирветыи латинскими словик»⁸⁾.

Словом правящею поставил задачу, но он не ясно показал, что с какими-либо историками разрешить ее нельзя: необходима была предпринятельная работа по первоисточникам. Еще в 1886 г. Семенович по поводу нового издания «Исторического Обозрения Сибири» должен был отметить, что наука мало отступила вперед за последние полвека с момента появления в свет этой книги и что остаются неизученными обширные материалы бывшего Сибирского приказа. Ему предостерегалось «не мало чрезвычайно важных вопросов, жаущих разрешения: история колонизации Сибири, ее ограниченностьи один хронологией исследованных мест... а последующая этнографическую и экономическую историю этого аянция, история крестьян... история городской земан, история сибирского малочества, история торговца, цен, домашней земан и проч.»⁹⁾. Нетрудно усмотреть, что это и сущность плана, по которому начал постройку свое Обозрение Савилов.

Первая попытка подойти к разрешению поставленной Савиловым задачи на основании полного и всестороннего изучения дела Сибирского приказа была сделана проф. Вушиным в его книге «Заселение Сибири и быт порых ее населения» (Журнал, 1889 г.) и в дополняющих это исследование статьях в Записках Харьковского Университета за 1893 год. Замысел Вушинского чрезвычайно интересен. Он привык и аналитично, что, прежде чем начать историю Сибири, необходимо всесторонне комографическое изучение отдельных уездов, из которых складывалась Сибирь. В задачах им означавших он уполн прнвешает такую предпринятельную работу для уездов Верхотурского, Туринского, Тюменского, Тобольского, Тарского, Ишимского, Верхоянского, Нарынского, Сургутского, Колесского и Мангазейского за период от начала

³⁾ Обозрение, 2-е изд., I, предисловие, XVII.

⁴⁾ Там же, I, 83—84. На этообразие научной критики Савилова много обратило внимание высших исследователей, особенно касающихся его статистических выкладок.

⁵⁾ Там же, I, предисловие, XXI.

⁶⁾ Там же, I, 168.

⁷⁾ Обозрение, 2-е изд., I, 62.

⁸⁾ Там же, II, 294.

⁹⁾ Сибирский Старик, 1893 г., ст. III.

знавания этого края до конца царствования Михаила Федоровича. Мысль в основе была верная, по мнению, что одному исследователю была не под силу грандиозная задача детального изучения за такой обширный период времени громадного материала, сохранявшегося по этим уездам. Поэтому автор не успел пропустить более или менее глубокого обследования, не поспевая квестивать в его распоряжении архивных данных; он скопировал по документам, «выкопавшимся урками» с отдельными из них, отрывками примерными и случайными цитатами — словом, не выполнил намеченной задачи. Вместо исследования об отдельных уездах получались отрывочные сведения о различных сторонах уездной жизни. К этому приходится прибавить, что сложность громадной работы не позволяла достаточно тщательно вычитать в существе научаемого материала. Отсюда не всегда достаточно строгое критическое отношение к источникам, небрежность штат; отсюда нередко ошибки вследствие невнимательного чтения текстов. Наконец, главы, имеющие целью свести по одному уездной материал, рассеянный по отдельным монографиям, порождают слабостью общего исторического кругозора и элементарностью построений. При всех указанных недостатках книга Будицкого и его статьи представляют крупный шаг вперед в деле изучения Сибирской истории. Помимо того, что он наметил по существу правильный план этого изучения, он освещал бывший до тех пор в ходу материал, привнес новые и свежие архивные данные, протерев слеза завесу, срывающую от нас подлинную старину Сибири. Лучше других его монографии, посвященная Мангазею, конечно, потому что этот уголок Сибири сам по себе особенно интересен и богат бездонным материалом. Эта свежесть материала делает исследование Будицкого необходимым пособием при изучении истории Сибири и позволяет забывать проблемы его научной работы и некоторую важность его научного мышления.

Дальнейшая разработка Сибирской истории в настоящее время облегчается выходом в свет в 1935—1937 годах превосходного «Обзора» статей и книг Сибирского Правоза, составленного Н. Н. Оглобиным. Это «Обозрение» фактически открыло для науки громадную коллекцию документов по истории Сибири, хранящихся в Архиве б. М-ва Юстиции, и должно служить путеводной звездой в лабиринте дееспособности Сибирского Приказа для последующих исследований. Сам Оглобин, занятый над своим «Обозрением», не мог воспользоваться теми обширными познаниями, которые он приобрел в течение многолетней работы, и лишь, по собственному его выражению, «нижелегоду» касался отдельных, большую часть, незначительных вопросов в статьях, разбросанных в научных журналах. Зато он сделал возможным для других обзорные и спонтантические изучения истории Сибири.

Пожалуйста «Обозрение» Оглобина, вскрывшие разнообразие и многозначность архивных материалов по Сибири XVI и XVII вв., поставило снова на очередь вопрос о планах и о методах Сибирской историографии.

«Важнейшие задачи исторического изучения Сибири» были формулированы Головачевым в статьях, появившихся в Журнале М-ва Народного Просвещения в 1902 — 1905 гг. ¹⁾ Эти задачи, по его мнению, следующие. Во-первых, подложить изучению «сложные и трудные вопросы, выходящие отдельным предметом Сибирской окраины: исторические судьбы Сибири до русских», говорит он: «представляют еще неразгаданные и неразобранные стороны». Вторым анализом «вопрос о сибирском детоплеменстве», который он на без оснований считает далеко не разрешенным. Наконец «непростота перед историком эту замечательную по внутреннему содержанию эпоху (XVII век), проследить наиболее органические процессы зародившей жизни во всех ее проявлениях в этот период — вот задача историка, трудная, но вместе с тем благодарная, потому что в этом случае окраинная история является доныне наименее изученной в истории общерусской». «Эти, можно сказать, самые важные главы Сибирской истории», говорит он: «представляют в настоящее время значущий пробел. Здесь нет даже груды беспорядочно разбросанных страниц — здесь мы находим только первичную материю, из которой сначала должны быть сделаны кирпичи, а из них впоследствии можно будет соорудить и самое здание». В таких, немногих зачерках, выразилась Головачевым мысль о необходимости предварительной монографической разработки отдельных вопросов по истории Сибири. Он тут же и набрасывает примерный перечень таких очередных вопросов. 1) «Вопрос о заселении Сибири, конечно, должен быть краеугольным камнем при изучении жизни этой окраины». Эту основную тему он расчленил на следующие: а) необходимо разработать включение в архивные «новые материалы о земледельческой, народной колонизации»; б) «существенная смысловая колонизация Сибири представляет крупный вопрос местной истории, счел плохо разработанным»; в) «экономическая роль перепромышления также достойна важности исследований»; г) роль сибирских монастырей в деле заселения края также ожидает еще своего исследования; е) «выяснен, следовательно, колонизация научена лишь в общих чертах, преимущественно с южной, фактической стороны, в двадцати более крупных, между тем как южные, хотя и более типичные, пока остаются в тени». 2) Во-вторых, «в этой связи с колонизацией Сибири стоит обширный народческий вопрос, который следует, по разрешенным и в наше время.

¹⁾ Журн. М-ва Нар. Просв. 1902, № 9 (Полное издание задачи истории, изучение Сибири), 1905 № 13 (Общая плановый так обзорный материал для истории Сибири, по мере XVII века).

Это в полном смысле слова один из больших вопросов не только для Сибири, но и для всей России. 3) Требуется изучение «спросов финансового управления» и «история торгового и промышленного движения в конце XVII и начале XVIII веков», в частности «торгово-сплошная старшина Сибири с Вухартей и другими среднеазиатскими ханствами» Я. Ваконед, 4) «подробное изучение документов военного управления должно открыть много новых оригинальных черт». «Итак, монография по указанным выше вопросам на основании, главным образом, архивных материалов — непосредственная задача лиц, занимающихся изучением истории Сибири».

Таковы очередные задачи Сибирской историографии, как она выдвинулась к началу настоящего столетия. В дальнейшей разработке важнейших вопросов главная роль принадлежит, разумеется, самой Сибири, в частности школе возникшему Иркутскому Университету. Уже в 1886 г. Семеновский писал, что «для развития сибиреведения вообще и Сибирской историографии в частности, самым лучшим толчком несомненно будет с тем же нетерпением ожидаемое открытие Сибирского университета», и выражал уверенность, что «университет на далекой русской окраине даст много новых работников для столь настоятельно необходимого изучения того своеобразного мира, который носит название Сибири»¹⁾. Первым элитом молодого Иркутского университета в этом направлении является «Очерк Истории Сибири до начала XIX в.» проф. Огородникова, 1 часть которого, посвященная «до-русской Сибири», вышла в 1929 году²⁾. Не задвываясь целью самостоятельного исследования, эта книга представляет из себя попытку собрать и систематизировать результаты предшествующей работы и представить ход сибирской истории в свете последних научных изысканий. Подводя «итог всей научной разработке Сибирской истории», она является заключительным звеном в той работе по изучению прошлого Сибири, начало которой положено трудами Миллера и Спандера.

ОЧЕРК ВТОРОЙ.

ПУТИ В СИБИРЬ В XVI—XVII вв.

¹⁾ Сиб. Сб. 1886, III.

²⁾ 1 часть должна быть посвящена «известиям и воспоминаниям русских о Сибири, принадлежавших к ней русского и иностранного происхождения, обстановку управления и хозяйственную быт и жизнь сибирского общества в XVI—XVIII вв.». Очерк глава этой 1 ч. вышена в виде отдельной статьи под названием: «Русская государственная власть и управление историей в XVI—XVIII вв.». Дополнением к ней является другая статья, вышедшая в 1922 г., «На истории восточных колоний в Сибири». Наконец, в том же 1923 г. вышло брошюра Огородникова: «На истории управления Сибири (Воспоминания Сибирской земли)», вышедшая в серии с общей темой «История».

I.

ПУТИ ЗА УРАЛ В XVI—XVII вв.

А. Печорский «чрезкаменный» путь. Его изобразили Новгородские пути в Югру. Перенесли старшину на Выю. Захват Печорского пути Мисским. Преминутные посолы на Печору (Усть-Цильма, Выма, Пустозеро). Русские предположительно «чрезкаменные» пути за Урал. Тамоссы на «чрезкаменном» пути: Илменский, Обдревский и Собский, Керестский. Устьяны держали «через Камень». Статейность даноша и дикования «через Камень». Сводили «чрезкаменного» пути.

Б. Морской путь. Его изобразили. Устьяны изымали на Ледовитую землю. Судбы морского пути в XVII вве.

В. Камские пути. Любинский путь. Чувовский путь в XVI в. Боловнянский доплыватель. Стрелецких, их роль в деле захвата Чувовского пути. Чувовский путь в XVII в. Верхотурский путь. Дание о лавочном через Верхотурскую таможенную постану. Путь через Кунгур. Образование Екатеринбургского тракта в XVIII в.

Русские в своем движении за Урал или за «Камень», как его называли в XVII в., воспользовались двумя большими водными путями, которые с незапамятных времен связывали Восточно-Европейскую равнину с Северо-Азиатскою. Этими путями были реки Печора и Кама с их притоками.

Русским раньше сделался доступен путь по Печоре, известный в XVII в. под именем «чрезкаменного» или просто пути «через Камень». Важность его заключалась в том, что через погостство Северной Двины и ее притоков Юга и Сухомы, полуостровных начало из Алаунской возвышенности, он был связан с центром русской равнины, а восточными притоками Печора подходил к Уральским горам, образующим водораздел между бассейном этой реки и бассейном Оби. «Чрезкаменный» путь шел в XVII в. от Устьяны вверх по Вычегде до впадения в нее в. Выма, далее вверх по Выши и по ее притоку Тетере (теперь Шем-Бушка) и по Говнохе. С верховья Выши переходили «Вышским волоком» на Ухту, приток Ижмы, и спускались по Ижме до впадения ее в Печору. От устья Ижмы путь резко поворачивал на восток и поднимался вверх по Печоре.

чему служит сохранившаяся исключительно за ним вплоть до XVIII века название раг ехедлене пути «через Камыш».

Это — древний новгородский путь в Югру, т. е. в область нынешней Оби, населенной остяками¹⁾. Направлением новгородского пути восстанавливается довольно точно по летописным данным: он шел Сухоюю, мимо Устюга, как видно из того, что в 1393 г. новгородцы, кто ходил на Югру, были ограблены устюжанами, а в 1399 устюжские князья опять перебили новгородцев, «которые были пошли на Угру». Именно в целях охраны дороги на восток, ходившей новгородцы в 1394 г. походом на Устюг и, явив город на шит, принудили устюжских князей к заключению мирного договора²⁾. Далее он сворачивал на Печору, судя по тому, что в 1187 году югорские даншники были перебиты на Печоре³⁾. Это подтверждается маршрутом отряда Гурьки Роговича, который был послан с Печоры, «и отступил к Югру». Наконец, на рассказ о походе 1364 года видно, что новгородцы, переплыв через Угра, вышли в Обь одним из двух ее притоков, вероятно, Сосьюю, и, разделившись по две партии, одна «соезана по Оби реке до моря, а другая пошла рати «наверх Оби воемаша»⁴⁾. Таким образом, направление новгородского пути в общих чертах совпадает с направлением позднейшего отрезанного пути.

Судя о своеобразных пушных богатствах «полювиюных стран», где, по рассказам очевидцев, на тул на землю падают золотые «шарицы» и «оленды малы», равно стали привлекать за Камыш предприимчивых новгородских промышленников, которых по пути чуть до гор тех выродили пропаштаны, снегом и лосом». Ужь современник ладского посланца Паака, писавший следовательно, в первой четверти XII века, говорит, что «хороша люди старш на Югру и на Самосед»⁵⁾. По следам промышленников и Новгородское государство снаряжало военные экспедиции для сбора дань с туземцев, порою привлекавшие довольно густо в Югорскую землю, как это случалось, например, в 1364 г.) В летописях сохранились не лишние ярости известий о тех походах и об упорном сопротивлении, которое оказывали новгородцам югорские князья на стенах своих городов. Не могло быть и речи о прямом завоевании страны: походы

носили характер более или менее случайных набегов, производивших под начальством «воевод новгородских» шайками добровольцев, «пушников», как их называют летописи, выбиравшихся из «дотей бокрских и удалых людей». Эти набегы, имеющие целью принудить Югру в подданство великому Новгороду, варшаман, по видимому, торговые интересы частных предприимчивых и торговых людей Югор, как рекою пушных товаров, в местных здесь прочие силы среди туземцев. Конкуренция между государством и частными предпринимателями временем принимала очень острый характер, в этом отношении, например, что посланный в 1193 г. под предводительством воеводы Ядрия новгородская рать была истреблена, благодаря прощам некоторых новгородцев, «совет державших с Югурою на братью спом»⁶⁾.

В результате походов новгородцев за Урал, «Югру» была окончательно присоединена и новгородскими воеводами, в числе которых она фигурирует в грамотах XIII века. Впрочем, прочное завоевание не имело места, и зависимость «югорских князей» от господина Великого Новгорода ограничивалась очень пересударной улашкой дань собственными мехами и другими местными произведениями⁷⁾.

Торговые пути новгородцев на северо-восток равно стали привлекать внимание русских князей, владевших средним Поволжьем. Уже в XII в. судательские князья делали попытки перекрывать «далекие новгородские»⁸⁾. Входивший в состав Суздальской земли Устюг, или инии, принадлежал в новгородские владения и мешал беспрепятственному выходу новгородцев на Сухоюю и Восток. С происшествием Устюга и великому князюству Московскому, принадлежав в XIV веке владомское население Москвы на Днпру и на Печору. Чтобы парализовать это движение, новгородцы в конце XIV в. и в первой четверти XV в. совершают ряд походов на Устюг (1393, 1398, 1417, и 1425 гг.), сопровождавшихся жестоким грабежом города⁹⁾. В этом отношении степной поход на Печорском пути, вел. князь Дмитрий-Нарышкин оказывал всестороннюю поддержку князю из Устюга проповеди христианства среди выведенных татар. Стефан перемышль, вытесненный на исландское побережье с благословения князя великой князюсти Москвы, пишет не только «послание к царю», но и просит московского князя среди новгородского населения бассейна Вычегды, а основанной на на Великий Пермский отрожек приобретает большое политическое значение, как удобный пункт для распространения московской власти на Печору. Недаром и «Шлагу» по походу

¹⁾ Югра — старинное название страны. Первоначальные летописные известия о ней содержатся в летописи Устюга, как видно из рассказа Гурьки Роговича (Летопись, изд. Архивер. Ком., стр. 226—237). Поход же Югурою снаряжался, очевидно, отсюда: «откуда от Югра за итешии земля Обь. Новгородский поход от Югра с ю. Д. и в т. в. ю. «Югорские страны», V, глава 1, и в 3 м. и с. в. в. ю. Г. «Югорские и от югостро-югорские страны» в Устюге (См. Ист. Физ. Флора Обь-Устюга, XVIII), стр. 232, 137.

²⁾ Новгород. летопись, изд. Архивер. Ком., стр. 326—327.

³⁾ Там же, стр. 313.

⁴⁾ П. С. Д., IV, стр. 44—45; V, стр. 235.

⁵⁾ П. С. Д., II, кол. 2, стр. 277.

⁶⁾ Новгород. лет., стр. 104—105, 450.

⁷⁾ Там же, стр. 134.

⁸⁾ Там же, стр. 373, 388, 404, 413.

прежними старыми историческими путями обивались, платили дань и повинности своему князю. В XVI веке, с завоеванием Кашани и освоением Кашанских путей, Московское правительство совершенно отделилось от мысли использовать Поворский путь с зависающими целями. Но и в дальнейшем Поворский «прежний» путь служил обремененной дорогой, во которой в течение XVI и XVII столетий шла очень близкая движка за Урал.

«Проживенный» путь является в изучаемую эпоху по преимуществу путем торговых и промышленных людей, которые идут по старым проторенным дорогам за Кашань в поисках драгоценной пушны. Особенно крупное значение он приобретает в экономической жизни Поворья с половины XVI века, когда открытия торговых спонсоров с англичанами через Белое море, возвысил спрос на спонсы меха, усилило промышленное движение на восток. Устюг, благодаря своему положению на перекрестке, связавшем Поворю с русскими рынками среднего Поволжья и с единственным русским портом для внешней торговли — Архангельском, делается средоточием торговли сибирской пушны. Далее на северо-восток, на всем протяжении Поворского пути вырастает ряд промышленных слободок и становок.

Поворские промыслы: рыбные ловли, скрепяти и околки орудий привлекли внимание на пустынные берега Большой северной реки севернее, ниже и выше ее истоков, которые сделали рыбные ловли промыслом. «На Поворю, говорится в царской грамоте 1603 г.: «прислаивает вышесказан и вышесказан, и вышесказан, и вышесказан, и вышесказан и промышленные и местные угодья»¹⁾. Уже в XV в. здесь образуются промышленные поселки — села и слободы. Так возникла Нижегородская слобода недалеко от впадения р. Насы в Цильму; здесь у устья Никмы еще в XV в. была точка: «хол — рыба ловится и великие промышленные угодья, пустыни: «переселится» для ловли птиц, «борборные гоши», «мелкие лесы», и образовалось несколько небольших поселков, состоявших из отдельных дворов с пашнями и покосами²⁾. У впадения р. Цильмы в Поворю основана другая слобода Усти-Цильманская, устроенная по жеманной грамоте царя Ивана Грозного поворорским Иваном Лясткой на месте, где стоял «зем черный», «от людей далеко, берет за 500 и больше»; слободники, пользуясь дарованными ему привилегиями, стали притягивать жеманских поселенцев в свою слободку, и уже в 1664 году в Усти-Цильме насчитывалось 14 дворов, и в них людей 19 человек, а в 1676 г. — 16 дворов и 23 человек; это было и значительной мере частью предприятия, и слободники, в качестве предпринимателей, про-

должны пользоваться «третью долею во всех угодьях»³⁾. Немногочисленные поселенцы третьего центра русской колонизации на Поворю. — Пустозерского острога; полагается, он возник в конце XV века, когда воевода Иван III на Поворю «град пурубил» на месте другого стоявшего здесь «града», т. е., вероятно, промышленного становка. В течение всего XVII века он продолжил служить «для опочиву Московского государства торговых людей, которые ходят на Московского государства в Сибирь торговать»⁴⁾.

Промышленные поселенцы на Поворю пользовались известными самоуправлением. В Усти-Цильме при царе Борисе им выданы старосты и поповальники; попове Усти-Цильмы была обременена с Никмой под управлением общего выборного заказчика, который является официальным представителем всех «слободников» в сношениях с Москвою и с местной администрацией и на котором лежит ответственность за порядок и выверенность ему слободных и за правильное исполнение taxes⁵⁾. Права Усти-Цильманской слободы были многократно подтверждены жалованными грамотами — царя Ивана, царя Бориса в 1608 г., царя Василия 28 февраля и 2 марта 1610 г. и, наконец, царя Михаила от 19 декабря 1616 г.⁶⁾. В Пустозерке на главе посада стоял выборный сотский, обязанности которого много отличались от обязанностей вышесказан⁷⁾.

Заброшенные на длительный и голодный север, отрезанные от остального русского мира, эти слободы являлись жалкое существование. Сношения с русскими городами были возможны только летом, потому что зимний путь в слободки нет. Неблагоприятные географические условия не позволяли развиваться земледелию; в Цильме «в иной год подает, а в иной не подает, потому что морозом побивает», но говоря про Пустозеро, где «место гундринное, студеное и безлесное, и зимней порою тумара с водою смерзается», где даже зимой иной год заводит песок. Пытались в слободах выращивать привозным хлебом, доставлявшимся «в Русю» «на малых набахь судаким в тех месяце» — с Вытеград-рин, из Иреника и из Перни, а за недостатком таковых везали сурогатами: «боршом», корью и листьями. В 1670 г. усти-цильманские нижние челны в челобитной царю, что

¹⁾ М. К. Иванов, Гидрографический очерк Поворья, стр. 180—182. Актинские оклады Усти-Цильмы начала XVII в. у С. С. Селиванова, вост. арх. II.

²⁾ Ильяш, Описание Сиб. острога, стр. 68. Д. А. И. III, № 10; IV, № 127.

³⁾ Сиб. грам. ст. № 1688, а. 300, ст. 470, ст. № 244, а. 2. 119 и 89 (двое записки князя Григория Ивановича). Прис. грам. ст. от 1670 г. № 467 (наименование). Поволжское жеманское хозяйство и торговля в ст. № 70 Сиб. привилег. Ср. Введенский, Нам. грамоты цар. привилег. самоуправлению, II (в Лст. Зап. Арх. Кав., XXV).

⁴⁾ Актинский оклад, в Вост. Архиве, № 44 и № 45.

⁵⁾ Введенский, Нам. грамоты цар. привилег. самоуправлению, II, стр. II.

¹⁾ Актинский оклад, в Вост. Архиве, № 44 и № 45.

²⁾ Рус. Лит. Библ., XXXII, № 10 (Актинский оклад, № 71, XI), № 13 (Актинский оклад, № 71, XI).

У них человек с 10 номером голодною смертью, что один гряду, да рыбешкой лист, да сосною кору, и от того ма, стротом твои, отухли и оживили и голодом примерили, а что остальные крестьянщина, и те последние нужные голодом и наги и босы. В Пустозерье еще хуже: тут едаки небольшие, хлеба по немоте, сами дробаны, да гушу кислую за честь ядят, «читаются в мисеод птицами, а в пощи на Печору рыбю». «Жители в Пустозерском, писал на скалке А. С. Матвеев: «кладом тайот, и пустозерских жителей воссташих нища Борю, да и того в Пустозерском пак, а привозит с Нишны, и такая нужда по сей стране повсюду, на Турье, Усть-Цылане и в Пустозерском остроге»¹⁾.

При таких условиях свободия росла чрезвычайно медленно. В 1626 году в Нишны было всего 21 дворов двор, 16 нишних дворов и 10 пустых, в Цылане—16 дворах, 11 нишних и 10 пустых, в Пустозерье—44 последних и 10 одыных; в 1648—1647 гг., — в Нишном 27 дворов, в Пустозерском же числе увеличилось—36 дворов дворянских и 3 дворян²⁾.

Единственным средством существования этих нишних посылкой служили промыслы. «А корытцею же вы зверем, да птицею, да рыбюю, да травкою», писал царь Борис усть-пичицкий³⁾. Летом свободия ловили: лисичи «жили для хлебоны дороговизны на рыбных ловлах, по лесам озерам и по речкам», норички «на речках и на озерах рыбюю, и птицею, и боржом, и рыбешным летом»⁴⁾.

С отсутствием (предельно существовавшим) различием в массовых промысловую предприимчивость и торговую жилку. Пустозерье сделалось центром, откуда не только местные жители, но и приезжие промышленники предприимчивают дальние экспедиции на промысла. Отсюда уже в середине XVI в. ездят «на море промышленны рыбного зуба», который затем переправляется на охоты в Лажожку, на Мезень и отсюда в Холмогоры⁵⁾. Весною и летом пустозерцы отправлялись на охоту на лебедя, гусей, уток и куропаток, я, лисичи мяса, котарам они платят бохачную часть года, деро является одним из значительных предметов

торговли⁶⁾. Но главным занятием свободия являются рыбные ловли; ежегодно в июне путозерцы, усть-пичицы и ивичи ходят на устье Печоры и в Болванскую губу «для рыбных и безлужных промыслов». Продукты зорских промыслов (безлужные сало, моршанье лажаны) и рыбных ловах (семга, сиги, омули, лохи, сельма, кам, сухие щуки, шера), а также оленьи кости в больших количествах с Печоры на Устюг и в Соль Вытегодскую⁷⁾. Знаю рыбу на оленях саргачами» с несколькими десятком своей отправляли также для продажи в Мезень⁸⁾. Пустозерцы и усть-пичицы по ограничивались промыслами в окрестных угодьях; в путозерских барнах они в конце XVI и в начале XVII вв. пускались морем в Обскую губу и далее в р. Таз и в Мангазей⁹⁾.

Жители пестозерских свободия вели описанные сношения с соседями, но только кончатными в Великолепской губе, но и с сибирской «владимирской» свободия. От соседства с этими дворянами они часто и много страдали. «В провинции в 1577-м году и в последнем 178-м, жаловались, например, в 1670 г. усть-пичицы и ивичи: «ступорыши лисички сажоды заворовались, всех олоной у нас... отогнали, а зверного и рыбного промыслу не было, да и ходит ма... ни на лисичи промысла не смогли, боясь тулдрякой зорской самоды разгрому и грабесту и смертного убийства, что они самоды по летни и зимни жерам (посажам) едят, коровы и кони, прибили и по промыслам грабит и смерными убийством поажовет»¹⁰⁾. Это не мешало пустозерцам, ливичам и усть-пичицам устанавливать деловые отношения с великокняжескими инородцами, среди которых у них были свои «самоцы» и «зрети». Не только пустозерская самода, «привозия, торгует в Пустозерье и на Усть-Цылане и на Нишны и на Мезень», но даже карачеинцы самоды болжанки ивичими привозивают с Пустозерку на-за Урала и привозит получившие от манжарских самоды меха¹¹⁾. Приобретенные от них пушнину и оленяки жители свободия еще в XVI в. отправляли в Лажожку.¹²⁾ На год в год олки путозерцы ездят с Печоры на р. Усу под Ижмю, где у них образовался торговый пункт—Рогович городок; сюда они «составляли» самоды на-за Урала, с Кавказ, с Обкура и с Кунолы и вели с ними описанный меновой торг. Не довольствуясь этим, они напавали олоной

¹⁾ Писм. вил. ст. лет. 1670, № 977, Сибирск. II, стр. 176. Писем А. С. Матвеева к ии. Д. А. Долгорукому (в Петерб. о помятом заложении боярши А. С. Матвеева, С. П. Б., 1772). Воеводская. Писемны первые от Сибирского, II, стр. 1, 16, 18. П. Н. XXVIII, 523. Смирнов, Городи Моск. государств. I, выд. 2, примеч. на стр. 72—73. Яковлев, Писем сбори ратных людей, 426.

²⁾ Яковлев, Писем сбори ратных людей, стр. 373, 457. Воеводская В. Земельное законодательство на русском севере в XVII в., I, примеч. стр. 48. Смирнов, Писем сбори ратных людей, т. I, выд. 2, стр. 73, 84.

³⁾ Акти восточных архив. В. Шубинский, № 44.

⁴⁾ Воеводская, примеч. стр. 426.

⁵⁾ Д. А. Н. I, № 154. Насильств. I, стр. 254 (из: Бюрогана's Library owned by E. Шуби, Sibirsk. II, стр. 133).

⁶⁾ Сибирск. II, стр. 167, 168; 173, 174—176, 182, 197.

⁷⁾ Писм. вил. ст. лет. 1610, № 407. Сибирск. II, стр. 168—169, 176—177, 182, 183, 184, 186—187 (включая безлужного промысла в 1611 году).

⁸⁾ См. также, примеч. (издатель, А. М. Н. Д. Успен 1634 г., д.д. 145, 152, 165 об., 164, 165 об., 175, 181 и др.).

⁹⁾ Сибирск. II, 168.

¹⁰⁾ П. Н. В. II, № 254. Сибирск. II, стр. 173, 187, 196, 199.

¹¹⁾ Писем сбори ст. лет. 1670, № 407. Сибирск. II, стр. 168, 184, 185, 186.

¹²⁾ Сибирск. ст. № 109, а. 228. Сибирск. II, стр. 177, 180, 190.

¹³⁾ Насильств. примеч. Бюрогана's Library, I, стр. 297—298.

у пушторской каменной самодеи, у своих аналозири и другои, провозили товары за Камень и парилини и несомненно десятков человек ходили по туадри и березовской самодеи. Уже в начале XVII в. пушторцы держали окрестных инородцев и наболе, соудали их товарам и ходили к ним «даа своих старых долгов». «В прешних, государь, годех», писал в 1641 г. устюжанин Мишка Коказов: «иастари раштены мой, дед и отец и дядня, жилили Пушторского городка, и торги, государь, у них и промысли были с той карачиной и вышнимое самодею больше, а тех родов, государь, многие люди ни были должны; и Пушторо и на Обдори за них значивали твои государева аслия и давали им в долги русские товары». Тогда же начался постепенный захват туадри новопришельцами и развитие их оленеводства и ущерб самодеюму ¹⁾.

Торгами с пушторской и каменной самодею не ограничивалась деятельность Печорского населения за Уралом. Очень рано, уже в XVI в., выехав и пушторцы стали приходить по все сибирския городы... во великия товары и торговали во поев Сибирской земли и во холостях, и во юртах, и во лесам с татарами с остави, и с галузцами, и с самодеюмо ²⁾.

Таким образом, свободия сделались малочисленны торговлеи центрами, куда для скунки пушнина съезжались русские торговлеи люди разных городов ³⁾. Значение печорских слободок в деле торгового посредничества между русскими и приуральскими инородцами уже в конце XVI века было очевидно иностранцам, и агенты английской компании пробовали в 1611—1613 гг. обиспользовать в Пушторске и захватить в свои руки весь торговый район от Пальмы до Урала ⁴⁾. Походы участника норвежской экспедиции 1653 года и Пушторские делаии закупки пушнины ⁵⁾.

Подобное же пути в Сибирь, тизлами условия существования, выхоя, промышленные интересы, способствовали продвижению населения с Печоры далее на восток. Замечен и пушторцы безпрестанно упоминаются в царских грамотах в Сибирь в конце XVI и в начале XVII вв. ⁶⁾ Удалого до положе-

ния малочисленных поселок и служилых людей зырян и вымичи хромчили в Мангазее ⁷⁾. Тезную связь Выши с Зураледем хорошо иллюстрирует писание книги 1608 г.: из 361 жители вымичи холостей и шей отмечено убыткими в Югге, т.-е. в вышних Обит, 29 чел., в Мангазее 2 чел., на Березов 1 чел., и в Тобольске 2 чел., сошедшими в Юггу 3 чел. и на Березов 1 чел., обещанными в Сибирь 1 чел. и выехавши на Березов в манжи — 3 чел. Всего, таким образом, отмечено 46 случаев безвозвратного ухода из Урала (приблизительно 11% всего населения) ⁸⁾. В 1625 г. мангазейские воеводи писали, что в Мангазее — «проемачи, белачи и Мезени, Пушторцы и с Выши ⁹⁾ всеяко люди от государевых податей, а кие от воровства и от своей бранли, от великих долгов и, приезавши в Мангазейский город, живут в Мангазейской уезде». Этим продвижением на восток в значительной степени объясняется неоднократно отмеченное запустение расположенных на Печорском пути поселений. В 1638 г., например, в Ичимской и Усть-Цыломской слободах на 61 населенный двор насчитывалось 24 пустых (около 28%), потому что «сказанные люди разбрелись маршатами и русскими и сибирскими городы» ¹⁰⁾. В 1679 г. по обеих слободах, по словам оставшихся и них жителей, всеюи с 30 семьями в Сибирские городы от великие холостые скудости; пушторский воевода, с своей стороны, писал в 1671 г. в Москву, что в предшествующем году «из Пушторского острогу, из Ичимской и Усть-Цыломской слободок тизлы крестьяне 99 человека с женоями и с детьми, со всеми семьями, обехали в русские и сибирские городы» ¹¹⁾.

Продвигаясь дальше на восток, за Урал, русские промышленники осваивали на дугах, по которым они шли, новые промышленные стояночки. Об одном таком укрепленном стояночке между устьями Шукура и Подчереза, служившем складочным местом для товаров, говорилось в «Подорожнике», которым пользовался Герберштейн ¹²⁾. Другим стояночком был шахтупомыкунтай Рохоний городок (оселивший Сухар) в верховьях Усы, под Камнем, где, по словам царской грамоты 1607 года, пушторцы по пути через Урал «осажуют» и ведут дорс с зауральской самодею ¹³⁾. На самом переправе на карте Ремезова обозначено «городчище», очевидно, остатки какого-то значительного поселения, так чтои оно проиноконения Нювоый городок.

¹⁾ Сиб. Прем. ст. № 68, л. 300, ст. 111, л. 308, ст. № 470, P. II, B. II, № 71, X. A. B. V, № 35. О воеводах пушторской в Юггу в 1631—1632 гг. см. вышесказанное соображение у Сиб. Прем., II, стр. 184, 185, 190, 196 соответственно там же, стр. 111 в Сиб. Прем., ст. № 334, л. 262.

²⁾ Сиб. Прем., кн. № 1, л. 203 (ориг. изд. Боржа, который сокращен до факт, оставив место чужим отрыв).

³⁾ Сиб. Прем., ст. № 365, лл. 329, 8 сиб. Прем., II, стр. 123, 124, 170, 812, 116, 267 и др.

⁴⁾ Гаммала, Англичане в России в XVI и XVII ст., стр. 130—136, 8 сиб. Прем., II, стр. 162—172, где приписаны в торговле на отечественный рынок стояночки у Рубцовых делавших и выехав англичан.

⁵⁾ Пушторские Ижмарташеры, стр. 35.

⁶⁾ Сиб. Прем., кн. № 1 лл. 60, 61, 168, 169, 190.

⁷⁾ P. II, B. II, № 185.

⁸⁾ Дуги зрым, Прем., к. Вое. Пушторск., стр. 267—264.

⁹⁾ В Мангазейской волости принадлежало к манжи, одна из которых истощен, хромчорцы для того рода слободы (Парей, Мангаз., II, 477, № 5).

¹⁰⁾ Ижмарташеры, прим. сое., 437—438.

¹¹⁾ А. X. II, Д. Прем. 1608 ст. стр., 1625, № 467.

¹²⁾ Борж. Мангазее, 129.

¹³⁾ P. II, B. II, № 77, Кн. В. «Ворж», стр. 206. Печора она зырян летои в 1614—1615 гг. (Сиб. Прем., II, 207).

на месте, где впоследствии построил был Обдорск. Во времена Маллера существовало предание, что в Березов был основан на месте прохода промышленного шлюза¹⁾. В Мангшее уже в конце XVI века были поставлены русскими промышленниками остроги; на один из таких островов — «Зирицкий городок» перенесли в 1601 году — уручские саамские люди²⁾.

Так постепенно «серебрянный» путь осваивался русскими промышленниками.

Промышленное движение «через Камешь» обратило на себя внимание московского правительства еще в конце XVI века, и при царях Федоре и Борисе на устье Собы был поставлен острог «для проезжих торговых людей и десятиной пошлины»³⁾, просуществовавший, впрочем, недолго. В последней четверти XVI и начале XVII в. «черезвычайно путем «Новосирым рекою» ходили «с судов с воззкими товарами «овинные люди» из Пустоозера, с Пинеги, с Мезени и с Вали»⁴⁾. Уже в царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова им иногда пользовались и лица из администрации, нацаривавшиеся в Березов, — воины, посланные в войну, и «вогда для поспешания воеды через Камешь отлучали и березовскую государеву соборную казну»⁵⁾. В 1608 г. тем же «подлинным путем на Выхю» идет на Русь оставший князь Пинчой Алачев⁶⁾. В 1618 году тобольские воеводы отмечают «больной приезд» торговых людей с товарами «с Выхи через Камешь на Березов, а с Березова, на пайку Тобольска, и Сургут, и Томск»⁷⁾. Путь этот в то время был все-таки сравнительно мало известен в Москве и правительством еще официально не был разрешен, и тобольские воеводы прислали государю «о том влезти свой учинить указ». 26 ноября 1619 г. последовало официальное разрешение отлучаться «от Архангельского города и от всех поморских городов в сибирские

города: на Березов город: как обычной дорогой на Тобольск, так и через Камешь. 24 апреля 1620 г. это разрешение было подтверждено, и точно указан маршрут на Усу, на Собы и на Езь до Камени, вольном через Камешь и другую Собы реку и Собою до Оби⁸⁾. Вопрос открыто рассматривался в 1624 году, когда тобольский воевода, известный своим филантропичным реформам князь Ю. Я. Сулейвов снова запросил инструкцию из Москвы относительно пути «Собою рекою через Камешь шлюз Ижмезкую свободку». И на этот раз вопрос был разрешен в положительном смысле, и дорога «через Камешь» торговцам и промышленным людям пользовалась беспрепятственно в течение всего XVII в.⁹⁾.

Разрешая путь Петром, московское правительство, однако, особенно было оградить свои фискальные интересы и создало на протяжении его ряд таможенных застав, посредством которых оно рассчитывало пережить движение промышленников, возвращавшихся с промыслов. Очень крупное значение имела Шаюкская застава, устроенная «для проезду сибирских воевод и дворян, и пашманых толков, и их братья, и детей, и племянников, и людей, и торговых и промышленных всяких людей, которые поедут в Сибирь и из сибирских городов к Москве и в иные русские города»¹⁰⁾. Застава эта играла роль пограничной таможенной между Русью и Сибирью.

По ту сторону Урала имелась другая застава для предотвращения свободного проезда на Собы и Обь, и на Обь в Обскую губу. В этих местах еще в XVI в. несомненно имели устья Собы был поставлен, как сказано, небольшой острожок; в царствование Василия Шуйского его, однако, уже не существовало, чем пользовались поморские промышленники для беспрепятственного проезда в Сибирь, минуя Березов и Тобольск¹¹⁾. Поэтому при Иване Федоровиче здесь была устроена так называемая Собская застава. На противоположном берегу Оби, у впадения в нее реки Полюя, еще, повидимому, в конце XVI в. воздвиг острожек для сбора ясака в обдорском остроге и с кнуши и маришской Сивоиди. — Новосиль городок, называвшийся так по нестойкости к наводу, образован здесь восторгом Оби, впоследствии известный под именем Обдорского острога. В Новосиль производился также сбор десятичной пошлины с проезжих торговых и промышленных людей; длинная таможенная застава называлась Обдорской. Обе заставы — Собская и Обдорская были объединены под общим управлением. До 1633 г. сюда

¹⁾ Маллер, Описание Сиб. земель, стр. 74—75. В пользу достоверности предания здесь русский писатель не объясняет, что таможня названа была по имени на русский язык (Ивовой город, от ивовой смес., или, иначе. Амур, называвший Сала — существовал от старинного Пуляк-Амур-Вали, следовательно Сала-Гурдан; Березов, от оставшего слова Сургут, берозь — Сургут-вола), между тем как: объяснение и было создано в конце периода преданиями, таможня существовала до открытия ее на русский язык. Давно известным городом был переименован в Обдорск.

²⁾ Сиб. архив, т. II, № 1, с. 113; Р. И. Б., II, № 188.

³⁾ Р. И. Б., II, № 224 (IX).

⁴⁾ Р. И. Б., II, № 77 и № 254. Путь Петровым и Уголом на Обь охватывал известное расстояние от Пустоозера уже в 1634 г. (Г. в. и с. в., Описание с. Руссии в XVI и XVII, стр. 228).

⁵⁾ Р. И. Б., II, № 254. Амурский архив, в. Вал. Шуйского, № 44 и № 53 (52, по дате 1606 года).

⁶⁾ Р. И. Б., II, № 68. В 1612 г. государью повелевает об пути Усть на Обь, а именно Лоску (8 с. в. с. в. и с. II, стр. 187).

⁷⁾ Р. И. Б., II, № 254 (VI).

⁸⁾ Р. И. Б., II, № 224 (VIII—IX).

⁹⁾ Сиб. архив, т. II, № 5, с. 177 об.—181.

¹⁰⁾ Письм. дела от 1697, 1686, № 1. (Крестовоздвиженский монастырь Шаюкской заставы). Р. И. Б., VIII, № 21 (XXV); А. И. В., № 4 и № 212, 2. А. И., III, № 19.

¹¹⁾ Р. И. Б., II, № 77.

для сбора таможенных пошлин прислаивались письменные толочи, выдаваемые и делозавалиши на Тобольск, но в этом году, в виду важности обеих частей, двум таможенным головам, поставленным в Русь на Березов, было предписано летом ехать на Обдорь «для проведи» всяких людей, и этот порядок сохранялся в последующее время¹⁾. Таможенные голочи, приехав на Собское устье и на Обдорскую заставу, носились делозавалишию «на отглазие караулы», мимо которых места проезжают из сибирских городов и в Русь через Камель Собою рекою и из Мангазю Обью рекою торговые и промышленные и служилые всякие люди с своими товарами и с митью рухлядью²⁾. Деятельность обеих застав продолжалась впрочем «немногое время, всего три месяца, июнь до июля, да август, а больше того не шавут, потому что торговля и промышленным и всяким людям мимо Обдорь и Собоное устье к Русь ехать нельзя, и после Семьи дни (1 сентября) в осень, и во всю зиму и в весну до июня-ж несяца на той заставе быть не для чего, потому что место пустое, и в сибирские города тою дорогою никто не едет»³⁾.

Зато в эти недолгие летние месяцы на Обдори господствовало большое оживление, вследствие одновременного приезда русских купцов и промышленников в Русь через Камель и одних обратив на Русь тем же путем, а также прибывших морских кочей, шедших из Тобольска в Мангазю, и проехавших служилых людей с государственной казной, а иногда и войско, направленных в Мангазю или обратно. Ехавшие через Камель из опасения нападения саюдов здесь дожидались своих «братьев, торговых людей, из сибирских городов», чтобы ехать большими партиями (Флотилии шедших из Мангазю кочей перегружались на разные суда для переезда через Камель, приехавшие из-за Камель распространяли свои «худые лодочки» как «метали дары» и покупали «для мангазевского ходу» морские суда. Кормилки, которым «морской ход на бычьи», приходили на кочь «приязнать» за море в Мангазю. К открытию навигации из Тобольска местные торговцы привозили хлеб для продажи промышленникам, едущим в ту же Мангазю. Одновременно обдорские оставы привозили дешевую митю рухлядь для меня и приезжали русские люди; у них же тобольские англичан покупали «спир рыбный и рыбу и солили а бочки и в каде» и ездили в Тобольск. С своей стороны англичане русским промышленникам привезли из-за Камель только до Обдори, продавали здесь свои товары и «исторговывая», ехали обратно в Русь. Для нужд проезжих людей функционировали казенная

бака и названная же «хлебная изба» для пекения хлеба, и «отданыи» на одну кочу, каюс и устюг. Все это оживление приходило быстро к концу, все развалилось: кто из Русь, кто в Мангазю, «а на Обдорской заставе остаются мало»; один или через Камель «своими делом», «для того, что ни на Камель не запереть», другие торгшаны не пропустили благоприятного времени «для того, чтобы поехать через море»⁴⁾.

Кроме таможенных застав на Собском устье и на Обдори, в 1640 году была вновь устроена, по распоряжению тобольских властей, таможенная застава на Каргасе (так называемая Каргаская застава), для регистрации торговых и промышленных людей, шедших в Сибирь с Петров Шугром и Ситлом. Первоначально сюда посылались сборщики таможенных пошлин из Тобольска, но позднее Каргаская застава была подчинена березовским таможенным головам⁵⁾.

«Трехкаменный» путь был сопряжен со многими трудностями и даже опасностями. Он шел по обширным безлюдным лесным пространствам («дорога проходила, некаяк людьми, пустое место», породе «тучишия речки», по которым вследствие их маловодности лишь с трудом можно было продвигаться «из малых судух» — «обозом», как их называют устюжские таможенные книги. Судя, «каких ходят через Камель» — обычно либо «одна черемшанная лодочка» с ширсом (так как «на лодочных... ветрах по Обь реке бегает на ширсах»), либо «однодерезка», «судею однодерезю». На таких «судух лодочках» невозможно было вести большую повозку, и это служило значительным препятствием к пользованию этим путем»⁶⁾.

Переход через Уральские горы был, конечно, самой трудной частью пути. Камель, трапециевидная горная цепь, вершина которой «в обласк не видна, а колы ветрено, или облака раздувает, а даша от от моря и до моря», гудал своей неустойчивой дикостью: «чисто пустое», «а илешных людей из Камель нет»⁷⁾. На перелезе русским людям грозила постоянная опасность от саюдов, подстерегавших добычу на возоку между Собою и Кладом. В 1640 г. торговые люди, которые выехали через Камель Собою рекою в сибирские города с русскими товарями и из сибирских городов с мяскою рухлядью к городу и Архангельску, был челом жарю Михаилу Федоровичу на березовскую, шивающую и пустоезарю сыножд в том, что межд, государь,

¹⁾ Обдору каргасу две Обдорские заставы, шила 140 в. (Сиб. Прис., т. 2, стр. 254). См. также Сиб. Прис., т. 2, стр. 40—41, 50—51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

²⁾ Р. К. Б. VIII, № 13 (XVIII). Пасса берез. записки голочи 145 в. (Сиб. Прис., т. 2, стр. 280—277).

³⁾ Об «илеш устюжских пути Русь, посл. ст. 1, 1630, № 71 в. 672 посл. О определении судак ст. Обдорь, писем: судру 163 в., в тобольск Сиб. Прис., т. 2, стр. 112, 163, 26 299, в. 680.

⁴⁾ Сиб. Прис., т. 2, стр. 103, в. 390. И т. д. в р. Олук. Сиб. архивы, стр. 68.

¹⁾ Сиб. Прис., т. 2, стр. 320—329. Там же, вылет 143 год — там же, т. 2, стр. 236—277.

²⁾ Сиб. Прис., т. 2, стр. 138, в. 167—168.

³⁾ Там же, в. 322.

ние, строг таможн, через Камень Собойю рекою на каменных колодах разбивают»¹⁾ 23 августа 1641 г. на иркутских, котских и пермских служилых людей, переползших через горы государеву соборную казну, «имупралиха... многие сибирские люди на оленях на последнем волоку на Камени вверх Вельды реки и... (их) учали стрелять из лука». «И мн», писали контрадминистра: «ходоши твои государина, учали биться за твои государыи соборныи казны и билися ми, холопы твои, день до вечера, и не стало у нас; холопов твоих, свинку и пороку... и убил у нас четырех человек, да двух человек промышленных людей, которые были под такою государвою казною в гребнях, а нас, холопов твоих, переранил и твою государеву соборную казну пограбил, иркутскую соборную казну, с пушками и в хвостах 18 сорочков, да шариковую твою казну государеву всю пограбил-и, все соборн и бобрн, и иные зимотичкия пограбил-и... илскую рухлядь и девяти»²⁾. 2-го сентября того же года и на березовских служилых людей, переползших соборную казну через возок, точно также «ириша божество самоод и учали по них на луках стрелять и государеву казну гробить, и убил да тут у них... березовского дикова Лезку Михайлова да целовальника ерениа торгового человека Сидора Крокова до смерти, и их-де всех на луках переранил... а отгромили да у них на том бою той государыи казны два вьюка бобров, да суму с бобором, да два меха холщевых, да две сумы оленьи с белкою». С своей стороны служилые люди убил одного самоода, после чего дикари бежали, и они «отбили у них большую часть захваченного». «И как они после того бою соборную казну свесили к судам, и сидели от той самооды в осаде два дни да ночь, и на ших-де выехали на третий день в субботу с государевом-и соборником казною енисейские служилые люди»³⁾.

Несмотря на неудобства и опасности «иринженного» пути, в течение всего XVII в. он оставался «большой сибирской дорогой», по которой из Азии в год шли десятитысячные караваны в Сибирь и обратно. Об размерах этого движения-движения представляется Обдорская таможенная книга 1640/1 г. С Руси через Камень в этом году пришло 126 человек, из них 34 холмодем, исторговавшись, поехали обратно в Русь, 80 пошли в Мангазей, 3 в Березов и 3 в Енисейск. Обратно через Камень пошло из Тобытска 48 или 49 человек и из других сибирских городов 313 человек, считая служилых людей и гребцов, сходящих с государственной казною, и без указания откуда—24 чел. Наконец, морем из Мангаеи пришло 319 человек, которые тоже, лишь бы несколькими, может быть, исключениями, поехали через Ка-

мень в Русь. Всего, таким образом, из Сибиря в Русь через Камень отправилось 638 или 639 чел. Всего же зарегистрировано было более 700 случаев прохода чрезкаменным путем⁴⁾. В 1639/0 г. «и Соборном устье и на Обдорской заставе было с Руси торговых и промышленных людей 919 человек, а в следующем году 745»⁵⁾. И в других пунктах Печорского пути отмечаются большие размеры «сибирского прихода», так в Соли Вычегодской «сибирский приезд» в октябре и в октябре 1648 г., преимущественно ходячим путем, определялся, по таможенной книге, в 382 чел.⁶⁾ Товаров было вывезено в 1639 году на 18.494 р. 80 к., а в следующем 1640 г. на 9.201 руб.⁷⁾ Волнотное число провозящих и провозимых товаров отражалось на крупных размерах таможенных доходов: в 1639 г. «таможенный сбор Соборного устья и Обдорской заставы» определялся в 1.859 руб. с лишним (считая Каргопольскую заставу)⁸⁾, в 1639 г.— в 1.209 р. 77½ ж.⁹⁾ Во второй половине XVII века, с приращением посылки морем в Мангазей и с упадком мангазейских промыслов, движение «иринженным» путем сократилось, но было весьма значительным. Так, летом 1686 года через Собское устье проехали из русские города 224 чел. и из русских городов— 9 человек— всего 233 чел. Экспедиция из Сибиря торговые люди велась с собою илскую рухлядь и китайские товары¹⁰⁾.

С Обдрия сходящие через Камень торговые и промышленные люди направлялись, «не займу Тобытска», в города, расположенные по Оби: в Березов, Сургут, Нарым, Кетск, Томск и далее в Якутск, а также через море в Мангазей¹¹⁾. Надо, однако, отметить, что дальность «иринженным» путем далеко перешагнуло. На служива преимущественно для обратного пути, сходящих из Сибиря в Русь, когда жители переползших выше означенных городов, торговые люди, вперодя свои товары в хлебном запасе, промышленные люди, быв из промышленцев, этим путем отправлялись в европы. Все движение из Мангаеи в Русь шло исключительно через Камень. Через Камень же велась государеву соборную казну из Березова, Сургута, Нарыма, Кетска, Енисейска, Красноярска и Ленского острога¹²⁾. Для пути же в Сибирь промышленные Верхотурцев. По «старым болотам и горным рекам» трудно было провозить в Русь в Сибирь гроноладные товары, которые велись для

¹⁾ Сиб. Присл., кн. № 42.

²⁾ Сиб. Присл., ст. № 102, л. 109.

³⁾ А. В. И. Д. Соловьев, тамож. книга 1644 г., № 18.

⁴⁾ Сиб. Присл., ст. № 102, л. л. 168—169.

⁵⁾ Сиб. Присл., ст. № 78, л. л. 100—101.

⁶⁾ Сиб. Присл., ст. № 102, л. 168.

⁷⁾ Сиб. Присл., кн. № 200.

⁸⁾ Сиб. Присл., кн. № 6, л. 177 об., 181, ст. № 559, л. 227, Р. II, С. II, № 204 (VII).

⁹⁾ Обдорск. тамож. книга 149 г. Сиб. Присл., кн. № 6, л. 177 об.—181.

¹⁾ Сиб. Присл., ст. № 90, л. л. 69—41.

²⁾ Сиб. Присл., ст. № 208, л. л. 44—45.

³⁾ Сиб. Присл., ст. № 102, л. л. 200—202.

Мени иа нуишину, и, наоборот, самая нуишину легко ужалалась и в больших объемах, совершавших путь через Камени. Этим и объясняется то обстоятельство, что движение с востока на запад по «разреженному» пути было оказывалось, чем с запада на восток.

«Древний «разреженный» путь функционировал в течение всего XVII в. В 1704 г., по не выявлен асимметричным соображениям, было предписано ехать неокончательно через Верхотурье. Указ, один из многих случайных и малообоснованных указов, вышедших из-под пера Николая Петра Великого, был повторен в 1706 году, при чем определенно запрещалось ехать «через Камени, что из Березовы». В 1722 г. было вновь подтверждено, «чтоб чрез Березов и Собскую заставу как в Сибирь, так и из Сибири отсюда никто не пропускать, для того, что по присланный К. П. В-на грамоте 704 году, кроме Верхотурья, как в Сибирь, так и из Сибири пропускать никого не велено»⁴).

Этого момента этот, исторически сложившийся и в течение ряда веков связывавший Россию с Азией, путь — постепенно отмирает и утрачивает свое значение.

В непосредственной связи с Печорским путем находился морской путь, «морен-окипном, мимо Пустозерский острога, которым померские промышленники несомненно уже пользовались в первой половине XVI века и продолжали ходить до 1620 г., когда он был закрыт для них властями запрещением, последовавшего от властей. По словам самих промышленников людей в 1617 году, они ходили морем, «которого лета льды пропустят, а Обскую губу и в Мангазее «для своих промышленников с Давыи и с Пинеги и с Мезени, «лет по 20, от 80 и больше»⁵).

Морской путь шел вдоль побережья Ладожского озера. Выйдя из устья Двины, или из «подле берег и через губу особыми ветрами с запада на восток... влесе море, а вправо земля», обходя Кавин полуостров, отбав отогнувшись на карте поручика Федора Кавина нос (Saimoeno), и мимо Кохтуева шел через Ческую губу на Кулуйское устье. Что избегнуть длительного пути вокруг Кавина полуострова, пользовались иногда «Ческим волоком», образованным реками Чихом, выходящую в Белое море, и Чешою, выходящую в Мезенскую губу; речонья которых восточнее близко подходят друг к другу, что «в большую воду тот водок вымает водом». Даже в позднее время года суда по пространству составляло всего самое 20, через которые почти промышленников перевозили, «ваймаучись», поочередно по опре-

⁴ Известия Сибири, история XVIII века, изд. Арх. Ком., II, № 70, № 80 (1), № 85.

⁵ Р. И. Б., II, № 254 (X).

твым тударом сходами⁶). Первозем Чешскую губу, южна или запад берега до так называемого Русского заворота, где он делает режий поворот и югу, образует Печорскую губу или «Бухое море, как ее называли в XVII в.»⁷. Обогнув Мезенский заворот, ограничивавший Печорскую губу с востока⁸, шел «большии морем-окипном из урочища Югорский шар, а шал прямо большим морем, начинался через губу Жеринку, а на губах местами глубоко, а в иных местах мелко и камени, а шло и Жельево, а в иных местах и суда ставили. Оставая вырво «Барандице мезю»⁹, пороскади Корелье (теперь Хайландерскую) губу и вступала в Югорский шар, образующий пролив (проезд) между материком и о-вом Вайгаче: «а тот проезд промез Вайгача, да промез берегов, а по берегу толк грядю камней... а промез местами глубоко, а местами мелки. Бывали годы, когда, по словам русских промышленников, Югорский шар был закрыт льдами. Ванно и Вайгачу не подходил, «потому что отшел далеко и море, да и льды великие стоят». Оставая, таким образом, в стороне «остров великий каменистый с его суровыми и нуишными берегами (местами гундара, а местами камня голый, а леса никакого нет... место пустое, людей нет») и с его знаменитым самоходным святилищем, которое русские промышленники еще в 1556 году показывали Стефану Бйрро, вступали в Карскую губу или Нарвоном море, как ее вначале называли¹⁰).

Полуостров Ямала хорошо известен русским уже в начале XVII века: на картах Масси и царевича Федора Борисовича помечен целый ряд урочищ вдоль его берегов: Мутный шар (Muttschar или Morditschar), Шерпавы хощи (Seerarovi sooski), Бритин столб (Britia stobl), выходящий Велушый жок; на восточном берегу: Заворот, реки Мутгала, Зеленоя, Черная (Tscherna), Рыбная (Riebnaja); внутри полуострова «оверч» (Otera), и северу от него Белый остров.

⁶ Р. И. Б., II, № 264 (X). Читский мезю подробно описан Б. М. Жуктевичем в «Отчетх мезю. П. Р. Г. О. на Камени, в Зап. Русск. Географ. Общ. по общ. соопр. т. 41, стр. 10.

⁷ «Селье мезю на картах Петра Масси и цар. Федора Борисовича. Там же называет все летопись, вышедшая в Пустозерске в 1611—1612 г. (Schöckel II, стр. 163—167). В речнике судей, оторванных шара в 1621 г., упоминается в деле о судне кап. Уолландера, капитана Артемер. Юок, «состояща по прав, северной земли Зауральский берег и устье море заплыву». (Российск. дела о Ф. Школовском, III, стр. 125).

⁸ В 1624 г. голландцы выдвигли на Мезенском завороте множество крепостей, уничтоженных в местах бедствиях и воздвигнутых на этом месте (см. у Заминовского, мезю, стр. 8).

⁹ Полуостров Восточный Ворушай (по стар. названиям на карте поручика Федора Кавина) Югорский шар и Хайландерский.

¹⁰ О Печорском и Югорском мезю — Р. И. Б., II, № 254. П. 2 и 10 у 1 (данные по Стефану Бйрро), мезю Велушата и Либову, I, стр. 246—247. Нарвоном море, или Нарвоном и Нарвоном.

Во избежание длительного и опасного обледенения Илмала морем, русские мореходы свезли его посредством волов между Мутной рекою, выходящею в Карскую губу, и Западной, впадающей в Обскую губу. Мутная река ¹⁾, маленькая речонка (очень можно сказать переросшая), настолько мала, что «в гору коши не проходит, а дождливое с моря прибавит воды (принимая), протекает по каменистой гряде, поросшей молики лесом — «аршином», по которой начинала динь царчевская самодра. По ней шли «пробилоею водою», «танулись бечавой» в течение 20 дней «до озера, из югов вышла Мутная река, а вышла Мутная река из тех озер близлежащих, версты по две»²⁾. Дойдя «до озера, до верхины Мутной реки», занесли волоком «всю самодра» в «спавозках», т. е. небольших лодках, «а проводили навозки от озера до озера пачочинами (танули, по воде бредали), один навозок танут два человека, а те между озерными пачочинам тоже в друг местах от озера до озера по перте и мешине, а ночь танут навозки после занаски порожние по тем пачочинам всема людьми, а от урельного озера шли на валак до большого озера ³⁾, из которого вышла Зеленая река»⁴⁾. «Сухого волоку от озера до озера» считалось всего с ⁵⁾, версты, «а место ронкое, земля пещалка»⁶⁾. Через волок занаски носили «на себе на плечах», повозки волокли накатками, большие ножи танули тоже накатками «но карком, подвала вороты». «А носили через волок занаски и навозки волочки и ножи танули для с ⁷⁾. Достигнув «большого озера», пересекли его и входили в вытекающую из него Зеленую реку. Последняя была еще «меньше Мутной и мельче», «и шли ... на низ Зеленою рекою, повозки шло в навозках, а ножи танули порожние всема людьми». Из Зеленой реки выходили в Обскую губу и бежали «старушим походом» (т. е. при благоприятном ветре) до «Запорога» дель. У Запорога (ныне имя Коммуны) береговая линия Я шала делает розный поворот на запад; здесь «воротившая на восток и Раковскую губу, все время имея в глазах «то обе стороны берегов, и въезжали в устье реки Тава, берега которого были известны под именем Мангазея. Мангазея и была конечным пунктом морских путешествий XVI и XVII вв. ⁸⁾.

¹⁾ Имя Се-ля, т. е. Проложная река, самодра именовали, соответственно русской Волгою.

²⁾ Это группа озер Ней-ея (Налиные озера) от низ Се-ля, выходящих в Березовую губу подучия называли Ней-ея Се-ля. Озера эти имеют название Мал-ея, Ер-то и Ней-во-то (т. е. В. М. Житков, Полустраны Лая, т. 40. Изд. Русск. Учен. Общ. по общ. географии).

³⁾ Это озеро Яку-то, т. е. Длинное; в XVII в. его звали Солоник.

⁴⁾ Се-ля Якута, т. е. Проложная река имени Якута.

⁵⁾ Волок или «бечавое» и самоза В. М. Житков (там. 124).

⁶⁾ Р. Н. Б., II, № 254 (X). Путь этот описан капитаном в 1611—1632 гг. См. Бекетов, II, 170—171 и Германн ab Vorpost am Nord, IV, 1722 г. стр. 111 стр.

Морской переход совершался на «малых кошях», простейшие устройство навозочных барках с плугами, вмещавших приблизительно 10 человек и 400 пудов груза и ходивших на парусах. Путь был долгий: отпавлялся с Диньи с Петрава лавочина, приходили к устью Мутной реки только на Успенское день или на Соженье день (1 сентября); следовательно, на одну эту часть пути требовалось от ⁹⁾, до 1 месяца. Продолжительность пути от Мангазейского города до Карской губы «в русский поезд, Таковское губою и через Обь (Обскую губу) и на Зелую реку и через волок на Мутную реку и до Карские губы считали» промышленниками определяли в 4—5 недель. Всего, таким образом, требовалось в среднем 3—4 месяца времени. В одном случае, например, из Петрового уезда ушел «по Петрове динь», а в Мангазею пришли через Полярную ¹⁰⁾.

Продолжительность пути зимнего поезда от случайных погоды: «а коли бог во дни пособит ветров, и тогда все ножи «вороты в Пуствоозеро; а коли захватит из Мутной или на Зеленой реке поезде проли, и на тех реках замерзает и жмолиты свои и занаски несут на гурте, а сами ходят на лыжах в Березовский уезд». «А как захватит льды большие, или обходят около льдов парусом и гребляю лодки, а иногда в обветы льды поезде, и от тех холм «вороты назад в Пуствоозеро. Промышники Фомку Березова, например, под Вурлаком бером (в Варзюдах) «малые лыжные льды, и они савои льды пробавляти в том месте четыре недели, а как льды отнесло в большое море, и они пришли в Ютерскому парку. В 1626 г. «хитили на Тобольских служивших людей у Запорога пастисла «туда с дождем и ветер встречали с северу, и парус на воде подхало, и навозок (жмолиты) разбilo, и нож в якорей обило и пришло на кошку, и стояли-де они на ветры 3 недели, дождивался пособит ветров» и после Успенья «вороты назад, «потому что стало водою, море стало «вернуть и льды стало много. Отказки трудностями приходилось русским мореходам продолжать «непродоходимые» или «нота от великих льдов и велике шум»¹¹⁾.

Несмотря на все опасности и трудности морского пути, мы пользовались не один случайные искатели приключений: «на Архангельского города», по современным свидетельствам, «и Мангазею по все годы ходит корабли многие торговые и промышленные люди со всякими немецкими товарами и с хлебом». В 1601 году в Мангазею прибыло морем 4 коша, на котором стало человек с 40; в 1602 году столько же; в 1610 г. — 160 человек на

⁹⁾ Р. Н. Б., II, № 254 (X).

¹⁰⁾ Р. Н. Б., II, № 354 (IV, X), VIII, 26 11 (IX). Топография Вурлацкого берега уездом Мангазейской губернии. Сведения Вурлаков (Об. В. Черныш, изд. С.-Петербург, стр. 125) и далее с ссылкой на Гольдшмидт (стр. 1860—1877).

16 копей, в 1611 году вышло из Петербурга 26 копей, но должны были вернуться из-за неблагоприятной погоды; в 1619 г., — 16 копей, а в 1813 г. — 17; в 1619 и 1819 гг. в Мангазее «принимали морем много людей»⁴.

Морская плавания в Мангазее имели место уже в XVI в.⁵ Первое упоминание о них мы находим в древнем плаваньи по Ледовитому морю Стефана Берро в 1556 году; он встретил у Байтача коломоторских и петерских жителей, промышлявших здесь охотой на моржей и на белых медведей; один из них выказался, «если бог пошлет ветер и хорошую погоду, провезти ланчан на Обь и на р. «Нарамай», куда сам собрался идти в виду малого улова моржей у Байтача»⁶. От второй половины XVI века уже имеется целый ряд достоверно определенных упоминаний: так, по сведениям собранным в 1595 г. голландцами, ежегодно несколько людей ходило с Колхотор на р. Обь и даже на Енисей (Gijlsey) и возили с собой сушки и другие товары⁷. «Морск и Обь» ходили в конце столетия в Мангазее близкие и далекие, или вступают на их челобитов, поданной в 1600 году⁸. В царствование Федора Ивановича, московский гость Луха организовал даже экспедицию на трех лодках «проехать от обского устья», закончившуюся трагически: все участники ее погибли «в волные буржи», и в живых осталось только четыре человека⁹.

Но следы русских мореходов в середине XVI в. морским путем по Полярной и Обской губе пробовали воспользоваться англичане последовательно в лодках пунт Ледовитым океаном в Енисей. В 1556 году, как мы видели, путь севером вдоль восточного побережья на восток сделался известен Стефану Берро от русских промышленников, живших на морские промыслы в устьях Петоры и Оби. Несколько позднее Димитрий из своих странствований по России вынес сведения о басовской «Медвизия» (Мангазее), поочередно на «Славизии» о человеческих поселениях, и это послужило основой, будучи передана на английский язык, послужила путеводной нитью для смелых научных попыток и отважных предприятий, потребовавших как безграничные «вертемы» русских мореплавателей ледя-

и освоения европейской картографии Ледовитого океана¹⁰. Ряд английских и голландских экспедиций по второй половине XVI и в первой четверти XVII века обследовали этот путь (Виланди в 1556 году, Берро в 1556, Пит и Джамсон в 1558 г., К. Най в 1564—65 гг., Барони в 1596 г., Гудсон в 1608 г., Босман в 1625 г.).

В 1610 г. русские промышленники, бывшие на промыслах в Мангазее, сделали очень важное открытие. Димитрий Кодринка Курочкин, «поговори с товарищи своими с торговцами лухами с двинскими», устроил экспедицию на лодках с Туруханка к устью Енисея; они не сразу пробрались к морю, потому что устье енисейское занесло на море льдом, и они реши в стужу за льдом проехать Енисею, был беспрестанный ветер с севера; пристав в устье медведь жить, они хотели было назад повернуться, «да как потянул попутный ветер, и тот ветром лед на устья отнесло в море... одним днем, а эти реки и море прочистилось... и они выехали из Енисея в море. Так вышло, что Енисей впадает в морскую губу того же Стурского моря, «которым ходят немцы на своих землях к Архангельскому городу, и проедет с моря к енисейскому устью есть... и большие собораны на море в Енисей пройти можно». Это открытие достигнуто в 1610 году Тобольск, тогдашний административный центр Сибири, и вышло здесь переделок. Важность вновь открытого пути не уменьшилась от тобольских воевод гг. Из. Соф. Курочкин и Ив. Булгакин. «И ны, холопы твои», писали ему царю, «в Мангазее и в Енисее приходу нем меньших торговых людей, потому что река Енисей угодна, рыба в ней много, а живут на ней немцы татарова, и зверо по ней дорогой, а их ходят с козелыми товара водито». Тобольским администраторам новый путь представлялся бытовым в двух отношениях: «много... немцам пройти в Мангазее на своих землях, на лайку Архангельского города, и приехал бы немцы много люди сибирским городам всякой орудия не рублиши». Другое опасение было вышло страхом убытков для государственной казны: «ктоже введет (русские люди) большие морем, и увянут торговать с немцы и с русскими людьми, утася на Югорском Шурт, на Тросовой..., на Колгуеве, на Моросовие, на Канине полу, и... государеве казне в пошпых истери будет». Наконец, мор-

⁴ Р. В. Б., II, № 254. Schronk, II, стр. 168—169, 173, 187, 196.

⁵ Булжнев в статье Мангазее Мангазейский уезд (в Зап. Харьк. Учен. Сообщ. 1897 г. № 1) высказал предположение, что путь север был известен поварарам, но не приводит к тому никаких доказательств. Он сам говорит: «были сомнения, что были предположения относительно упомянутого маршрута плавания экспедиции или убедительных, но не можем основать свое предположение на российских исторических данных» (стр. 40).

⁶ Населуц, I, стр. 340, 347.

⁷ Зиминский И. И. «Истор. сообщ.» (стр. 28—30), где приведены данные из журналов голландских экспедиций.

⁸ А. И. Т. М 20.

⁹ Р. В. Б., II, № 254 (X).

¹⁰ В «Сказании об отце Д. Н. Анучина и в истории отцовщины в Сибири до Ермача (в Туркест. Моск. Архиве. Ч. IV, т. XIV); «Сказание отцовщины отцом Тухомин (Югор. в XVII в.) и Анучина в полярной стране Английской королевской ордены отцом епископа, епископа Димитрия — Населуц, I, стр. 467 (пол. Колдукин и Липуц). Что экспедиция отплыла по льду севером, очевидно из Славозия, видно из упоминаний о них Ферри Медвизия, путешествий об Славозии (Славозия). О плавании голландцев в 1604 г. русский торговец поборник от Белого моря до Петербурга Димитрий Келлер (назв. 105). Курт Мосси, как видно из его собственных слов, высказывал тоже за освоения русского чертова.

шой муть был и в том отношении невыгоден, что, безгортари ому, промышленники побегали многочисленных внутренних таможен.

Прежде эти соображения, политического и фискального свойства, делались им. И. С. Куракин ходатайствовал о полном запрещении русским людям ездить в Мангазейское море; в том же году соответствующий царский указ был прислан из Москвы в угро-вольской ошалье тем людям, которые задумают вперед ходить в Сибирь морскими путями. Указ этот, однако, вызвал обратное противодействие со стороны поморского населения. Торговцы и промышленные люди всех городов, которые ходят для торговли своих и промыслов в Мангазейское, подали мангазейским воеводам челобитную с ходатайством, чтоб государь пожаловал, велел им из Мангазск к Ручей и в Минусинск а Ручей ходить поволаки большим морем... по привычке, чтоб им вперед без промыслов не быть, а... (государьской) волюшкой назиде в их безострашие и беспромыслу... убытку не было! Доводы торговых людей о том, что запрещение морского пути отразится на значительных доходах, оказались убедительными, тем более, что в Москве, при skutных географических показаниях того времени, с трудом разбирались в вопросе, помянутом кн. Куракиным, в 1618 году первоначальный указ был отменен, и было разрешено ходить в Сибирь большим морем, «как вперед того ходили». Но при этом правительство в сущности перешло от положительного разрешения вопроса на отрицательное административное: «и во всем им в том морском мангазейском ходу поволаки то дело на тебе, боярин нашего кн. Ивана Семенивича, писали из Москвы Куракину, «и ты бы велеле наши дела делал в Сибирь, смотря по тамошнему делу, как бы нашему делу было приближито и поруки никакой в наших делах не было. И. С. Куракин и воспользовался предоставленным им полномочием и в 1619 году своею властью запретил ездить из Сибиря и Ручей и обратно морем, о чем уведомил поморские города. В следующем году это разрешение было официально утверждено правительством, и из Москвы последовал «казак приписки». В 1620 г., таким образом, запрещенное было окончательно ездить старшим дорожком, большим морем; жестокие наказания грозило осужденным: «та люди за то их воровство и намену быть казнеными алим смертныи, и дома их велик разорити до основанья!»¹⁾

Следя принятое решение приводилось в жизнь непреклонно «та дорога, по государеву Указу, от дальних лет в крепкой заповеди с суровою называе наместик, чтоб никакой человек тем заповедным путем до большого моря-океана в Мангазейское море, ни из Мангазейского моря в большой океан шито не

ходила»²⁾. Из Москвы было предписано возставить на волюке между Мутной и Зеленой речкой «для береженья проходу ивнчких и торговых людей» острожек, куда поселят из Березова ежегодно служилых людей, которые должны были там оставаться в течение всего навигационного периода. Исполнение этого указа встречало на практике с непроходимыми препятствиями, так как «для великого дальнего расстояния и суровости морских служилые люди не только не могли постоять острог, но нередко не могли даже дойти до волюки. Московское правительство не переставало, однако, из года в год поселять о тех указах в Тобольске с трибуналом предика служилых людей «во время, не наступят моры, а тобысказал адмиралстраниа безакосности чинила наказания служилым людям, не сумевшим исполнить поручения?»³⁾

Так морской путь был закрыт для предприимчивых поморских мореходов, но заметь об «заповедной», «морской» дороге «окивнкою проливом» долго жила среди «подомых» морских ходовых Поморья, покрывавшей налетом легенды, и даже еще ходила среди них толка о том, что «обыким путем в большой море и большим морем в Ливну и в мешин пройти можно»⁴⁾. Предания в этой дошли до XVIII века, когда в 1753 г. П. И. Шувалов, суровоюкляя, что «в прошлых годах» морем сромывавшим хандалов не малое число, отчего сромывавшим народ весьма пользоваться, и выхлопотал себе на этом основании разрешение образовать компанию для исследования «окивнннх» промыслов по берегам Ледяного океана до реки Таза г). Но только во второй половине XIX и в начале XX века, благодаря, главным образом, экспедициям Нордштринда (1875—1876, 1879) и Ванюгина (1893—1896 и 1913 г.) и усилиям русских предпринимателей Сидорова и Сибирякова, окончательно выяснилась возможность пользоваться старой морской дорогой для сношений с северными побережьями Сибиря.

¹⁾ Рун. д. ст. а. 1620, № 72, ст. 76—80.

²⁾ Сб. Писем, т. 56, № 10, ст. 1—8, 20, № 25, ст. 156, 245, № 60, а. 309. Р. И. В. И., № 264 (XIV), VII, № 31 (XV).

³⁾ Рун. дела от. мн. 1620, № 78, ст. 76—80. В 1620 г. морским путем мангазейского мангазейского воеводы Г. И. Козлова. Без дела шло от вранья обманчивое в попутном приходе «казалец», куда из большого моря на Мангазейск от шло «капустное дорожком... и в переоблаки на пруду озера Мангазейского моря, около Зеленой реки был, и не проходил еще облаком. ИИ те, государь, шито, шлоа доносили шри в гетеруру, «та от, Гетеруры, по своему воровскому умудру придале и Мангазейскому морю и в Ливной губе, с большой ослепкой придале, но не проходил его мале больше, и не покудаю омае государьской вретине платити, покудаю ст... что в тоюк безмерной вранной лудчи на указ своей моремной дороге... и те, гетеруры, не шлоа не и мн, государь, пошея! И шито, государь, от, Гетеруры, указом моремнн, шито, те, капустино дорожком придале, и вретине тем путем шитиавших людей а шито! государьскому здравосуду ивнчким дорожком Мангазейскому морю и в Ливной губе шлоа шито!»

⁴⁾ П. С. Зап., XIII, № 10005.

Путь по Печоре и ее притокам и по верховьям Оби, главным образом, промышленные нужды населения русского Поморья. Для истории западной Сибири более важное значение имеет другой путь — рекою Камой и ее восточными притоками.

Камья Камского пути термится в глубокой древности. Этот путь еще в VI в. по Р. Хр. доставлялся из Азии по серебряным соудам, характерным для эпохи Сасанидов, которые до сих пор попадаются на берегах реки, принадлежащих к бассейну Камы. Долгое время, однако, этот путь был закрыт для русских, которые при продвижении своем в среднее Поволжье пошли вверх, вниз устья Камы, могущественное государство тюрков-булгар, захвативших в свои руки торговые пути в страну Иранов, т.-е. в Сибирь. Булгарские купцы ходили за Урал за пушными, и арабские писатели сохранили любопытные подробности о немой торговле, производившейся в Сибирикии широкими, которых они, подобно русским, называли именем Югги («Юга»).

Начиная с XII века, сузались все большие князья тщетно боролась за обладание Камским путем и предпринимали ряд более или менее удачных походов на Каму. Булгарское царство оказалось достаточно сильным, чтобы выдержать натиски; по временам булгары даже сами проваливали некоторые агрессивные намерения, стремясь распространить свою власть на Урал, служивший камнем и перегородкой торговым путям на север. Когда в середине XIII в. Булгарское царство пало под ударами татарских завоевателей, за его развалинами образовалась степная князьство, потом княжество Казанское, в руках которого сосредоточивалась подступы к Зауральскому пути. Между Казанью и Сибирью устанавливаются оживленные торговые и политические сношения, свидетельством чему служат названия одних из дорог в Камья «Тюменскими и братские союзы между царствующими динами казанских и сибирских ханов». Впоследствии русские называли «старой казанской дорогой» путь Камой на Убу и ещею степью на Верхнюю Исетку; это был, вероятно, самый древний караванный путь из Бухары в Булгар, о котором говорит еще арабские писатели. Наряду с караванной дорогой через туфские степи, казанские татары пользовались, помимоному, и речными путями по Чусовой и Сызге.

Только после завоевания Казанского царства русские стали твердой ногой на Каме и на ее притоках.

Возможно путью вело с Камы за Урал. В XV и XVI веках наиболее известен был путь «от Соля Каминной мимо Чердынск владениям Вяткером (притоком Камы, на котором стоит

Чердынск) вверх, до устья Каминь в Лозную реку, да Лозною вверх в Танду реку, да Тандую рекою вверх до Тобола река и далее по Иртышу и по Оби.

Путь Камой через Чердынск имел то преимущество, что он был тесно связан с Вяткером и с Печорою. С Давыдовом он соединился двумя артелями: либо непосредственно от Соля Вяткерской р. Валедью и «Вяткерским волоком» на Сисоуду, из Сисоуды Ужкою и волоком на Каму и Гаймань и в Вяткеру и Чердынск; либо с перевозом Вяткером рекою Немом и волоком на Вяткеру, приток Колмы, впадающей в Вяткеру близ Чердыни. На Печору путь шел из Вяткеры в Колму до Вяткеры, выходящей из Чусовского озера, в Чусовское озеро впадает р. Березка и приток Волгузкою, которая подходит очень близко к верховьям р. Волоснянки, притока Печоры.

Путь Камой в Вяткером мимо Чердыни сделался доступен русским после покорения Пермь в 1479 году. Уже в 1485 г. этот путь ходили воеводы бывшего князя из Фед. Курбский и др. На Солтудом походом против владетельных воеводчей, живших на Танду за Уралом. После боя сего усть-речи Пельма (Пельма — приток Танды) они «пошли вверх по Танду реку мимо (т.-е. оставили в стороне) Тюмень в Сибирскую землю... а от Сибири шли по Иртышу реку вверх, южнее, и князей городов воеводы». Таким же путем провозились с своей стороны, владетельные воеводы свое опустошительные шайбы на Пермь в XVI в. Путь на Сибирь «по Танду вверх и через Каминь вогуличами был воеводой и «вожак» Крамак».

После покорения Сибирского царства, Московское правительство потруенилось акрестить за собою чердынский путь построкой около 1500 г. городка на р. Лозной. Дорога через Чердынск и степной город Лозную и была первое время единственной дорогой, по которой шли все сообщения Москвою с вновь завоеванным краем. Этой дорогой ходили государства Девонская и сохранила князя и добрые земли и торговые люди, перемени и иных городов. Чердынск сделался центром, откуда производилось завоевание зауральских земель, построкой конных горо-

¹⁾ Платонов, О двух границах 1611 года (Страна по русской истории, изд. 1-е, стр. 296—300). Пись. 2, стр. 107, 1620, 29 4.

²⁾ См. описание пути в Исетку Камы (Путь из Москвы, Сибирь, Исетку, их officia Исетинские, 1630, стр. 37) и в 4-модельном галереи из Оби, Московского и влад-р-Дунде (Histoire des routes de Moscou par E. Mouson de Harbin, Bruxelles, 1866, I, стр. 274 след).

³⁾ В. Гурьевский, Пролог казанской пути в до-Петровский Русь (изд. Укр. журн. наук, Петерб. и Моск. журн., вып. XVI, стр. 180—191. А. М. Д. Стрел. журн. 1882, № 2, т. 5, к. 5.

⁴⁾ Архивное дело, архивное, изд. 1730, стр. 160—161.

⁵⁾ См. архивное, стр. 320.

⁶⁾ См. Пись., из. № 2, т. 151. М. влад-р, Сибирь, Сиб. архив, стр. 222.

⁷⁾ Платонов, Об историческом походе Фед. Юрия, стр. 227, Лейбурт, О географии, завоеваниях и походах Игоревых князей, в Московские дела, 1819, стр. 38—41.

дов (Илар, Пельма, Перевоз, Верхотурья), снабжили их всем необходимым и дожи сбор плена¹⁾.

Значение чердынского пути утратилось с открытием Артемия Хабаровым в 1697 году более короткого пути непосредственно от Соли Камской на верховья Туры. С южной Верхотурья официальный тракт пошел через этот город, и в 1698 г. Лозьинский городок был сжат. Тем не менее промышлявшие в торговле люди, особенно купцы, не сразу пришли к новому направлению дороги на Верхотурье и продолжали некоторое время ходить «старую дорожку на Лозьву»²⁾.

Другой путь с Казни на Урал шел по впадине Чусовой до устья впадающей в нее реки Серебрянки, по Серебрянке до Татянского восточа, волоком в 26 «шири» на р. Жервалю, из р. Жервалю в Барангу, из Барангу в Татил и на Татил в Туру³⁾. Имелся, кажется, и другой вариант того же пути по впадине Чусовой Сидве⁴⁾.

Путем в Сибирь по Чусовой, повидному, пользовались уже владетельские татары для сношений с Тюменью⁵⁾. Врем же путей в течение всего XVI века прощались кауральскими инородцами казеты на потраченные русские облаги.

В 1573 г. из Сибирской земли, с Тобола, на Чусовую приходил ратьво царевич Махмет-Кул «дорогу торговлю проведати» в Пермь, а в 1590 г. разорил русские поселения на этих реках казанский мурза Бекбелай Атаев. В результате таких набегов сибирским ханам удалось одню время подчинить своему влиянию останки, живших по Чусовой. С другой стороны, есть признаки, показывающие что со стороны Казани по Чусовой и ее притокам шла татарская колонизация. В 20-х годах XVII века татарские «мочиганы» встречаются у впадения Чусовой в Каму (муслиманские татары в Верхних и Нижних Муллах) и по Сылве и ее притокам Тауу, Бабе, Шивне и Юрманы⁶⁾.

¹⁾ Р. И. В. II, №№ 63 (II), 66, 69. Сиб. лет., стр. 45.

²⁾ Сиб. Пров., III, № 2, п. 161.

³⁾ Сиб. летопись, стр. 11, 16, 236, 314. Катта В. Черны, стр. 146. Ветерина, VIII, том 1, стр. 199—200.

⁴⁾ Археологический летопись, стр. 177—178. Джигурев, Восточная Сибирь, I, стр. 192.

⁵⁾ Она видно из того, что Татянский восток задолго до завоевания Сибири русскими вошел владения Тюменского (из Перевоза Урала, примерно 1552 г., издан. Дюрошески в I т. Первой Сибирки), и что в 1573 г. посыл Казни IV «белого плена» в Сибирь по Чусовой через Казань. Сила Чусовинского пути с Южью сохранялась в течение всего XVII в.

⁶⁾ Восточная Сибирь, IV, стр. 79. Шенников, Восточная Сибирь, II, стр. 135—136. См. также о татарских восточных и южно-кавказских в IV т. Первой Сибирки. Ср. А. М. Н. Д. Сибирь, дека, 1576—1580.

Русские завоевали путь по Чусовой после завоевания Казани, но еще раньше они пользовались им для торговых сношений с сибирскими инородцами. Уже в первой половине XVI в. купцы посылали «к волоку Тюменскому и в восточные и в Сылву своих людей с порохом со ртутью топиром торговать», и в этой торговле принимал участие через своих людей сын заместителя пермский¹⁾. С падением Казани эти торговые сношения должны были получить дальнейшее развитие, и чердынские стражи действительно стали ездить по Каме и по Чусовой, закупя себе оставшиеся купцы²⁾. Достаточно упомянуть, что в 1572 г. около Строгановских городков инородцы побили 87 человек русских торговых людей³⁾.

Путем через Казань по Чусовой пользовались и правительственные люди. Грозное для сношений с Зураулом: князь Строгановских городков, как видно из жалованных грамот, ездили прежде послан с Москвы в Сибирь и из Сибири в Москву⁴⁾. Так шел, например, из Сибири Третьяк Чебуков в 1573 году, когда был захвачен и убит Махмет-Кулом.

Завоевание Казани открыло русской колонизации доступ на впадину Камы, на места плодородные. Сюда хлынула волна поселенцев. Казань пала в 1552 году, а уже в 1556 году сольвосточные промышленники Строгановы ходатайствовали о разрешении обосноваться на новых землях пустых, где и в время глухиха снега широкие, речки и озера хлеще, острова и плавучие плесы. Энергичные предприимчивцы, они еще в начале XVI в. от Соли Камской распространили свое хозяйственное дело в Камское Устье, где земля больше солиных промыслов⁵⁾. Тезерь, в ринских соляного промысла, они, начиная с 1568 г., постепенно сужаются от Соли-Камской вниз по Каме, скоро утратившись в нескольких десятилетиях земли к юго-востоку от Соли-Камской, между устьями Лыжи и Чусовой, и отсюда в ближайшее десятилетие последовательно захватывают речные пути дальше на Сибирь—Сылву и Чусовую, а в 1574 г. уже хоронится обеспечить себе и дальнейшее обладание этого пути и обосноваться на Сибирской стороне, за Югорским

¹⁾ Первая Сибирь, I, стр. 30.

²⁾ См. Илья Третьяк, князь Строгановский в Туруханск. Рус. Яз. Ист. IX (сер. 63) и архив. О соляных в Продах Восточной Арх. Ком. 1891, III, I—II (стр. 58).

³⁾ Д. А. М., I, № 129. Ср. Илья Третьяк в Туруханск. Рус. Яз. Ист. IX, I—II, стр. 58; там же упоминается сведения о присутствии тогда восточной части русских людей восточной—Амур Давидов сына Меньшого с товарищи.

⁴⁾ Д. А. М., I, №№ 117, 119.

⁵⁾ Дальнее дело о землеустройстве Строгановых в Устьевском уезде в начале XVI в. упоминает в Строгановской земле, принадлежащей в Устьевском уезде (Восточная Сибирь, III, 1819). Хозяйственное дело «земель сторонеры Строгановы восточной части Д. А. М. в том деле и о р. г. Амур Стр. 1819 в связи Соловьевым жиделью» (Сб. статей по русской истории, вып. С. Ф. Никольскому, Вып. 322 г.)

камнем, да Татары и на Тобою реку и на Иртыше и на Оби и на иных реках». Последнее, когда само правительство вдало в свои руки знаменитое Строгановым Сибирское царство и положило, таким образом, предел их авантюризмам на Востоке, они распространили свои владения на юг, вниз по Камо, до Очеры (при царе Федоре) и по Обану (при Михаиле Федоровиче)¹⁾.

Московское правительство, предоставив Строгановым «места пустыи», даровало им вместе с тем обширные льготы и привилегии, чтобы облегчить хозяйственную эксплуатацию пожалованных им земель. Эти льготы проже «называли» в свои поместья вотячских холопейств. «Из числа людей «помещенных и вотячских», которые из восточных стран (от 16 до 20 лет) освобождались от всяких податей и повинностей в пользу владык. По истечении срока, Строгановы получали право самим собирать и продавать своих вотячи следующие с них подати и возить их в Москву. Суд также передавался в руки вотячинских, и первым воеводам и их тиунам запрещалась судить Строгановских людей, и их доведшихся и прачетчим—взыскать и выки, делать пл на поруги и высилать их по что-либо. Наконец, в Строгановских вотячских устанавливался свободный торг: «которые люди кто продует, и с деньгами или с товаром, сечи или рыбы купити, или иного товару, и тем людям вольно туто товару своию продавать и у них покупать безо всяких пошлин».

Таким образом, на путях в Сибирь образовалась по второй половине XVI века обширная частновладельческая вотячия, почти независимая от власти местных воевод, малейшее погрешающее государство, владыками которого сосредоточивали в своих руках и экономические, и политические права над занятой ими территорией. Правительство, не будучи в состоянии своими силами колонизовать далекую окраину, отказывало поддержку частной предприимчивости.

Сосредоточив в своих руках громадные заифундции на Камо, Строгановы развили вынужденную колонизационную деятельность на пожалованных им землях. Они имели в виду, во их собственных словах, «завлаживать на то место пашенных гулящих людей и добры строить и пашня распахивати и лозки расчищати и в речки и в озерах рыба ловити и, где будет выйдет солиной про-

соль, и в тех местах... варницы ставить и соль варить и трубы солиные, и владыки делать, и дрона сечь:х солиному варению».

Варны Камо в XVI в. представляли собой «леда динше и «заросли» («быху-же ту древоа велики и многоветвиши»), среди которых были разбросаны редкие «стуги» татар, ногуичей и острогов. Поселенцы стали «труды к трудом прилагати, лес сечи, саживаи ради каебного» и «людоже... огнем покарата», «шлюже обретаи», и в сравнительно быстрое время «место пустышко» начало заселяться русским элементом²⁾.

Итоги колонизационной деятельности Строгановых могут быть подсчитаны по официальным данным конца XVI и первой половины XVII века. В 1579 году, т.е. приблизительно через 20 лет после первого пожалования мы находим во владениях Строгановых 1 городок, 30 деревень и починок с 303 дворами и 1 монастырем, или основанный. Приблизительно через полвека, в 1623/4 году в них числилось 3 городка, 3 острожка, 2 слободы, 2 монастыря, 2 велики, 118 деревень и починок с 13 церквями, 933 дворами, 11 мельницами и с населением в 1354 чел. Фактически население было еще многочисленнее, так как в типичной канте деревень были только крестьяне; между тем, как, ввиду с крепостными, в вотячских Строгановых жили значительный контингент «сказанных служилых людей», «вильных должных» и «окопных». Одновременно развивалась и колонизационная деятельность основанной Строгановыми Пыльгорского монастыря в «поджопастыроной слободке» жили «детскими и крестьяне и бобыли» и был устроен «древичь монастырь», а на землях, принадлежавших владельцам монастыря, распущены монастырские деревни и починок. Еще позднее, в 1647 г. в состав Строгановских владений входили уже 3 городка, 4 острожка, 1 слобода, 6 сел, 241 деревня и починок, в них 1844 двора с населением в 8761 человек³⁾.

На-ряду с развитием хлебопашества—развивались охотные промыслы. Уже в 1579 г. под Орлом городком мы находим 7 варниц солиных «со преныи в варниц в варниц без пренов»⁴⁾.

¹⁾ Житие Уфюфа (Труды Пермск. Арх. Ком. IX, стр. 63; Тр. Восточн. Арх. Ком. 1922, I—II, стр. 485).

²⁾ Писарки Петра Яковлева 1579 г. не сохранились, отсюда заимствованы данные в «Историческом описании Пермских Стран», IV, 84. Последнее имеет Казанскую 1629/30—1629 г. г. записку Дмитрия Яковлева в IV т. Издания Старица (стр. 110—124). Перенесено, погла Елизаветы 1647 г. г. г. в Труды Пермской Арх. Ком. вып. II (издана стр. 146). О имении владения Пыльгорск. монастыря см. А. М. Н. Д. Строганов, дека 1623, № 4; с «Сказанием Яковлева» см. стр. XXIV, № 6.

³⁾ А. М. Н. Д. Строганов, дека 1579—1641, т. 3. О «Сказании» строгановых в 1644 г., см. у С. В. Восточников, Семь оборотов восточных дел, стр. 103, № 31.

⁴⁾ Жит. грам. 1558 г. на имя Грив. Анатольевич Строганов, князь у Икх-перя. (Изв. Сиб. царств, стр. 76—80). Деревня Дмитрия Яковлева и «Сиротск Старица», изд. IV, 84-стр. 1028 г. на имя Ивана Анатольевич Строганов у Милославск (стр. 89—84) и в Д. А. И. Т. № 117. Жит. грам. 1574 г. на имя Иохан у Малюра (стр. 57—90). Эти грамоты приписаны к в Строну. исток. Жит. грам. царя Федора да имя Николая Грив. Строганова известна из исторической грамоты царя Михаила от 15 сент. 1614 г. (А. М. Н. Д. Строгановские дела 1570—1641, т. 1—12, в 1614 г.). Жит. грам. 1583 года (1614—1615) на имя Алексея и Ивана Строгановых—Стрелка. дека 1615—1641 г., т. 2.

В 1629 г. Строгановым принадлежали 34 варты, а в 1647—31 г. На последние места принадлежали хозяйства Строгановых и другие промыслы: рыбные ловли и бобровые топи и всякая звериная ловля. Они эксплуатировали «в Каме и в иных реках, и в озерах, и в потоках... пеньковые и охотные, и перенятные, и продолженные, и переводные, и беронные всякие рыболовные угодья. Своих людей они поселяли в слободы и бобров и всякого зверя ловить». Мехи приобретались и путем женов от инородцев, которые съезжались в Строгановские городки даже из-за Урала. С своей стороны и Строгановы поощляли своих людей на Урал для покупки пушнина³⁾.

Помимо большого колонизационного значения деятельности Строгановых на дальнейший процесс, их вотчины имели также крупное стратегическое значение.

Расширяя леса и привлекая людей на новые места, Строгановы должны были принимать меры к защите поселенцев от туземцев. Их владения непосредственно граничили на Сысьве и ее притоках с сопотными улусами и «вртанами» обосновавшихся здесь же татар; в других местах они входили в общинное владение и погудулами и черемшай. Необходимо были враждебные столкновения между вчерашними хозяевами и новопоселенцами, которые своими шапками и почками вторгались в бобровые леса и в звериные ловли, принадлежавшие туземцам, осыски великими вельямиством стовали из око старых их неких летних вотчин и разорили их ситцевые мохобиты: «и деревни до свои и жилища на тех их вотчинах (Строгановы) устроили, и мовчане их уехали и бобровые топи и рыбные ловли, с чего-де они лека платили, ноо воотинили⁴⁾».

С своей стороны, Строгановы жаловались на обиды от туземцев. «А те-де слободки стоят на укрании, а погудулам жмуту близи их слободы, говорят с их олам в одной из царских грамот как Пермь, «а жлого даше, людья и крестьянам на островах выходит не дадут, и шапке шапкин, и дров сохи не дадут-око. И, приехали ден, и повеление людья, укредом, лошади и породам оташивают и людей побивают, и жромали ден у них в слободках отпали, и соли варить не дадут⁵⁾. Чусовские погудулы

³⁾ Любопытные данные о военных предвзвещениях Строгановых см. — А. М. Н. Д. Строган. Дела 1698 г. На них видно, что население села, принадлежавшее к чусовским вартам в 30-е годы XVII в., было около 30 000 чел. Выгодам изобретения к Жития Уралою (второ в даше, восточная часть).

⁴⁾ А. М. Н. Д. III, № 112. Д. А. Н., IV, № 66. «Description régionale Sibérienne» Павла Малея (изд. 1864-го года, т. I, стр. 163).

⁵⁾ Об вчерашних и их отозванных и Строгановых, см. А. М. Н. Д. Строган. дела 1675—1681, за. 23—25; Жития Кайсарова (Пермск. Стрелков, IV), А. А. 2, III, № 118; А. М. Н., № 118; Жития Уралою (Гр. Пермск. Арх. Ком., IX, стр. 64; Гр. Восток. Арх. Ком. 1912, I—II, стр. 37).

⁶⁾ А. М. Н. Д. Строган. дела, загл. XXIV, № 6. Д. А. Н., I, № 134. Ср. Стр. Стр. стр., стр. 9, 12.

то и дело производили воева на Строгановские слободы, во время которых выжидали слободки и деревни и хлеб везший, а крестьян с жанами и с детьми в полове жали, разорили варты и жилища.

Опасность от окрестных инородцев сделалась особенно чувствительна, когда в своем продвижении на восток Строгановы столкнулись с шедшим им навстречу аналогичным выступлением со стороны сибирских татар. Пришла такая наступления можно законтить еще в начале XVI века, когда тюменские татары под предводительством царевича Кудука-Садгана, сына Ибана, завоевали всю нижнюю Каму, разорили Уголею на Каме, рутаном вывели и жереблы⁶⁾. Но особенно определено выступает агрессивная полчища сибирских ханов-при Кучума, который, утвердившись на престоле Тайбуга, проявляет явное стремление распространить свою власть за Урал. В 1584 году Грнт. Строганов пишет, что «слух его дошел... жалуются ден вобровый салтая и шибаны идти в Пермь вобной⁷⁾. Под влиянием Кучума много место в 1572 году черемшеский бунт; в следующем году Махмет-Куд, «собранный с ратью», погромил русских дашинко-останко, живших на Чусовой, прободал кроити за Пермь и не дошла до Строгановских слободок всего 5 верст. Через несколько лет «бесновство, урядом вышло на Строгановские владения дурно Вендешей Атанов, «с погудулами в остатках собранных, «и ту окрест живущих сел и деревни поожалиши и погрома и в поле... многих поожалиши. Наконен, этих же путей, Чусовую и Сысьвою, вострашало в 1581 г. в Сибирь из-под Устьица Камского погудулкай немешский князь после отогонительного повета на Кай-город и на Черыши, предпринятого не без участия со стороны Кучума; при этом слыть вострадали вотчины Строгановых, «и их ден слободки на Сысьве, деревни все выжили и людей и крестьян поожали, мех и детей в полове поожали, и лошади и жалотпу отогнали; много людей-на их слободки, из острогов, на охоты» бежали тогда в Пермь⁸⁾.

Постоянное состояние внутренней войны заставило принимать меры предосторожности. Поэтому для защиты своих восточных Строгановых начинают воздвигать укрепленные острожки. Уже в 1588 г. Гр. Строганову разрешено было поощрять городки Кайгород на Камской реке в 15 верстах от Устьица Камского,⁹⁾ где бы место было крепко и усторожно, и из го-

⁶⁾ Архивские дел., стр. 134.

⁷⁾ Д. А. Н., I, № 112.

⁸⁾ А. М. Н. Д. Строган. дела, загл. XXIV, № 6 и Д. А. Н., I, № 136, № 196 (Р. Стр. стр., стр. 12).

⁹⁾ По разрешению Павла Васильевича верховца (Гр. Стрелков, 1846 г., стр. 144); надо иметь в виду, что в верстах в XVI—XVII вв. считались 1000 шагов.

роде пушки и штыки уснасти и, пушкарей и штыковых, и веретеников... устроити собою для березины от погребских людей и от иных орд; в 1564 г. он выхлопотывает разрешение в 15 верстах выше Канкора поставить на Орлеис холмике другой городок — Кергодан или Ореа, для защиты зюбе лавочных солдатных вярниц: стены оцены по 90, а в приотупную сторону для зюби и в зюбикам бляне в глины моего камешки шпалота, а шпалотники и сторожи для березины... оценом-ки дерзата, и парад скорострельный в тех городках устроити ему оценом-ко. Оценомди в это же преданительное время был выстроен в третий городок Явненский на устье реки Усолья, впадающей в Ишту, приток Чусовой. В 1668 г. Яков Строганов получил также же разрешение у нового великого государя вверх по Чусовой крепости поделати и городок поставити и содержать в нем гарнизон и артиллерию. Так возник Нижне-Чусовский городок, а позднее с открытием росолов в верховьях Чусовой, — Верхне-Чусовский городок¹⁾. Уже в царствование Ивана Грозного был основан укрепленный городок и на Сызве, а при царе Федоре в 1597 г. Очерский острожок, должностоватый охранять рыбные ловли на Озере.

Эти городки представляли собою в сущности укрепленные усадьбы помещиков. За их деревянными рублеными стенами, защищенными глухими башнями, возмещали свои верки, обитые железом, храни и колокольницы, и были располочены городки владельцов с хозяйственными службами, поварнями, погребами, амбарами, банями и протекими хлевцами. На случай нападения, городки были снабжены достаточным количеством артиллерии, — пушек и пищалей, огнестрельного оружия (самозаряд и ручных пищалей), думес и стрел, пороком, свинцом и камешными ядрами. Службу для пороха Сероганов шпаловали сами²⁾.

Для защиты своих городков Строгановы получали право набирать оценок людей — шпалов и стрелков (грамота 1572 и 1574 г.), на оцета сторожей, шпалотников и веретеников. В 1561 г. они оцети ходатайствовали о разрешении «прислать оценок людей казачок и теми казачи в оценок людям не возмучат обречено». «И как и нам ся шпала грамота придет, послаи по этому поводу из Москвы в Пермь, сз которых будет оцотие люди похотат личи в Очкешских слободах в Чусовой и в Сызлу и в Ишту на их пом, и те-б люди в Очкешских слободах шпал и с ними против чусовских

погулт стояли, острогон и деревень и поценом от их войем оберегалю»³⁾.

Строгановские городки, возмещие по хозяйственным соображениям на оценок землях, — на тобою владомению на границах русской воевешности, сделались не только форпостами русской колонизации на востоке, но и крупнейшей военной защитой восточной окраины. Канкор, Кергодан и Явненский острожки охраняли подступы к югу на Усолье Кашнею, образуя заставы на речном пути из Сибири на Каму. У построенном Кергодане-Орле в 1564 г., военное значение Канкора утрачилось, и уже в 1570 г. он был подарен Строгановым основанному или Пересовскому монастырю⁴⁾. Чусовские городки перемещались тот же путь дальше к югу, а Сызвенский острожок представлял оцны на оценоктах Сибирского пути, который впротд возмещался впротдние — р. Сызлу.

Укрепленные усадьбы Строгановых были той защитой людей, которую развивались впротд бурзальскими впротдние. За деревянными стенами построенных этих городков их помещики выжили «стоюки против безбожных татар брешение и единоволично с жидущими ту людьми в городках и бажуся с безбожскими поклокотою и на вверных поощрхуса». В 1578 г. впротдние «в городках люди ратали оцок», отбегули оценоктер царик Махмет-Кул; в 1581 г., во время набега польских воступилей, «проблалит бог не повусти оценокных», и они были с уроном отбети из-оцт городков⁵⁾.

Практически, разрешая Строгановым впротд остроги, выводить артиллерию, впротд «вечу», держать военные оцны, так и гаджело на их впротдние, как на средство защиты восточных границ. На Строгановых официально возлагался оценоктер «впротдних мест оберегалю, и в 1582 г. они впротдние, оцны получали царский шпаловор на то, что «Перши впротд в воевоцны». «И токою бы вы нам слушали, говорилось в оценоктер грамоте. «и ш-б... послал их (казачок) в оценок людей впротд земли верхние оберегалю»⁶⁾. На Строгановых смотрели, таким образом, как на организаторов военной защиты Пермской окраины. Сам Григорий Строганов так определял задачи возмещаемого им городка: «сз как дон от городок поставити на берегу в впротд скорострельный утротит на оценок городках, и в Пермь дон впротдние люди воевоцны пробити будет польза»⁷⁾.

Служил оборонительной линией для Перми со стороны Урала, Строгановские городки являлись и опорными пунктами для

¹⁾ А. М. И. Д. Строган. *Земл. вост. XXIV*, № 2.

²⁾ Пермск. Очерки I, стр. 191—197.

³⁾ *Сиб. вост.*, стр. 6, 9—10.

⁴⁾ Д. А. И. Г. М. 128. Ср. *запис. грамоты 1572 г.* с разрешением

о впротд впротд впротдние (шпал по № 123).

⁵⁾ Там же, № 117.

Видеком. *Ист. восток. Сибир.*

⁶⁾ В 1565 году.

⁷⁾ *Запис. Е. восток.*, стр. 240. Д. А. И. IV, № 50. А. А. Д. 128 254. Видеком. *запис. Новгородца 121—122 гг.* в IV вост. Пересов. старин. Об организации в Канкоре сн. восточную воевоц Строгановых, Пересовского монастыря и 1 вост. Пермск. старин.

дальнейших захватов новых территорий. Эти захваты производились отчасти экономическими путями. Жалованные грамоты Павла Грозного открыли Строгановцам доступ в «остяцкие и татарские угодья и зверские домы на р. Сылву; их люди промышляют в потных чусовских вогулчей «украдом соборей и курни, и бобрин, и великого зверя, и рыбы ловить». Постепенно все далее на восток отменяются «остяцкие улусы», нольбища тутешние подвергнутся разорению, их земли обсаживаются пришедшими с верной четверти XVII в. описывается, что татары, живущие на Юрмале, сидят на «Строгановских землях». В XVII в. официальные документы отмечают полную задолженность чусовских вогулчей, «что к ним приходит на Строгановских воевич»¹⁾.

На-ряду с экономическим захватом угодий и земель — что организационное военное наступление на восток. Уже в 1574 г. Строгановы просили о разрешении «посылать боеспособные за сибирскими людьми «в обиды им свои места», и получали грамоту, предоставлявшую им право «на Тихою и на Тоболу реки крепости им подолати и снарек огневных, и пушкарей, и пищальников, и сторожей от сибирских и от потайских людей дерзавти», «а на сибарского Ялову и Григорья, сбирая охочих людей в оглянь, и вогулчи, и юргич, и самовод, с сиванн наемных иванов и с варданом своим посылати военати и в полки сибирцов ивати, и в дань за нас праводити»²⁾. Повидимому, в связи с этим выказывались на «сиетие места» Каменем, являлся посалка Строгановыми в конце 70-х годов служившего у них интенданда Олвера Вронаса в Сибирь для обследования путей³⁾.

В 1582 г., ознаменовавшегося истребительными набегами вогулчей на Чусовую и на Пермь, Строгановы опять ходатайствуют о разрешении «на тех вогулчи, которые поредали, свободы их и держки военати, приходиши к нам ними промышляти, на что последовало царское дозволение: «а которые вогулчи на их остроги войною приходят и задоры чинят, и на тех было вогулчи приходили и над ними промышляли, смотри по тамошнему делу, чтоб от вогулчи от войны уберечься и над ними посылати и войною им доидати»⁴⁾. Наемные казаки, если верить позднейшим известиям, действительно «по за-Каменем вогулчи военали... а хлебом кормились от Мансиа Строганова»⁵⁾. Эти казачьи завершили походом Ермака за Урал.

¹⁾ Письм. кн. изд. Исаевова в IV вып. Письма к Стрелки (стр. 134, 135). А. И. III № 113. Сиб. архив, от. № 208, в. 95 об. А. М. И. Д. Строгановы 1575—1611, т. 1, стр. 25—26.
²⁾ Д. А. И. VI № 329.
³⁾ В к. 1 и у 1 (Восточный Либруу), т. 364, Сб. Рус. Ист. Общ. т. III, стр. XXX—XII.
⁴⁾ А. М. И. Д. Строгановские дела, XXIV, № 3.
⁵⁾ Сиб. архив, стр. 313.

Известиями, во главе которой Ермак пошел на завоевание Сибири, были в сущности промышленным предпринятием, организованным Строгановыми в своих личных интересах: «Честные люди», отпуская своих «наемных» казаков, брали на себя все расходы по снаряжению экспедиции и окупают ретных людей «разными ягодами и запасом», удовлетворяя их ягодами и одешими разными украшениями, оружием конским и запасом житни... а зимой, худших тех сибирской кути, и тошнотой бусурманского языка их тощ»¹⁾. Градирей Строганов, по позднейшему официальному признанию, «волею помочь чинил, деньги и платье, и порох, и сыпан, и зимой и равнскому делу: запас являл из своих пожитков, и зимой с ними под сибирские горы посылал своих дворовых людей»²⁾. Это снаряжение, «запас», давало как-бы «выкуп», «как проем». Есть известие, что заем должен был быть обеспечен казачьем, «на нем те вранцы по паше казати, и што одохт тобою или с ляхово»³⁾. Иначе говоря, Строгановы доставляли то, что на старинном промышленном языке называлось «притомко», т. е. продовольствие, оружие, одеяла, сыпан, все оборудование, как делал предприниматель в XVII в., снаряжавшие на промыслах в Сибирь «казаки своих «наемных» покружников»⁴⁾. Вполне понятно, повидимому, объяснялись поделитель добычей: «аще бог упрятит путь нок в добыче и здором иванн бити, иплати и награди по вообрещени нашем»⁵⁾. Договор, может быть, был сиренет «крестьян цетовальном», и казачьи честных людей перед богом обета и лавно свое дань»⁶⁾. Успех предприятия должен был с ляхово покрыть расходы, и задором при первых известиях о победах казаков: Наемн Строганов, по словам Кунгурской летописи, «о том веселился, не жуе туше запас и ружье и подлог дал и отпусе»⁷⁾. Как на частное предприятие, являвшееся делом обогатления самих Строгановых и в лучшем случае расширени их честных владений, смотрело на экспедицию, снаряженную ими, и московское правительство, как видно из описанной грамоты 1582 г.

Одним из главных казачьям удержали Сибирь Строгановым оставалось не под силу, и им пришлось обратиться к московскому государю за помощью. Тем не менее, выкуп дозволял

¹⁾ Сиб. архив, стр. 11, 50, 54, 317. (Письма казачьи—там же, стр. 1, 10). Ср. грамоты 1574 и 1582 гг. с этим казачьем.
²⁾ Д. А. И. VI № 67.
³⁾ Сиб. архив, стр. 314, 315. (Позднейшая летопись Кунгурской летописи) старое издание должно объясняется Ермака в присутствии дела то, что он означал для казачьи и ограничивал военным обмаником.
⁴⁾ С. В. Вургуша, Походы за казачьями предвосток XVII века (Труды Рязанск. 1925 г., из. 1).
⁵⁾ Сиб. архив, стр. 313.
⁶⁾ Сиб. архив, стр. 27, 68.
⁷⁾ Сиб. архив, стр. 310.

В XVII в. путь по Чусовой вел, однако, иначе, чем в 80-х годах XVI столетия, когда им пользовался Ермак. Ехали вверх по Чусовой до устья Умы, близ устья которой в Чусовской (Утинской) слободе останавливались и продолжали путь сушею по реке Гези, далее вдоль Гези через слободы Антекую и Арамашевскую на реку Нейву в Невьянскую слободу, откуда дальше ехали водою и по Ниве спускались до Тюмени⁴⁾.

Организованность Чусовского пути от тогдашних центров торговли восточной — Устюга и Соли Вычегодской — и отсутствие непосредственной связи с Архангельском портом, срочностью всех торговых спешностей в Западном направлении, главным образом, регулировалась весь оборот дутных товаров, — все это немалые умышленные трудности, заставило Московское правительство поддерживать более основательное направление с Камы на Обь. Как сказано выше, оно первоначально воспользовалось путем илиею Чердыль — Вяткиров и ее притоками на Лозьву и на Тазулу. В 1697 году соливычегодский посацкий человек Артемий Вобинин «провел» новую дорогу, «сухим путем», которая сократила, по его расчету, путь от Соли Камской до Тюмени более чем вдвое, и вели прямо на верховья р. Туны. С основанием в следующем году города Верхотурья, эта «новая» Вобининская дорога была объявлена правительственным трактом, взамен отмененного тракта на Лозьву, и с тех пор она оставалась таковым до 1763 года⁵⁾.

Дорога на Верхотурье шла от Соли Камской через раки Убейку и Сурмаг и верховья Нивы (реки Чисмы и Мозина) на р. Косу и далее по притоку Косы Кырье. На Кырье находилась бесовской поселок Рощесть, у переправы через Навдинский Камель, как называлась эта часть Уральского хребта, а на той стороне перевала была расположена деревня Навдинская или, как ее звали позднее, Поднавдинская избушка. Дорога, пере-

шла через Урал, перешла р. Павлу, приток Лалы, принадлежавшей к бассейну Солины, затем переходила через Лалу на реку Мостую, принадлежавшую в Туру, и достигала Верхотурья. Общее направление дороги от Соли Камской до Верхотурья Вобинин определял в 263 тогдашних верстах; то же приблизительно расстояние дает «Список с чертами Сибирские земли» 1679 г. (260 в.). Углицы, сопоставивший этот путь в 1743 г., считает 219 верст⁶⁾.

При новом направлении дороги Чердыль оставался в стороне, и Соли Камская делалась важнейшим пунктом на «новой» Сибирской дороге. Что касается пути от Тюмени до Соли Камской, то он шел илиею Сергеево-Троицкого монастыря на Переславск, Рощев, Иросталь, Волгулу, далее рекою Суховою на Тюмену и на Устюг, с Устюга по Вычегоду на Соли Вычегодскую и оттуда через Байкаром на Соли Камскую⁷⁾.

На-ряду с таким обычным направлением от Тюмени до Соли Камской, в виде исключения, ехали на Камат через Колоту, Равиль, Косинов, Муром, Н.-Новгород и Косьюмлянск, и далее от Казани на Тетонию и Соли Камскую⁸⁾.

Правительство было особенно заинтересовано Сибирской дороге в удобопроемном состоянии. В этих целях, в 1699 г. во чистить, расширившаяся иная и мосты мостов «через бераки и через грязные места», всего сделал от Соли Камской до Верхотурья 7 мостов поскеренных и 30 в длину. В дальнейшем, «чистить и «бродить» дорогу и убирать «завалыный лес» являлось постоянною заботою. Несмотря на такие заботы правительства, она содержалась очень плохо; уже в 1619 году «сныи все погнили, и по рекам водою неслоило, и коренья отвалили ... и дорогу заложило лесом большим», и жалоба на плохое состояние дороги повторилась в течение всего XVII в. «Грязи и болота непроходныи», лесные завалы, наконец, трудность переезда через «Камель непроходный», на котором «снеги... идут равно» — позволяли пользоваться верхотурьской дорогой только зимою (от Солины дня до Владовенской) или в сухую летнюю пору⁹⁾.

⁴⁾ Чертов Грехозов, в. 5. Сиб. арх. ил. № 1426. В гл. 4, Relation de la suite de M. E. Hiltner, стр. 24—25, 32 след. (описание маршрута Тюменского пути в южн. направлении). О маршруте Антеюйской дороги на этот тракт см. А. Н. У. М. № 125 и 133. Григорьев в статье «Горные и лесные промыслы восточного тракта в Сибири в конце XVIII в. и начале XIX в.», опубликованной в 26 № Иллюстраций к журналу «Сибирь» (Томск), воспроизводит этот путь по чертовой книге Грехозова, но допускает несколько ошибок (стр. 3): он отождествляет Сусловскую слободу с Утинской и утверждает, что она принадлежала к устью р. Умы. Сусловская слобода была на р. Суслове. Предположительный путь по Чусовой от Утинской слободы до Тюмени был, судя по дороге, илиею бойковой Илья Парфенова в 1704 году — 8 недель и 1 день, без «проезжий» дней, маршрут совершался в 6 недель и 4 дня. В следующем году сын Захарий Мух. Высокора совершил тот же путь приблизительно в 10 недель. Напрям, ехали этот путь в Сибири, три недели ехали только вверх по Чусовой до Тюмени и в низком тракте. (В гл. 4, Relation, стр. 33, Ченка, ил. стр. 60.)

⁵⁾ Мидлер, Сиб. арх. ил. стр. 324—333. А. Н. II № 20.
⁶⁾ Сиб. арх. ил. № 128, в. III. «В описании данных годов», составлен в царской грамоте 1684 года, на Сибирской дороге на Верхотурьской дороге, через Рощесть, ехали ехали деревня по бугру, и на Рощесть деревня по склону для проходами легкой дороге. (С. А. Н. XI № 96.)

⁷⁾ Мидлер, Описание Сибирского тракта, стр. 352. Такого, Сибиря в XVII в., стр. 62. Принадлежит к черт. илюст. Сибиря (Резанова), стр. 22 (расстояние здесь указано илиею выделено). План, Сиб. арх. ил. XVIII в., II № 53. А. Н. II № 64 и 80. А. Н. II № 26. Временник: Ома Ист. и Др. Росс. XX. Пак. Сиб. арх. XVIII в., II № 69. Верхотурья путь от Соли Камской до Верхотурья Мидлера 1718 в. (в Journal de Voyage de Nod. I. V. Amsterdam, 1718), у Вролд а (Relation, образ. пути и у Гис-а и а, Рейн, IV.
⁸⁾ См. перечисленные подорожные, составленные в годах Сибирские провинции (и др.), от № 83, в. 224. № 88, в. 26, 311. № 208, в. 150, 194), а также описания пути у Вролд а (Relation de Voyage de M. E. Hiltner, Amsterdam, 1629) и у Ланге. В 1713 г. было запрещено обходить Валуку и ехать прямо в Шульцко или в Обдорскую (Пак. Сиб. арх. XVIII в., I № 45).
⁹⁾ А. Н. II № 69 (81).
¹⁰⁾ А. Н. II № 20, III № 47, 78, 80, 114, 234. Д. А. Н. VI № 119.

Предпочтительно Верхотурской дорогой пользовались зимою в расчетах провести и вскрытию сибирских рек, чтоб проходила путь водою. Зимний путь был к тому же самый скорый: зимнее порою... представляют от Соли Камской на Верхотурье в 6 дней, а в которое время и дорога покороче, ибо до в 9 или в 10^{1/2}). Набранд в декабре—январе в Ланге в январе слагали путь от Верхотурья до Соли Камской в клинх-либудь 5—6 дней. Зато при неблагоприятных условиях, в самую распутицу, «как обила пель», «по последнему зимнему пути в раскольде, шной роз тапшись «Верхотурским волоком» и четыре недели; тоже случалась в «осеннюю гравузу» пору²⁾. Продолжительность зимнего пути от Москвы до Соли Камской, судя по маршруту Набранда в Ланге, может быть определена в 1 месяц.

Верхотурье, по своему положению на Транссибирском тракте, являлось как бы воротами в Сибирь, le Havre de la Sibirie, как оно называло в французском переводе сочинения Адама Бранда. Здесь была устроена таможня, через которую товары были, по крайней мере в теории, проходить все проезжавшие Камским путем на Урал. Со своей стороны, таможня эта была как бы центром целой сети более мелких таможенных застав, посредство которых была стремилась устроить самую возможность обхода Верхотурской таможни. Так, являлась таможня застава в Ростове у заезда переезда через Камск и в Падисков у ложа его, но ближайшее бесспорного торгового тельсы с туземцами на волюку, далее на верхнем течении Чутовой и в ближайших окрестностях Верхотурья на р. Ляже, на том месте где ее пересекает дорога (Ляжский заруок, ныне село Кабульское). Дорога с Верхотурья на северо-восток (на Петух) прекращалась заставой в Кошпайском остроге и на юго-восток (в направлении Турганского уезда)—Татянской³⁾.

Камские через Верхотурскую заставу были очень значительны. Во-первых, через нее шли все производственные отношения с Сибирью: изделия воеводы, отправлявшиеся на место своей службы в сибирские города, провозились хлеб для сибирских гиртанов, телят голцы с отпущенными в 1623 г. под воеводой всех сибирских городов и дворян и изданными головами и под сибирскими служилыми людьми и под государскими хлебными запасами из Верхотурья было отпущено 86 судов различного размера: 6 желей, 8 стругов с «свердками» в «свердков», 16 дощачков, 31 хелья, 5 яхонков и 8 додок. В следующем году пришло из Мангазеи под воеводою и козья-

чьи и из иных городов под служилыми людьми 35 судов (3 желя, 2 дощачков, 6 стругов дощачных, 11 хельяков и стругов одощачных)⁴⁾. В 1661 г. из Верхотурья было отпущено под воеводою, хлебными запасами, подданных именем в т. д. — 36 дощачных⁵⁾. В 1685/6 году «сехких государей за казнами и за нашими делами» через Верхотурье проехало—66 чел.⁶⁾. В годы смены воевод в сибирских городах Верхотурье преимущественно оказывалось в виду приезда новых «губернаторов», особенно воеводы тобольского, на которого смотрели как на верховного властителя всей Сибири. Верхотурский воевода устроил шеры в честь новоназначивших, на которые собирались все случайно находившиеся в Верхотурье служилые люди разных сибирских городов на дождь своим будущим правителям. В 1631 г., например, при проезде тобольского воеводы кн. Ф. А. Толстеевского через Верхотурье, воевода Федор Волков угостил его и прочих воевод обедом, «п хан-де были (у него)... в гостию столица кн. Ф. Толстеевский да кн. Ев. Татыр и шиме-де воеводе, соды же являше тобольские дети боярские Мелешай Ремисов и Микита Мотовилов, и «шодде, обеде» подымавшийся Мотовилов «даровал» кн. Федору да Сибирскому царскому престолу и целовал ему руку⁷⁾. Присутствие большого числа представителей администрации дало повод и для иного рода мероприятий. В 1639 году канцелярший дьяк Богдан Обобуров писал, например, на Верхотурье тобольскому воеводе кн. П. Протаскову с товарищи в иных сибирских городах воеводам и дьякам на возвращение деления «хажство в Мангазей воеводе кн. Никиты Барятинского⁸⁾. В обычные годы через Верхотурье и воеводам в Сибирь «хажн гости и направлялись запасы». Так, в 1642 году воевода на Верхотурье канцелярский воевода кн. П. Ухтоцкий, брат юности тобольского воеводы кн. Мосальского—Ст. Кабышев, люди ютского, сургутского и красноворского воевод, человек европейского посылки, вставил и своему хожнику «хаже, и подъячий Томской (сезонной хаже)⁹⁾.

Ввиду с превозмоздным числом хажн, через Верхотурье танулись в Сибирь «хажн с русскими товарищи и проходила большое число торговых и промышленных людей. Достаточно указать, что в 1635/6 (144 г.) в Верхотурной таможне было зарегистрировано свыше 2.500 человек (оплата более 550 чел. лишозинков), а в следующем (145 г.) свыше 1.700 чел. (в том числе более

¹⁾ Сиб. архив, ст. № 63, л. 158. (Ср. Тихоуз. Сибирь в XVII в., стр. 27, 31 и 11 в. Виль, IV, стр. 497.

²⁾ Сиб. архив, ст. № 53, л. 39—40. А. Н. П. № 22 № 11 и 234.

³⁾ Сиб. архив, ст. № 2, л. 261. А. Н. П. № 60 № 114 и № 230. Верхотурский-росток, карта 133 с. Описаны в отрывках Джигиревым в Пересел Старице, VII, стр. 176—177) Бухарина и Златовлас Сибирь, стр. 52—54.

⁴⁾ Сиб. архив, ст. № 53, л. 39—40. А. Н. П. № 22 № 11 и 234.

⁵⁾ Сиб. архив, ст. № 2, л. 261. А. Н. П. № 60 № 114 и № 230.

⁶⁾ Сиб. архив, ст. № 82, л. 51.

⁷⁾ Воеводина, Описания, стр. 133.

¹⁾ Сиб. архив, ст. № 63, л. 158. (Ср. Тихоуз. Сибирь в XVII в., стр. 27, 31 и 11 в. Виль, IV, стр. 497.

²⁾ Сиб. архив, ст. № 53, л. 39—40. А. Н. П. № 22 № 11 и 234.

³⁾ Сиб. архив, ст. № 2, л. 261. А. Н. П. № 60 № 114 и № 230. Верхотурский-росток, карта 133 с. Описаны в отрывках Джигиревым в Пересел Старице, VII, стр. 176—177) Бухарина и Златовлас Сибирь, стр. 52—54.

⁴⁾ Сиб. архив, ст. № 53, л. 39—40. А. Н. П. № 22 № 11 и 234.

⁵⁾ Сиб. архив, ст. № 2, л. 261. А. Н. П. № 60 № 114 и № 230.

⁶⁾ Сиб. архив, ст. № 82, л. 51.

⁷⁾ Воеводина, Описания, стр. 133.

¹⁾ Сиб. архив, ст. № 63, л. 158. (Ср. Тихоуз. Сибирь в XVII в., стр. 27, 31 и 11 в. Виль, IV, стр. 497.

²⁾ Сиб. архив, ст. № 53, л. 39—40. А. Н. П. № 22 № 11 и 234.

³⁾ Сиб. архив, ст. № 2, л. 261. А. Н. П. № 60 № 114 и № 230. Верхотурский-росток, карта 133 с. Описаны в отрывках Джигиревым в Пересел Старице, VII, стр. 176—177) Бухарина и Златовлас Сибирь, стр. 52—54.

⁴⁾ Сиб. архив, ст. № 53, л. 39—40. А. Н. П. № 22 № 11 и 234.

⁵⁾ Сиб. архив, ст. № 2, л. 261. А. Н. П. № 60 № 114 и № 230.

⁶⁾ Сиб. архив, ст. № 82, л. 51.

⁷⁾ Воеводина, Описания, стр. 133.

звалась «топка» (куница) из Бухары и Юрсендаха¹⁾. Точно так же и уфимские татары, и башкиры, и томские татары носили «с Уфы степью» и на уфимских воловях на башкирском на продажу в Тюмень²⁾. Продолжительность этого степного пути определял се «лошадями сухим путем» в 3 недели; зимний путь ходили на лыжах 5 недель³⁾.

В середине XVII века устанавливается одно направление этой дороги, которое в последней четверти столетия приобретает довольно крупное значение. Это направление через сезонный в 1649 году Кузгур. Эта «через Ураль-намень проймака большая дорога» шла с Кузгура через Кузгурский уезд на реку Висерть, приток Уфы, с верховья Висерты («с верхнебертских татарских юрт») на верховья Чусовой и перешла ее, «по хитрой Чусовой (Уфимской) слободы»; затем дорога раздвигалась: в северо-восточном направлении она шла рекою Улюгой и Режкою на Арамашевскую слободу и Прбыту, а на юго-запад ее верховья Чусовой на р. Казенку и через Баманку на р. Исеть, с слободами Арамашевской, Колмаданской и Катайской и к Далматову монастырю. Последний вариант довольно верно предвещает будущее направление сибирского тракта на Екатеринбург⁴⁾.

Несмотря на неоднократные запрещения пользоваться этой «основной дорогой» «лишь устроеною для» и на угрозы высылки осужденных в Москву, во второй половине XVII в. через Кузгур во вольном езде «из русских городов в Сибирь торговые и промышленные, и гуляющие люди, и священники», в частности «по вся тоды» ездят туда и обратно «купоческие люди» с товарами и с рыбой, и ходят «из Сибиря на Русь, из слободок с Тюмени, слободками всяких чинов и промышленные русские люди, и писовцы для русских хмельов и вожковой покупкой и в Сибиря с Руси для сибирских же покупок»; но пользовались также «сибирские воеводы и служилые люди, едущие по вольной надобности»; «мнози же возмоча из Сибиря мимо Верхотурскую заставу дальняя юность ехалыши дорога на слободки через Улуу и Кузгур на Каму в русские города, и ездят-де тою дорогою».

¹⁾ Ногайск, Сборник Материалов для ист. Уфимского уезда, стр. 18.

²⁾ Сиб. Прок. ст. № 99, л. 76.

³⁾ Уфимск. Сибиря в XVII в., стр. 14.

⁴⁾ Чертежная карта Ржевского, с. 21, Сиб. Прок., ст. № 188 (указаны путь с Камы реки в Уфимскую слободу через Кузгур); Д. А. Н. VIII NN 65, 71, 79, Д. А. Н. V NN 69, 178 (пр. Кузгурский уезд); изд. Арх. Уф. № 66, 183, 246 (путь от Уфы № 66); Памятник Сиб. яз. XVIII в. I № 70, 246 (Сибиря в XVII в., стр. 11, 22); Дикоторск. Держк. Скар. VIII, стр. 36—37, стр. 6 и 11 и, Никои, I, стр. 83 (езд. Ржевского в Верхотурский и в слободы Московского тракта в Сибирю); в Памятник Писателей исследовавших Сибиря № 6) на истинную истину Ржевского ассамблеистов пути из Верхотурской Кузгурской дороги (различительный знак по, по и из, у него, торговки, едт и торговки сибирск; и др.); реку Камуку он предвещает из Уральского горы (Каму),

себяюю дорогою—«дального чина люди, — сибирские дети боярские и служилые люди торговые и вносили всякие люди, а с Руси с русскими, а из Сибиря с сибирскими татарами и с малочислу жульниками, летшим и зимним путем безпрестанно», писали уже в 1669 году из Москвы верхотурскому воеводе¹⁾.

Кузгурский путь лишь слабо мог удовлетворять интересы северного Помора, через которое шли в XVII в. все торговые сношения с Западной Европой, но он приобретал все большее значение по мере того, как излагалась «нижняя Печора и Уфимский край»²⁾.

В XVIII веке, когда торговля шла в поморских городах Пинег, и, наоборот, усиливается торгово-промышленная деятельность центра, в частности Москвы, Кузгурская дорога, охватывая Тюмень непосредственно с Москвою через Казань, вместо далекого объезда на Солтанкино, должна была разойти для поездки заменить собою старую дорогу через Верхотурск. С развитием Екатеринбургского горного округа значение Верхотурской дороги падает основательно. Однако, правительство и в XVIII веке упорно держится старой московской политикой исключительного направления всего трафика исключительным на Верхотурск. В 1704 году посланная ушла, зашедшая «кроме Верхотурья, южными дорожками как на Сибиря, так и по Сибиря пропустить» кого бы то ни было, в частности «купеческих людей». Указ этот был подтвержден через год, при чем определенно оговаривалось, чтобы не ездил через «Арамашевскую и Катайский острог и Уфимскую заставу и Прбыту», и вторично в 1722 году³⁾. С основанием Екатеринбурга в 1723 же году дело не изменилось. В 1736 и даже в 1758 годах писали место поморским запрещенным, под страхом конфискации, ездить с товарами через Екатеринбург и Кузгур. Впрочем, с конца XVII в. дорогой из Кузгур пользовались для правительственной почты. Только в 1743 году открыто свободное сообщение по дороге Кузгур—Екатеринбург—Тюмень, и в том же году была уничтожена Верхотурская застава⁴⁾.

Таким образом, постепенно сложился тот Сибирско-Московский тракт, который в течение всего XIX века являлся единственным путем из России в Сибиря и по широте которого в 1885 году была проведена Пермь—Екатеринбург—Тюменьская железная дорога.

¹⁾ Д. А. Н. IV № 133, V № 69, 173, 246, Д. А. Н. IX № 70, VIII NN 65, 70, Дикоторск. Держк. Скар., VIII, стр. 37.

²⁾ Криво означены в тексте вхою, сибирскиею дорою из Тюбюхлына на Астрехулу через вольныйи Дикоторск. уезд и через реку Лия или через «Острог Вольный» (Прбыту), и через земли Сибиря, стр. 11—12, Таганов, Сибиря в XVII в., стр. 8, 11, 41) Дикоторск. ст. 60 (за исключительным).

³⁾ Памятник Сиб. яз. XVIII в., I № 50, II № 60 и 76.

⁴⁾ Ржевского, изд. сочинения, стр. 6—7.

II.

ПУТИ В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ.

1. Д. Путь с Оби на Енисей. Путь через Манский возок. Путь через Енисейский восток. Путь через Сибирский восток. Маршрут пути в Магидан. Условно делится на Мангостомый ходы. Путь из Мангостана в Туркестан через Арслан. Путь из Мангостана на Мангитан на западе Оби. Протяженность восточного хода.

2. Путь с Енисея на Лену. Путь через Ленский восток. Путь до Енисея. Путь через Чувашский восток.

3. Путь с Лени на север-восток. Путь через За Лену, Илгар, Алтан, Юлган и Алар. Маршрут пути на Ойлак и на Юлган. Путь из Лени на север-восток «Камчатка».

4. Путь в Тихому океану. Путь с Лени на Амур через Тугаринский восток и через Сибирские хребты. Путь с Енисея на Амур через Баргузинский восток, через Притский восток и через Ермаковский остров. Путь с Лени на р. Улуу и на р. Олоу.

Продвижение русских на восток, в глубь Сибири, шло преимущественно речными путями, дозволявшими с большой легкостью преодолевать обширные пространства сибирских лесов и тундр. Благоприятным условием являлось в этом отношении обилие вод — среди пространств и прекрасные озера, — и их равномерное распределение по поверхности северо-азиатской равнины. Этими русскою колонизации на Урале определяются возможные переходы на бассейнах одной реки и бассейнах других, с Оби на Енисей, с Енисея на Лену, далее на Амур.

Нам предстоит поэтому ознакомиться с важнейшими речными путями, которыми пользовались русские в своем движении от Урала до Восточного океана.

Наиболее употребительный в XVII веке путь с Оби на Енисей шел через Мангостинский восток, соиздававший приток Оби-Кети непосредственно в Енисеем близ г. Енисейска. Этим путем обычно ходили из Тобольска; из устья Приткиа плыли «своего шлюза», шельма и беговою вверх до Оби, мимо Стургуто и Нарыда; у Нарыда входили в Кеть, которая здесь впадала тремя устьями в Обь, и поднимались по ней вверх, мимо Кетского острова. В одном месте на Кети, у сара Кохоподольного существовала обвясная мель (мель называли и река бострая, будто порог), и «против того дру и млы от торговых людей, на правой стороне, на обвясну близ поселен колокол небольшой для того, чтоб те место знали иные люди, которые будут на дощавниках, плути

вверх реки Кети». Спидарно, озаглашено по Кети в 1676 году, она показывала «воду тоскалив... для того, что по ней ни плыли, ни помы нет, только лес непроходный, болота и озера». В верхнем своем течении Кеть становилась «весьма узка» (от устья: р. Сокура). По Кети шли вверх до Маковского острова, где начинался восток 4).

Маковский остров, господствующий над востком, служил в XVII в. «христианинм великим государевым людям», которые, приезжая сюда «в осень», выгружали товары и хлебные запасы в избыры, а зимой перевозили их «наймом» в Енисейский остров, чтоб зимою идти дальше на Лену. В полверсте от него возвылся целый «плодота торговых людей», где было множество «наборов иногородо»; представляли всех крупнейших торговых семей, Босны, Ревинины, Валезины и др., жмши здесь «на проезд себе» «избыки и избыры для своей нужды». Тут же на берегу лежало «домашнее и казновое дело множество разбавых и целых» 5).

От Маковского острова начинался восток, ведущий по берегу р. Тым, через Кезь, прямо на Енисейск. Летнее порою «тот восток верст в 100»; «слишком путем» считали с 50 верст 6). Дорога востком шла по болотам и мекши была замощена «в во время востку zelo граню живет, и для того везде по нем вывские мосты построены для ради множества грязи и болот и речей»; «в на иных местах ось на востку и горы и хребты моста на реках, где стоят и отдыхают». Товары перевозились на лодках вьючным способом, отсюда, потому что в лодках было трудно передвигаться 7). Время на прохождение востка требовалось от двух до трех дней 8).

Продолжительность всего пути от устья Приткиа до Маковского острова определяется черточком 1665 года от 11 недель 4 дней до 13 недель 5 дней, и это, вероятно, близко к действительности, так как Спидарий употребил на него 8 недель 3 дня, и Избрант до Енисейска прошел в 10 недель 3 дня; частные же

4) Д. А. Н. VIII № 100. Уа тою, Сибиря XVIII в. стр. 90, 91—97, 81—82. Путешествие через Сибирь... Писание Спидария в 1676 г. дорожный дневник Спидария, изд. Дроздовским и Х. Т. Рув. Геогр. Общ-во в Спб. Издательство в стл. стр. 67—80. Описание этого пути см. также у Брандта в «Relation». Подлинный старинный список Восточного-А. М. Н. Д. Каз. двор. кн. № 25. (р. К. В. Владиславич, Восток и Сибирь). О пути от Тобольска до Стургуто см. табель 1724 г., в Пис. Сибирского XVIII в. II, № 115.

5) Сиб. Прис. ст. № 94, а. 426, № 281, а. 482. Путешествие Спидария в стл. стр. 84.

6) Тугарин, Сибиря в XVII в., 82 Спидарий. Путешествие, 64—83. Ср. Relations du Voyage de M. E. Lezobier de. Восток востком на шире Енисейского уезда Ревинина. Изгнания и вост. сообщения (стр. 318—319) — близко предположение, что путь шел противно Енисейскому. Такой путь существовал в первой четверти XVIII в., но затем был заменен. Восток Ревинина или восток, где дорога переходила Кезь.

7) Спидария в стл. стр. 85. Тугарин, стр. 37, 40, 82. Восток в стл. стр. 123.

длина едва ли могла ехать так скоро, как послы. В обратном направлении Избранд ехал «зимним путем» и проделал весь путь приблизительно в 7 недель, не считая длительных остановок.

Путь на Енисей Кетью был открыт сравнительно поздно, хотя, с основанием в 1698 г. Нарыма, обитавшие на берегах Кеты шпорды были очень скоро обласканы. Исходным пунктом для захвата пути на Енисей послужил острожный пункт несколько лет после Нарыма Кетский острог. Уже в 1699 г. Кетские князья проехали в иркутские земли тунгусам. Путь, которым они шли, впрочем, несколько отличался от описанного выше: по их рассказам, в две с половиной недели можно было из Кетского острога в летних наездах дойти до князя князя Намана, т. е. до Малковского (вернее Наманковского) воюла, а отсюда «ехать волоком от Кеты до реки Томи летом два дня, перевоза на себе груза до 2 пуд., а зимою на нарвах стошкою же, на реке Томе делают струги или навозы и называют полдня до р. Кемп, а на Кемп одна день до Енисей». До только в 1617 году тобольская администрация приступила к обследованию весьма открытого пути, затребовала сведений в воеводского воеводы и послала для его обследования двух служилых людей и одного промышленного человека¹⁾. В следующем году была отправлена на Енисей военная экспедиция под начальством сына барского Петра Албихева, в результате которой на Малковском воюле был построен острог, а в 1619 г. основан Енисейск, и таким образом весь путь из Тобольска на Енисей оказался во власти русских.

Кетский путь не был единственным, которым пользовались «ЖУИ» в дни перехода с Оби на Енисей. Начиная с 90-х годов, значительную роль играет также другой путь, который шел от устья Иртыша вверх по Оби, затем по ее притоку Ваху и далее в реку Волочанку до Елюгуинского воюла. Елюгуинский воюл определялся современниками в 16 верст, что проходило в два дня и достигали реки Волочанки, «другой же» (до Ремезова, она называлась Черной), впадающей в Елюгу, приток Енисей. Этим путем преимущественно пользовались торговцы и промышленные люди, ехавшие на промыслы в Нижнюю и Поднянную Тунгусию или возвращавшиеся с промыслов. Позже того, что он, несомненно, сократил дорогу и местам, делавшим юнкы Енисейск, он позволил митовати без заезда три административных пункта (Нарым, Кетск и Енисейск) и laboratory волостей, связанной с регистрацией и с процедурой откупа.

Путь Вахом—Елюгоем привлекал одно время внимание иркутской администрации, заинтересованной пойти ближайший и

безопасный путь из Мангазель в Тобольск. Летом 1639 г. мангазейский воевода Г. П. Кокорев сделал попытку обследовать этот путь и послал еще Елюгу и на Вах реку проведать дорогу на Обь реку²⁾. Несомненно надеясь вернуться и мысли использовать его для сношений с Тобольском и с Москвою другой мангазейский воевода В. И. Пушкин³⁾. И в последующие годы по Ваху и Елюгу производилась временами пересылка из Мангазель правительственной почты и ездил с поручениями служилые люди. Но, главным образом, дорога через Елюгуинский воюл обслуживала «купушников», т. е. торговых людей, сосредоточившихся в Тунгуске, «с посылкою многого рудяцкой и промышленников, ехавших с тунгусских промыслов». В 1643 г., например, сургутские таможенники пишут, отмечая промышленников, которые «ехали мимо Сургут в Енисей Вахом рекою» в 1645 г. Этим путем прошло «важков с 50», а в следующем 1646 году описанный воевода Федор Уваров «спустился торговых промышленников людей на Елюгу через Вах воях до одного человека, а мимо Кетский острог торговцев и промышленников людей не пошел ни один человек». В начале 80-х годов мангазейский воевода Выделешин отел поэтому лучшим устройством на р. Елюгу заставу⁴⁾.

(Кокоревщина Елюговетского пути с официальным путем по Кете не могла не вызвать определенных опасений по соображениям фискального свойства. Уже в 40-х годах кетские воеводы жаловались, что «проезжий кошенин и оброку стало ваять и Кетском остроге не с кого, кетским служилыми людьми и рудяцким в маловатые и на кетские на вояне на мелкие неказанные расходы вперед хватят бюджетного, потому что... торговых и промышленных людей на Енисейский просят через Вах, а мимо Кетский острог не бывал никаких человек». В виду этого Елюгуинский путь никогда официально, по крайней мере, разрешен не был. В 1709 году правительство обратило внимание на то, что «сдавние через воюл Вахом и Елюгою мангазейские служилые люди допускают много злоупотреблений — возят с собою товары, торгуют по пути с купорашки, самовольно берут их в подводу, выношат, под видом работников провозят из Ман-

¹⁾ Прок. дел. ст. деп., 1630 № 71, л. 696.

²⁾ Сиб. Прок. ст. № 178, л. 185 след. (фрагм. с пометой дороге на Мангазель в Тобольск.).

³⁾ Сиб. Прок. ст. № 118, л. 20—21, № 134, стр. 91, 434 стр., № 564, л. 26, № 253, л. 643, № 271, л. 485, № 408, № 1036 (отписка жемг. тат. боярина Ив. Сабдына 1601 г.), № 1401 (отписка манг. тат. боярина М. Шеханова и Д. Кулбаева 1646 г.), № 503, стр. № 133, л. 218. Чернышевский Ф. Я. и др., стр. 15. Партр. Маллера 514, л. 21. Дневн. Журналов правления, к. III, ст. 15 А., л. 11. С. 1 и 11, Reise III, стр. 197.

⁴⁾ Сиб. Прок. ст. № 333.

⁵⁾ Сиб. Прок. ст. № 209, л. 442. Во избежание убытков князь в Сургуте выискивает с зап. обывателей Кеты, впадающие в Малковское на Кетский приток (из № 731, л. 130).

¹⁾ Енисейск. епископ, 1764 г., карт. стр. 207—208.

²⁾ Там же, стр. 206—207.

газет в Тобольске торговых людей, и запретило впредь совершено как служилим, так и торговым людям ходить рекою Елогуем¹⁾. Впрочем, по свидетельству Миллера, в XVIII в. дорожное через Вах-Елогуй продолжало пользоваться пущи, доставшие из Тобольска в Турохалское²⁾.

Наконец, с Оби можно было пройти на Енисей посредством ее притока Тазы, верхняя половина которой подходит к впадения в Сима, притока Енисея³⁾. Так ходили еще в 30-х годах прошлаго столетия с Енисея на Суругу. В целях проследовать этому енисейскому доводили на устье Сима была построена застава⁴⁾. Крутилою значительна Саянский путь, во всяком случае, не имеет.

Кроме перечисленных водных путей, соединявших вершины течения Оби с Енисеем, и темнее почти всего XVII в. русские пользовались также морским путем из устья Оби в Обскую губу, оттуда в Тазовскую губу или Мангазейское море, как ее называли, в устье реки Таз и вверх по Тауу до Мангазейского города; далее притоком Таза—Водочаюю—доходили до так называемых «россок» или «рекек», т. е. мелких протоков, которыми добирались до «Енисейского полома» (приблизительно в I версту), перевалившись через который, снова попадали в россохи и рекекы и входили в другую Волчанку, являющуюся в Турухай, приток Енисея⁵⁾.

Путь этот стал известен русским гораздо ранее Кетского. Уже при царе Борисе им ехали поморские промышленники на реки Тур, Таз и «Енисею»⁶⁾. Им же ходили правительственные экспедиции 1600 и 1601 годов, посланные для исследования востра в Мангазее. Не позднее 1609 года русскими прокладывали водным путем, прибывшими на Мангазею, было основано Турохалское заповье. Таким образом, этот путь носунами дорожкой, которой русские впервые, еще в XVI в., достигли Енисея⁷⁾. Несмотря на его сложность, он присутствовал до 60-х годов XVII столетия, когда сморской ход в Мангазее был отменен разоруженным тобольским помещиком П. И. Годуновым, и постольку любознатель, что заслуживает особого внимания.

Самой интересной частью этого пути является переход морем из устья Оби в Тазовскую губу. Обычно направляли морских судов—скажи—отправлялись из Тобольска по Иртышу, спуска-

лись вниз по Оби мимо Березина и впадали в «острова», т. е. в дельту р. Оби. «А устья-де, государю, Обского широкое во широк, разливаясь по многим местам, и островам частым, так оканчивалась Обскую дельту в 1610 году на допросе в Тобольске торговый человек Кодрянник Курочини с тобольский стрелец Корель»⁸⁾. Поблизости этой «острова» летом приплывали на гонимых косяках самоды, которая в это время года «выскаки для рыбных ловель край моря и являет по островам»⁹⁾. Для судов дельта представляла значительную опасность своими многочисленными мелкими «змеями» добры; не только большим судном, но и кораблем или котам ходити, и мелкими судами ходити невозможно, как утверждали те же Курочини и Корель. Выжидая в островах широк по долгу посольских ветров¹⁰⁾, заезжали в «столом», т. е. открытое море. Дальнейший путь по бурной Обской губе зависел несомненно от погоды. Шли, поодиножю, вдоль берегов, укрываясь от непогоды в устьях рек, сперва в восточном направлении до «Русского заповрета», отделяющего собственно Обскую губу от Тазовской, затем спускались и юго-восточу. За Заповоротом часто упоминается, как места стояния судов. Черные горы и Столбчатый река, несколько ниже которой лежала Черная коса или Черная «коска». В дальнейшем, пройдя Янакши Шар, соответствующий, вероятно, проливу между материком и островом, называемым в настоящее время Находкой, оставляли справа Пуровский отрог у входа в глубокую Пуровскую губу и наступали в устье реки Таза¹¹⁾.

На Тауу косяк рисовали подвергнуться выпадению со стороны северной самоды, особенно значительных размеров, которые в 40-х годах держались на низовьях этой реки. В 1645 г. шел, например, из Тобольска параван с хлебными запасами под предводительством тобольского сына боярского Якова Елизарова. «И пак я, холоп твой, докладывал ои царю, «буду из устья Тауу реки, и тут, государь, воровская самоды, вранки, на твою парежку казну якутскую излучивали и на меня, холопа твоего, и хотали убить, и твою государеву хлебную козну илать». Юрки «и котам приступали», разили пять человек, «с парежки счастье» были отбиты. По прибытии Елизарова с поручением «му грузом в Мангазейский город, мангазей-

¹⁾ Сиб. Прок. ил. № 1331, с. 219.

²⁾ Перфв, Миллера, 514 Енисея. Сочинения 1704 года, стр. 513—515.

³⁾ Там же, стр. 512.

⁴⁾ Сиб. Прок. ил. № 1, т. II, ст. № 11, кн. 116—120, № 143, а, 233 вост.

⁵⁾ Шерв, Сиб. история, стр. 403.

⁶⁾ С. И. 1, № 29.

⁷⁾ Первые упоминания об Енисее относятся к 60-м в 30-м годам XVI в. в отношении путешествия ходить к устью Оби и «Корель» холостая Воле в 1604 г. в 1606 г. с. р. Юному судьям известно и возвращении от русских промышленников. Так как устье Енисея было открыто русскими лишь в 1614 г., то несомненно, что они и в то время ходили на Енисей не с моря, а через Мангазею.

⁸⁾ Р. И. В. II № 254 (II), Ср. описание дельты р. Оби в плане Герарда Меркатора в 1601 г. (H. v. d. Hart, в кн. Кюльман's Library, II, 326).

⁹⁾ Сиб. Прок. ил. с. 34 603.

¹⁰⁾ В 1823 г. Николай Чаплин с островах приставил две медведи (Перфв, Мангаз. II, 472, № 5).

¹¹⁾ Описание морского пути в Мангазее можно найти во многих источниках и свидетельствах. См. Сиб. Прок. ил. с. № 4, т. 257, № 120, а, 422, № 134, а, 96 стол. 437 стол. № 137, № 120, кн. 437—439, № 130, кн. 3—5, 361—333, № 123, кн. 60—61, № 322, № 100, т. 425 с. 22, «иже 26 367, кн. 703—726 с. 6, 740; Перфв, Мангаз. II, 477 № 3; Прок. ил. с. лог 1820 № 65 (сведения Кокогорова на кн. 120—220) и т. д.

ский вовода из П. М. Ухтомский точно спарядил под его же начальством карговою экспедицию «вниз по Тазу до моря для «заиренья вороньей саювады и отпиченья луги. Экспедиция увеличилась полным успехом, и за боастье исполнение поручения Ж. Елишаров был назначен в приписчики на Демьянскую аму¹⁾.

В общем путь от Тобольска до Мангазейского города требовал, по отзыву тобольского воеводы из. Ян. Сем. Курякина, от двух до четырех с лишним месяцев времени, «столько что Мангазей от Тобольска и от иных городов отдалека, большим погодьем поспеть из Тобольска недели в 8, а если погодье шлет мало, в ходу живет неделя 13 и больше²⁾. При благоприятных обстоятельствах, особенно при сильном отсуеке, можно было поспеть и скорее. Так, в 1645 году кочка, отсуедавшая из Тобольска 31 мая, пришла в Мангазейский город 17 июля, т. е. менее чем в 7 недель³⁾. Вплывая на скорости плывалия имелись совершенные происходившие обстоятельства: своевременно отправлялись, попутный ветер, погода. 6 августа 1656 года отсуеки был, например, на Мангазее служивый человек Доместий Ташков с государственной собохой кочкой; 11 сентября он вернулся обратно в казнач вовода Ити Корсакову савозуею: «а воротанься-де, государю, они затем: как они вышли на море, и стрелы-де их тной государев вовода Семен Ларонов (воображались морем на Мангазею) и держал-де их на море почти до полвину дна, а им-де, государю, в ту пору был ветер пособный, а как-де они тот ветер упустили, и после-де того они на море стояли на стоях 3 недели, а пособных-де ветров им за море от Черныя кочия не было, а главных-де запасов у них на море не стало, и но-де из отстоков раздробило, и им-де было дождаться пособных ветров не затем, и заморозу побоялись. Так, из-за одного, двух дней задержки экспедиция не удалась; если бы не задержка, то восторж-де им на море под Черном косяю противные ветры, а за Черною-де косяю те все ветры были-б им за море пособные⁴⁾. Все написано, в конце концов, от случайности: «и в раннем ходу на море кочий погодьем разбивало, а по иным годам и в позднем ходу прихаживал здорово⁵⁾.

Морской переход совершался на кочках — примитивное устройство вальсовых судов об одной палубе, с взаимно укрепленными деревянными гвоздями, во которых можно было ходить..... Греблем и на маруах: но искусство людей и худое

¹⁾ Сиб. Присл. ст. № 145, лл. 291—292, № 342, № 328, № 1403.

²⁾ Р. В. Б. II № 254 (1).

³⁾ Сиб. Присл. ст. № 228, Обстоятели на морской проезд требовались при благоприятных условиях³⁾, изд. (Сиб. Присл., ст. № 119, л. 178 слок).

⁴⁾ Сиб. Присл. ст. № 228.

⁵⁾ Сиб. Присл. ст. № 93, л. 17.

знание мореплавателей было причиною, что можно было идти на них только по ветру, а боковыми ветрами мало пользоваться». «Киропетом, воссиявшем Фингар, егда отпущался бы идти на таких худых судах по морю, о которого никогда дед не сходит. Между тем, архангельгородцы в прежние времена не знали ни о каких других судах⁶⁾. Об устройстве кочек дает представление грамота царя Михаила Федоровича на имя тобольских воевод князей Гр. Сем. Курякина и Мих. Сем. Гагарина, в которой предписывалось, чтоб влотиния «делали кочия крепкие и лес в них был добрый, менший, и ушпалли, и конопатили, и смазывали, и скобами конопати убавляли крепко, и ковали, чтоб тесен (сиспод и сверху) не вышло, и во всем держали дельно.... чтоб те кочия в морскому ходу были надежны⁷⁾. Записки и товары укладывались в трюм, под палубу. На палубе устраивалась довольно несомнительная палата — каюта⁸⁾. При коче полагалось иметь 2 якоря и 2 «шкотов», т. е. шлюпки. Нисколько примитивно было устройство этих судов, показывает, то обстоятельство, что нормальным арским служивым кочей считалось не более трех лет, по крайней мере, при постройке государевых кочей предписывалось их «делать крепко и прочно, чтобы стояло годы на три⁹⁾.

Пускаясь в морской путь на утах и кое-как сделанных веплюжских кочках, русские мореходы подвергались на Мангазейском море всем ужасам «немерных погед». Редко проходила год, чтоб кочия на море не разбивало. В лучшем случае, приходилось экипаж «заменить» боям. С необычайной энергией потерпевшие кораблекрушение, едва спасшись сами на обломках разбитого бурей коча, добывали свои товары в мешки и мучкою, выкинутые на берег, если только не успевали их растаскать кочевники по прибрежным тундрам хаюмаи, и значительной мере кормившиеся «разбитыми» хлебом: «А которых-де тных государевых запасов, дождавшись слух, человек Василья Петров в 1642 г., что и осталось, и те-де все водою разнесло, а иные поскок шипело... и в те-де мешки водою мучи поскок шипело, а находили-де те мешки не в одном месте по кочкам на трех верстах, и те достальные мешки вороньей моржань и луровская, и надмешка саювады себе развезали¹⁰⁾. Мореплаватели,

⁶⁾ Ф и н с р. Сибирская история, 1744 г., стр. 205.

⁷⁾ Сиб. Присл., ст. № 334, л. 445.

⁸⁾ Сиб. Присл., ст. № 374 (дело о мореплавании восточной аму, палубной на кочу ушка барбареса А. Лихачева от казенной посылки).

⁹⁾ Предписание устройства кочей от: Сиб. Присл., ст. № 13, лл. 198, 206, № 63, л. 167, № 1666, лл. 161, 170.

¹⁰⁾ Сиб. Присл., ст. № 123 л. 61. (Индич-орен, впадована в Обскую губу, о Пур, впадована в Тазовскую губу, впадована впадована на этих реках, впадована впадована в прорезанки), ст. 1683, л. 405 (из этого письма слухи, и в это время впадована коч и впадована в коча разнесло и впадована впадована на реку и т. д.).

выброшенные на берег, либо шли дальше сухим путем «шартаем», либо сползали себе из обломков лодки и безотрадно спускались опять в море. Тобольские слушали люди, посланные в 1624 году на службу в Мангазей, писали, например, что «блуждши судом во губе морской разбило у них лод... и ошанде с великою нуждою выжили на берегу на тушару, днушею да телом, и зашли-де на берегу разбитое лачушино и в том-де лачушино доехали в Мангазейский город с великою нуждою»¹⁾.

После «скорного разбоя» пострадавшим всегда грозила опасность от дикарей, стороживших добычу. В 1649 году был отправлен в Мангазей с хлебными запасами тобольский пятидесятник Ларка Семенов с товарищи, «и как-де они будут в голодоманн (в открытом море) против солов, и в там-де месте учали быть ветр проливший, и стояли на том месте два дня, и на том месте шельма и ажоры переломались, и кот бросило на коньку и заморозило, и в шим-де пришел к тому коню самовод человек с 200 п... государями хлебные запасы, и соль, и судоние всякие: запасы, шаро и варные веревки, и у торговых и у служилых людей запасы и русские товары все потрабили без остатку, и кот пошел с их хотаяи водить до смерти»²⁾. Дело не ограничилось одним гробом. В 1656 г. самозванец Иванец Полю Худен рассказывал голышам на Обдори, «что разбило-де кот на море на Русским заводом, а на коче-де были многие русские люди, — и тех-де русских людей убил обдорская личная самовод, роду азеров. Там с товарищи, трех человек». Это подтвердили и другие личныи самоводы: «видели-де они, на кочке стоит кот, а в том-де коче бова с солью, а шим-де в нем ничего нет, и убил-де они, самовод роду азеров, туллички около моря, с того коча русских людей, двух человек, и против-де того коча нашли срубавшу русскую ивушкку и край моря на дороге семь вурт, только-де она в той избе и у парт русских людей не видели»³⁾.

Для характеристики условий «морского коча» может служить история кораблекрушения, имевшего место в 1643 году. В этот год из Тобольска 12 июля пошло два коча с хлебными запасами, один кот, на котором ехал везов назначенный в Мангазей дьяк Григорий Териев и один кот торговых и промышленных людей. Около 19 августа, у Русского заворота, разыгралась буря: случалась погодою мочи бити. Государские кочы и кот торговых людей еша отлого расступились; запасы с них ринесло по морю и по берегу, а люди выжили и брели на берег на медях и на досках и в корбах; а кот дьяка Гр. Териева «выкинуло» на берег цел, а запасы выметал вол, «и тот его кот выжило на кочке песком, и ту-де они стояли и тот кот из коньку потрабили и

о нем слышали две недели». После двух служилых людей и парубо в Тобольск с отпущинами «с том разбоя, сам Териев пустился в дальнейший путь; с негому и нему на единственный кот образовалось велика людей человек с 70, а 16 человек торговых и промышленных людей остались с том разбоя захватить у своих товарищ и запасы»: Териев шел парусом день, и «как-де они будут против Черных гор, Стоальной реки, и тут встретил кетер — север собою, и том ветром бросило кот на берег на сухой, и кот-де спать с меди во мочли, и стоял-де на том берегу и выдал, обидели самовод, и с того разбоя вошли партиями хожом берегом в Мангазей до Филиппова загорья за 10 дней, г. е. 4 ноября, все время отбивали от преследовавших их самовод: «но все дни учали на них самовод находить и дрались и ходу им не давали», отбили у них носовы парт с запасы, товары и оружием, при чем убили двух человек в одного рывани и голону отгрохон, да у дьяка Григория отгрохали на заре «робоночца служив». Самоводы предсказали им до Пуровского острова, где снова дрались с ними много время и рывали смертельно одного человека. Продолжая путь, несомыные достигли «Билового устья, а если да устья Тазовского от Черных гор 8 недель. Тут «выдал-де их голоду, потому что ни самовод, ходу не дали и запасы отгрохали», «стало името ни шув; ни есть», божия мука продавали за 7 руб., а пуд будет в 112 руб.; и стали слушались и промышленные люди с голоду пошарать; померло человек с 50, в том числе у дьяка Териева две дочери и племянники, и люди его померли-же. В таком положении он выехал в Мангазейский город несколько служилых людей «с вестью». Пошлины «едва с голоду добрели» до города, и один из них, «сривши в горд... с голоду и умер». Между тем, Гр. Териев с оставшими (своими служивыми) медленно подвигались вверх по Тазу: «шли голодными и шли Тазом 10 дней, и их велик голоду». Против Ледянского Шара Тазом, по будучи в состоянии двигаться дальше от немощных, был выжуден остановиться; с ним оставило его иша и люди и еще несколько человек, как и он, неспособных идти вперед. Сын боярский Дн. Черкасов и тобольский служивый зыльин пошли дальше, но уже на первом стану один из них, Костяка Галкин, отстал: «шты не мог, и после того и умер»; до того стая или три дни голодом, они ремеше и запасы (мошугу) подкалывали дню; на том стане остались еще два человека, которые потом померли. Оттуда они шли до Сухарева зимовья три дня: «и идучи как голод изжал, признавался» они немошественн, «и мы везово днуш свои скармлили, собани ели»: В Сухарева зимовье они лежали три дня. Здесь их нашли земледельц воеводой ив. Ухтомским, не получивши отписки Гр. Териева, на ивушкку к нему отряд мангазейских служилых людей под начальством сына воеводой ив. Федора. Кн. Федор послал своего человека с несколькими

¹⁾ Саб. Прис. ст. № 6, п. 227, «Лавровое» — тобольская зимовья.

²⁾ Саб. Прис. ст. № 130, дд. 482—483.

³⁾ Саб. Прис. ст. № 518.

служившим людям на них смешивать дымя Григорья; они пинали его против Ледянина Щара; с ним шли в ледяных балах его жена и еще человек шесть; остальные померзли от голода. Подоспевшие оставшихся в ледяных было ужасов: они дошли до того, что питались телами умерших, друг друга ели: «от великого голода поехали (одежды коня) и ремень и повод заки-кали, и собак, и мертвых людей ели». Их подобрала и на паруса поехали в город. Но пути, по волоту динца до города, в Шучей Курье, дьяк Теркс умер. Его жена и люди прибыли в Мангазейский город 14 января; всего пришло и было при-родочно человек с 20 служивших и промысловых людей¹⁾.

Опасности морского пути: «зимние погоды», «бедности и ханства, и убийство и смерть от шиповников, и голод и обжорство», — нечто не останавливало бесстрашных мореходов. На год в год бури на Мангазейском море совершали плаванье многочисленные партии торговцев и промысловых людей. В 1629 г. в Мангазею прибыло 30 кочей, а следующего выехало оттуда 12 кочей²⁾. В январе 1633 года прибыло морем 237 человек³⁾, в 1634 г. отпущено тем же путем на Мангазею 184 человек⁴⁾. В 1638 году на Обдорской пачасте зарегистрировано 244 выехавших из Мангазеи⁵⁾, а в 1641 г. через нее проехали в ко-чях в Мангазею 231 чел., и обратно из Мангазеи 319 человек, всего 660 чел.⁶⁾. Кроме того, морем ежегодно носились из Тобытской губернии ножи с хлебными запасами для мангазейского гарнизона, и из Мангазеи отправлялись государственные соборная масса, Морским же путем пользовались все ехавшие в Мангазею и обратно чиновные лица: воеводы, дьяки, мещовские и тобытские сыщики и другие.

Для большинства промысловиков Мангазея являлась лишь временной стоянкой на пути на Енисей и на Туруханск. Пробыв осенью в Мангазее, они дожидались лишь весны, чтоб идти на Енисейский волок.

От Мангазеи на Енисей путь шел вверх по р. Тазу и далее по притоку его Валоцине и в Скрулово озеро, затем «сросоками и «ремками» добирался до волока. Но мелководным сросоками можно был проехать лодки только ранней весной; позднее приходилось прибегать к помощи «срудов, парусных и земляных», т. е. искусственных заврух: «а тогда речки, лужи перед собою прудят шарука, а инок шарукает и воды покатит, на той шарукалои вода... до низа шарукалои шаруку сойдут»⁷⁾. Таким

¹⁾ Сиб. Прок. ст. № 154, № 181, ст. 288—297. Ср. Острожков, Вет. XVII в. (Рус. Стар. 1892. № 6).

²⁾ Прок. ст. ст. лет 1630 № 56, а. 21.

³⁾ Сиб. Прок. ст. № 26.

⁴⁾ Сиб. Прок. ст. № 121.

⁵⁾ Сиб. Прок. ст. № 78, а. 103.

⁶⁾ Сиб. Прок. ст. № 42.

⁷⁾ Так описаны старинные пруды на реках Лясково бассейна (Д. А. П., III, № 6, ср. у Иллина). Фине. Сибирского царства, стр. 102—103). Как устраивались подобные пруды, мы опишем по узлам.

способом, добравшись до так называемого «Енисейского волока»: «От крота до креста», т. е. от конечных пунктов волока, счито-лось сажень 700 или верста. «А волоки, господние, сухого, писал тобытскому воеводе П. И. Годунову мангазейский воевода Р. Павлов, «о озера на озере, куда вонит ледной запас, верста места есть или больше, да и по тому месту есть места мокрые». Через волок груз переносили на руках или перевозили на санях телесных, а лодки перевозились «состяко человеческих кочей». Перезагнав через волок, аступали опять в балочные реки, раскоп и озери, и «те топки, по озери и близ озера или по морю». Общую картину этих болот и «россох» дает описка мангазейского воеводы кн. Петра Ухтомского в 1646 г. «А на Туруханском, государь, писал он, «до Мангазеи путь-дальшой, нужной... едет по малым рекам и по рекам по та-ким, что мало и тек рекам и воды живет, да на том же, го-сударь, туруханском пути, с енисейской стороны на адямью мангазейскую сторону, на другое озеро, есть волок сухой с версту места, а реками с обе стороны волоку ходу есть верст с 23, и томи, государь, реками харбсом выхочет порозке без хансов, а залывая реками и через волок несет на себе и сами ходят берегом пени, потому что теми реками путь бывает сух и безводен, аazole реками грязь и болотина, и по тем, государь, реками путь—грязь до вода». Из «реки», через «Подходилое» и три других озера, поехали в Валоцине «сру-ку», называющую в Турухан, приток Енисоя. Общак прила-дочные пути от Туруханского в Мангазею определялись в 2—3 недели, в обратном направлении от²⁾, до 4 недель³⁾.

По условным передвижениям по «мелким и узким речкам» и по «озерам мелким и топким» этот путь самый нужней-ий за волоку был возможен лишь весной и ранней летом, так как к осени «речки плыва водою горалои мезки» совершенно высохли. Зимой существовал «ликий» путь; ездили также на оленях и на собаках, потому что «жонной дороги никогда не бывает». Мелочность была неудобна, и в тулках легко было заблудиться без «юка». Поэтому в 1654 г. мангазейский воевода Ига. Юреков распорядился устроить правильный тракт: «из Мангазеи на Турухан лесом лес топать и по туларам чумы ставить и дороги утверждать, чтоб та дорога вперед была прочна и спешелька... в вперед... по той дороге можно ходить велики лодки... без волостей». Проведение этого шоссе обошлось в сереб-ную сумму 2 р. 20 к.⁴⁾. Еще до устройства его, для обозначения пути проезжих людей на волоку волонки «молочники

¹⁾ Сиб. Прок. ст. № 567, ст. 713 65—715, 743—745 66, 604 66, ст. № 281, а. 119, № 121 (прт. Мещ. Валоцине, плуэт. 3 мая 160 г.) Тугова, Сибирь в XVII в., стр. 22—23, 57, 58.

²⁾ Сиб. Прок. ст. № 567, ст. 717 66, ст. № 281, № 435, № 602, Тугова, Сибирь в XVII в., стр. 21.

боши», с буретом, где продавался «шестой класс и бурело», и торговал домом для шкуры и жира, и «картанными» и «шестые казанды шкуры»¹⁾.

Описанный путь на Вилюи в течение первой половины XVII в. оставался наиболее удобной дорогой померонных промышленников. За него была тратилась, считавшаяся уже в XVI в., когда о зимнем пути на Вилюи еще не было известно. В пользу него была также тесная связь его с «черезкаменным» путем: промышленники, возвращавшиеся весной в Туруханск, попадали в Мангазейск еще во время, чтобы воспользоваться зимним каменным временем на Мангазейском море, и, выехав в конце июля или в августе, поселялись до заморозков на Обдоре, откуда успевали еще осенним путем перебраться на лодках через Канану и в октябре достигнуть Соли Выгодской и Устьема.

Тем не менее, опасность морского пути заставляла очень рано искать какой-нибудь новой дороги, которая позволяла бы избежать риска, связанного с плаванием по бурной Обской губе. В 1630 г., как сказано, мангазейский воевода Г. И. Кокорев пробовал обследовать путь Елагуж. Несколько позднее, в 1635 г., воевода Вор. Ив. Пущкин в дьяк Платов Спиридонов захотел использовать путь, которым туземцы, саамоды, ходили с Таза на низовья Оби, прямо через тундру. Мангазейские старожилы, служившие людям, на дороге подтвердили, что есть на Мангазеи дорога в Русь недалеко и прямо, за Обдору, да на Пустозеро. Этой дорогой пользовались во время междоусобной войны, именья место между мангазейскими воеводами в 1621 г., тогда же Гр. Кокорев, осаждавший в Мангазейском городе своих товарищей Палашкина. Помысли Пущкин обследовать эту «прямую» дорогу для установления шовенной с Тобольском и с Москвою кончалась, однако, неудачей, так как последние из голицы были убиты иранцами²⁾.

Вопрос об изменении маршрута на Мангазею и на Туруханское стал особенно остро в 40-х годах вследствие ряда катастроф, известных место на море. В течение трех лет, начиная с 1642 г., кочи терпели аварии и не доходили до Мангазеи. 18 августа 1643 г. под Черными горами их всех сразило без остатку, при чем едва не погиб ехавший в Мангазейск воевода И. П. Ухтомский; часть торговых и промышленных людей зимовала на р. Нура и в великом количестве приняла нарвским ханом в город, другие вошли с Нура и месту кораблекрушения для хлебных запасов и своих товаров, и в том походе сгинули похоронены больше 70 человек, а четверть человек, которые зимовали в зимовке и в набутке у хлебных запасов, воебли саамоды, а иные померли от цинги³⁾. В 1643 г. произошла описанно

ныне кораблекрушение дьяка Черныш. В 1644 г. разбит был один из двух кочей с государскими хлебными запасами, и сын боярский М. Режонин, отосланный по главе экспедиции, вернулся в Тобольск⁴⁾. Неприбытие кочей в Мангазейск означало голод для русского населения «бесшестипного» города, питавшегося исключительно присосланным хлебом. Гарнизон и сам воевода временно покинули резиденцию и переселись в Туруханск в надежде на покров от Енисейска⁵⁾. Эти катастрофы оказали роковое влияние на судьбу морского пути. Начиная с 40-х годов, он приходил в упадок и заменялся другими более безопасными дорогами. В 50-х годах упрочивается и приходе в Мангазейск лишь казенных государских кочей с шестопольными запасами промышленных людей: в 1654 г. пришло всего 6 человек, в 1656—7, в 1658 г., — их одного⁶⁾. Оноло 1667 г., после одной из чередных катастроф при переезде государственной обозной партии в Тобольск из моря, тобольский воевода П. П. Годунов своею клятвою распространился о полном прекращении морских поездок в Мангазейск и впредь «писать о том (о морском разбое) и великим государям, и что кочи отсюда, и впродоль кочевому ходу не будет, а космать через Енисейск»⁷⁾.

Следующим этапом в истории продвижения русских на восток был переход с Енисея на Лену. Едва был поставлен на Енисее Енисейский острог, как уже в том же 1619 г. енисейские служилые люди сообщали в Тобольске со слов туземцев, про бесчинную рязу, «что-де та рязь великая: от Туруганского острогу, который де ныне поставили Петр и Черкас, ахати до волюку 2 недели, да там-де волоком идти два дня до великой реки»⁸⁾. Тотчас по утверждению на Енисее, вызвались экспедиции служилых людей на Верхнюю Туруганску и на ее притоки, а оттуда волоком на переломы р. Кути, впадающей в Лену. Опытно, видели место подобие же экспедиции из Мангазеи, с Нижней Туруганки на Вилюю. Таким образом, в 50-х годах русские не только проведли два пути с Енисея на Лену, но и подчинили живших на них инородцев. Начиная с 1630 года, начинается уже планомерное обследование обоих путей. В 1630 г. енисейский воевода Ив. Сем. Ив. Шаховской, известный писатель и богослов, послал в Москву армянских ремесленников от Енисейска⁹⁾, а в 1632 г. мангазейский воевода А. Ф. Палашкин, человек тоже начитанный и образованный, арестовал в Канайский дворце богатейший лодкарь о путях с Енисея на Лену, сопровождавшийся острожником, г.-е. картею. В 1634 г. о том же писал в Москву енисейский воевода Андр. Пав. Жданников.

¹⁾ Сиб. Прок. ст. № 76, ст. 54 об-66, 68.
²⁾ Сиб. Прок. ст. № 178, ст. 133 след.
³⁾ Сиб. Прок. ст. № 124.

⁴⁾ Сиб. Прок. ст. № 120, ст. 5-6, 331-334.
⁵⁾ Сиб. Прок. ст. № 139, ст. 169.
⁶⁾ Сиб. Прок. ст. № 668, 669, 671.
⁷⁾ Сиб. Прок. ст. № 347, ст. 741, ст. № 805.
⁸⁾ Р. И. Б. II № 321.
⁹⁾ Об этом см. Сиб. Прок. ст. № 31.

В Москве заинтересовались всеми этими сообщениями, и, с своей стороны, в Колыванском дворце происшедший был вопрос призвавших на Сибиря служивших людей, и, наконец, в августе 1638 г. на «сповуз» реку Лену была отправлена экспедиция под начальством стольника Петра Галовина, которому, в числе прочих поручений, было приказано составить описание пути¹⁾. Во исполнение последнего распоряжения и была составлена в 1640—1641 гг. карта и к ней «ростки» против черткою рекам и порогам от Енисейского острова до Ленского волоку, по которым шла на государеву службу на великую реку Лену... стольники и посоводы П. Голенин, М. Глебов, дьяк Кудриний Филатов во 148 г.»²⁾. Таким образом, течение десятилетия с 1630 по 1641 г. пути с Енисея на Лену основательно обследованы.

При первом же знакомстве с Леной выяснилась важность двух путей, одного—южного, сплавившего Енисейск с Якутском и другого—северного, шедшего из Мангазеи или, точнее, из Туруханского. Из этих двух путей, по волеитам причинам, первый приобрел более важное значение и сделался общепользуемой дорогой в Якутск, служивший административным центром Ленского бассейна.

Южный путь шел от Енисейского острова вверх по Енисею до устья В. Туругуски и дальше вверх по этой реке до устья Палма. Начальнее по В. Туругуске было сопряжение «с вознами грузом и большою нуждио», «великие ради быстрны и больших порогов и необычных»; «с судовой ход тамеи и нужди, река Туругуска быстрей, и пороги великие. Особенно опасных порогов насчитывалось четыре: это были «первый Туругусский порог», иначе «Стрелочный» («камья по всей реке великие, и вода zelo быстра, и волны великие от камня»), Муринский порог из устья р. Мурия («с того порогу верста со двое»), Камин порог («с том месте вода быстро, и по всей реке лежат камья великие, и вода бийет мелкая, и допаны не проходить») и Алпанский порог, «место самое нужное» («во всю реку Туругуску лежат камья великие, и об те камни воду бьет, и для того водны и быстрей великие»). Кроме того, «впроем больших порогов» имелись «спотыки быстрые места», так называемые «шнверы» (например, ояк Вындомский, называвший так во времена алпанского воеводы Т. А. Вындомского, потерпевшего здесь аварию). Оладывая шнверы, называли по такому же поводу по фамилии другого воеводы Н. Д. Охадина, Обсиная шнвера и др.). На больших пороггах приходилось выгружать и обвешать «на ромак свинки весь груз, «я ничего же не обает от потребных в судах

тук», и в длуином случае сплавивались в доках», т. е. пороженим записи в небольших доках; свинки же суда сплавляли камнями человек по 70 и больше», пользужь «в небольших порожених местах, где камней нет». Через такие «ворота» «шлиаки допаны великие шипотом и бичевою рос, что есть на допанке людей; а только обаетом на допанке пять человек, которые шают ворота, где допаны проводят». В сухое лето, однако, через такой порог, как Камин, «протануть не могут никаковыи керомы», «к для того идишь по 8 и стоишь и дожидаетца парусного погоды; а как парусного погоды не будет, и в том месте идишь»³⁾.

Из В. Туругуски влеклась в ее приток Илим. И тут опять впадение затруднял многочисленные пороги: большой Илимский порог и другие «быстрые места», через которые таким же образом «свальной суды камнями», а записи выгружали и обвешали на себе». Первоначально по Илему подымались до устья р. Илгирмы, а с устья р. Илгирмы шли уже волоком. Позднее установился другой путь—до устья р. Туры, выходящей к Илим недалеко выше Илгирмы, и отсюда волоком⁴⁾.

От устья Илгирмы или от устья Туры начинался так называемый «Ленский волок», который шел к верховьям реки Муки, принадлежавшей к бассейну Лены. Волок был небольшим, но трудный, так как «дорога лежит через камья». Часть пути «до колоды» груз провозился на лошадях вьючным способом; дальше «сг колоды» можно было везти уже «на тележках». Несмотря на трудности первого перехода, пеший человек с воном делал его в один день⁵⁾.

Зимой шли волоком, пользужь нартным путем, прямо к устью р. Муки, чтобы избежать длительности и тяжести сплавления по этой неводной речонке. «А зимняя дорога слыла с Палма реки левит через камья», говорится в «ростки» П. Голенина, «на усть Муки реки». Зимний волок требовал приблизительно двух дней. У впадения Муки в Куру, приток Буны, дождались «свальной воды» и, поделав струны, шли на «зодо» дальше на Лену⁶⁾.

В виду важности Ленского волюки специально служившие люди уже в 1680 году поставили на нем острожек, впоследствии Илимский острог, который обеспечивал русским господство на пути с Палма на Лену. Здесь же образовалось большое промышленное становище, служившее центром для промы-

¹⁾ Р. Н. Б. II М 121. О воеводе А. Ф. Палмане подробнее в моей статье, посвященной этому удивительному администратору, в сб. «Восток (год рр. А. И. Захаровича и М. Д. Прозоровца, Петр., 1905).

²⁾ Д. А. Н. II М 89 (1).

³⁾ А. М. Ю. Быстро, статья № 34 15, а 213, А. М. II, Д. Кат. двор., № 26 5, Д. А. Н. II М 97 11, 10, 99, III М 6 Р. Н. Б. II М 213. Шиборок II воевода, стр. 628. Пуркозские Оооф д р а н, стр. 87—101.

⁴⁾ Сб. Прок. стр. 26 31, а 285, М 245, а 117 статья, М 63, а 740, Р. Н. Б. II, М 213, Д. А. Н. II М 93, стр. карту Мангазейского уезда Ремеоова.

⁵⁾ Сб. Прок. стр. 26 52, а 239 статья, Д. А. Н. II М 99, III М 6.

⁶⁾ Сб. Прок. стр. 26 51, а 284, Д. А. Н. II М 97-67, 38, III М 6, VIII М 100. Тагань Сибиря в XVII в., стр. 62, 62.

шляхных и торговых посредничестве далее на восток: «торговым и промышленным людям съезд живет на Ленском волоку большом». «Приехали мы, государь, с Русн и по Сибирских городов и Илимской острогу», говорится в одной записке, поданной торговцами и промышленными людьми в 1657 г., «к торгую на Ленском волоку, в Илимской остроге и в уезде и на усть-Куты река и на великий реке Лена... Да мы во, холопи и спроти твои государны, отушаем с Ленского волоку вниз по Лене и по сторонам рекам и по Оленке реке на соблазны промысли выкручению своих и наших людей... и, на Ленском волоку, покупая хлебные напаси, и отушаем своих выкручеников вниз по Лене реке и по сторонам рекам и по Оленке реке». При невозможности в один навигационный сезон добраться с Русн до Лены, на Ленском волоку зимовали заволакившие промышленники из озимости спа Лене реке от худой в дальном месте на «пустоелье замерзнуть». Иные, наоборот, «исторговывали на Ленском волоку, и которые промысливают на Лене реке до пяти речных близ Ленского волоку, и те..., не быв в Якутском остроге...» (курт) и Русн и в Сибирские города». «Для приезда торговым людям уже в 1639 г. на волоку был устроен госянный двор с торговым «на хлебные их напаси и на русские товары для торговля», но, по-видимому, еще раньше богатые торговцы люди, вроде Ивана Святишнина, Афанасия Федотова и других, обоснались здесь собственными алпарами и избами¹⁾. Религиозным и общественным центром становилась была, поставленная «по общему русским торговым людям», часовня, служившая местом ширяса сходаж²⁾. В виду крупного торгового значения Ленского волоку, еще до основания Якутска, здесь был организован под наблюдением епархиальной таможнейный набр сбор таможенных пошлин. С устройством самостоятельной таможни на Лене, ленские таможенные головы посмкали на волон псевдальники³⁾. Через Ленский волон, как сказано, доходили до р. Муки, впадающей в реку Куну притоку Куты. На Муке приходилось делать плоты, потому что река Мука—«мелководная и мелкая, таскает на ней на плотах великое пуле» и большое по 20 пуд., и те-де в омуте многими топят». Точно были также «мелкие» и реки Кута и Кута. «А Мунож и Курон речани в устье, где та Кута река в Лену дакт атыл будет», писал в 1645 г. воевода Вас. Пущина: «на плотах, и в малые-де судах и в струящих отидае будет итти немочно, потому что те-де, государь, рени камениста и малая, ходит по ним судам только в одну зимнюю пору, как поволодые бывает...

¹⁾ Саб. Прис. ст. № 420. Дель Якутск. правд., в. III № 16, а. I № 288. Д. А. Н. II № 47, 22.

²⁾ Дель Якутск. правд., в. I № 8. Титов. Сибирь в XVII в. стр. 32, 62. Нумановский Сладфарма, стр. 120.

³⁾ Д. А. Н. II № 67.

в плотника на той реке промышленные люди делают малы, только поднимают пуд с 20, и вездо, бродя, с жамени те плотника сымают стогими, а те-де речни, плути, перод собию прудат шуртсе».

На Куты выезжали в Лену. Из устья Куты промышленники сподлгождо адуктавалось число торговых и промышленных людей, и имела место оживленная сирропража⁴⁾.

Общая продолжительность пути из Кинешки до устья Куты определялась срочностью П. Голенина, на основании собственного опыта первого якутского воеводы, почти в 6 недель (82^{1/2} дня). Фактически требовалось гораздо больше времени, так как в сходу... мешата на судах и за порогами; на порогтах приходится стоять по долгу, а в них вездо по две. Болд перот. Скабарзо, то на Камане порога стояли иной раз неделя по 8. В общем итоге, на дорогу шло гораздо больше времени. Вас. Пущина в 1645 г. «на поздним водным ходом» шел, например, от Кинешки до Ленского волоку 13 недель без двух дней⁵⁾.

Северный путь с Енисея на Лену шол по притоку Шанки Тунгусан—реке Титес. С верхозов Титот в течение двух дней (вездо; лето—6 дней) шли волоком и выходили на реку Чурку, подпадающую в Чону, притоку Вилюя. По Чуруе сирропался с большим трудом вследствие ее мелководности, потому что это «речка малая, а не судовая, только-де большая веза живет восток от ситого». Из Чуруи выходили в Чону, из Чоны в Вилюй, из Вилюя в Лену. Точных сведений о продолжительности этого пути нет, так как сведения, сообщенные А. Паллишиным, несомненно, неверны⁶⁾.

Путь Вилюем имел большое значение до тех пор, пока Мангазей оставалась крупным центром собственных промыслов. Им ходили на Лену промышленные люди в поисках новых «соболиных мест» и мангазейские ясачные сборщики для сбора ятаса с широродов. Он же служил до 1640 г. для военных экспедиций, посланных на Лену на Тобольскую черту Мангазею. С основанием Якутска и подчинением всех якутских земель по Лене и ее притокам ведомству якутских воевод, роль Вилюйского пути в деле обеспечения ленских широродов и сбора с них ятаса отпалада сама обою. Вместе с тем, в Якутске создавался новый промышленный центр, в котором не могла конкурировать Мангазей. В 40-х и 50-х годах промышленные люди, «которым промысли не удалсь» продолжают, однако, ходить на Мангазей «на пово на Вилюй и на Лену реке»⁷⁾.

⁴⁾ Саб. Прис. ст. № 243, а. 117, Д. А. Н. II № 67, 89, 111 № 4, № 100, IV № 24, Р. Н. В. II № 213. Ср. Гале 11 г. Реже, ст. 230, стр. 2.

⁵⁾ Д. А. Н. II № 59 (II, № 36. Нумановский Сладфарма, а. стр. 96, 87.

⁶⁾ Саб. Прис. ст. № 62, а. 294 стр., № 60, Р. Н. В. II № 213.

⁷⁾ Саб. Прис. ст. № 310, а. 110 стр., № 94, а. 463, № 139, а. 167, № 250 а. 261, № 321.

парусного плетра (по другим сведениям трое) суток и следовать дальше на восток вдоль береговой линии.

Поездки по окладу и кустарной постройке кожан представляли собой предприятия, полное опасностей и риска.

Сильно задерживали «ветры с моря, приливные»³ прибывавшие суда к берегу, но главное препятствие составляли покрывавшие поверхность северных вод «льды пластинки»: «на море, по словам мореходов, «льды ходят и кожи колют». Кочу «обжали с великою нужею промок льды»: с непомерным трудом мореплаватели «из того льду выламывали и проносили ваяды», когда их зашурло в колодези в большие льды, выбрала «нек льдом поперек» и дигалась «конец сиюю» что шаледю воде земли... по протокам. Если льды были тонки, то пробивались через них «о парусе», но при этом плашки и прутья у кочей испротивались.

При неблагоприятных условиях корабли, выстигнутые зморозом, замерзали в открытом море. Тогда приходилось выдаться пешком на берег «по роюльному льду»⁴.

Судьбу мореходов, затертых льдом, живо рисует отписка якутского служилого человека Тимофея Будаксова, который осенью 1651 года плавал по Ледовитому океану во главе «старавна по 5 кочей».⁵ Проти устья реки Хромы — «притвистка кочная шора, стало темно, и шутрие море стало, замерзало». «И мы, Тимофея» пишет Будаксов, «стали пятью кочами на простой воде вместе, а в земли недалеко. И стали в том месте три дня, и лед начал быть толщиною на ладань, и кочии выволочиться на землю за партах, и в Сиемь день (1¹/₂ сентября), волею божиен, потонули ветры отдерены от земли в море, и в две о льдом отнесло в море и несло нас со льдом в море плетри сутки, и на море ветры утикли, и лед в море остановился, и море сплыло и замерзало сиюю шорью; и на третий день начал лед человека выламать, и мы ушли проводить землю, к которой стороне, но убоишии смерти, ходить по человеку и по два и по три». Так выбрала на коч служилого человека Андрея Гурелого, тоже вымривший во льду. Продолжали разведки, посылая с каждого коча два «проводивания» земли по три человека. Но через несколько дней внезапно «о моря вода прибыла и начала лед комать, и носило нас в море плетри сутки и ветры притхали, и начал поперек меренуть». Как только окрест лед, мореплаватели, «и хотя на тех кочах напрасно нужною смертию помереть без дреж

³ Д. А. Н. II № 86, III № № 75, 76, 78, 79, V № 65. М. х. л. е. р. Описание путешествия якутской по Ледов. и Восточному морю с Российной стороны ушюных (в Колеж. Сов. за 1765 год), Краевед. и ист.-геогр. Описание земли Камчатки, II, 1765, стр. 261. С. г. л. б. л. в. Восточно-сибирские путешествия козаков XVII в.

⁴ Д. А. Н. III № 79.

и без хару и с соляной морской вода перешихать...» в море лед ходит по волнам без ветру и затрает томя льды заторы большие... — «решиши опять попытаться разыскать путь на берег. Настроены у всех были подлиннее: «что до ны и сами перешипали в кочей, и земли-де по воде, в которой стороне вышдем и на каторе место, и будем ли живи или нет...» «а прже сего такого гнева божиа не бывало и не сызвали, что тот путем морским ни бывал, а таков заносе». «И как мы, Тимофея с служилыми и торговыми и промышленными людьми пошли с кочей и земле, повелелет Будаксов, «а в те поры на море льды ходят и достальные кочи ломает и валити (выгнуривание из кочей) теми льдами разнесит, и мы на парках и на березках друг други перешихавши и с льды на льду перешихавши и, плучи во льду, жоры и одежу дорогово метали, а лодок от кочей с собою не везли, потому что морем, плучи, омыкали, волоча не в мочь, на похю божию усталось и от кочей шли во льду до земли девять дней: а, вышед на землю, поделали партия и лажинские, и, якоже, «холодны и голодны, ваги в бою», достигли Удвинского зимовья.

Полное опасностей плавание, ползание мореходы много страдали от недостатка свежей воды и продовольствия, и среди них очень часто спротивозвокала шанта «от морского духу и зальнего кунного пути».

Несмотря на все эти препятствия, морским путем продолжали ходить торговые и промышленные люди, отбывая на кочах берег и заходя «для торгу» в устья северных рек. В 1636 году, например, в Ледовитый океан Леною вышло 40 человек торговых и промышленных и 10 служилых людей. В 1651 году в устье Лены съехалось 8 кочей, в дальнейшем пути они встретили 4 коча била устья Лны, и дальше за Хромыю один коч, затертый льдом. В 1687 году на Интигарку прибыл государев коч с 5 служилыми и 35 промышленными людьми, и через некоторое время 4 коча торговых людей. Таким образом, движение по «стелюму морю» в XVII в. представляется нам довольно оживленным⁶.

Обшир торговый надзор, который переживало Московское государство в результате ликвидации шунты и призыва которого определенно обрисовывается в 40-х годах XVII столетия, выразился в энергичных поисках морского пути на восток в целях, главным образом, экспансионистских морских проникновений, «и в познаниях обогнуть северно-восточную оконечность Азии, «необходимый намъ», который «в море прошех далеко... стемом, а кочю шито не знает, обещать вольны, потому что льды не прошиуют» и который мы теперь называем Чукотским мысом. Летом от реки Колымы до этого мыса бежали кочами на шарусах «одним летою,

⁶ Д. А. Н. II № 86; III № 79, V № 65. Т. ч. о. в. Сибирь в XVII в., стр. 36, 61.

а малх люди не пропустят, и в то время ходят тоды по два, и по три, и больше». В 1645—6 году партия казаков во главе с Иваном Ерастоиным предприняла в Якутском промисл—на Ленское устье чинить морен в пралугу створону, вод восток, на Яну и за Обьёвню и за Алазеину, за Колыму река—на новую Погоичу реку, т.-е. на реку Писка, шадящую в Берингово море и шадящую от мста Охотского ⁴). Проект этот, конечно, не осуществился, но в 1646 году воевод Исай Игнатьев обследовал Чаунскую губу, выяснил торговые сведения с обитавшими на ее берегах чукчами и привез богатую добычу моржового зуба. В следующие годы имел место ряд не успешных неудачных экспедиций из устья Колымы, шведских пелью, обогатив «не-обходимым» козенным вод. В 1647 г. экспедиция из 4-х козак, снаряженная козменней торгвыми людьми во главе с козменорцем Федотом Алексеевым, потерпела неудачу и вернулась обратно в Колыму. В 1648 г. попытка была повторена в большем масштабе, но на шести судах, входивших в состав экспедиции, один был разбит близ мста Дежнев, остальные разошлись по морю, Федот Алексеев пропал без вести, а только поч, на котором ехал известный Семен Дежнев, был бурей отнесен далеко на юг, «пропавши Анадырские устья». Так же неудачна была в 1648 году экспедиция служилого человека Мух. Студухина из Колымы на реку Посигу, устье которой он рассчитывал достичь «зарусным походом» в трие суток. В итоге была признана практическая невозможность обехать «срднний вод», который там и остался «не-обходимым»: «водного пути нет, потому что хребет перекрывается в море». Однако, некоторые результаты обследования пути на северо-восток дали, разумеется, не параднично Приказная, «созмнение: соединяе ли Ледовитое море с Восточным, амыкающим с востока Сибире, затем южнее области Даурии и Ниханью и, наконец, царство Китайское; или же моря эти, то-есть Ледовитое море и Восточное или Китайское отдалены друг от друга какою-нибудь материею, простирающимся от Сибири на восток?» ⁵).

Тому же подъему торговой предприимчивости в 40-х годах XVII века мы обязаны открытием выхода к Восточному океану. Эту в историю не только завоевания Сибири, но и мировых географических открытий— составляет провинциальное в XVII в. русских на реку Амур, которую Спафарий считает четвертой по «большим и славным» рекам Сибирского государства: «первая Обь,

другая Енисей, третья и после тех двух течет Лева, а четвертая и последняя есть река Амур» ⁶).

Сведения о реке Амуре стали приходить с самого начала 40-х годов. Выва русские утвердились на Лене, как уже отдельные служилые люди из Якутска начинают производить поиски новых земель, а выходит на воду, ведущие на Амур. Уже первый якутский воевода, стольник Петр Головин, заинтересованный открытием Максима Перфильева и других служилых людей, поручил в 1643 г. пашмаченному голове В. Д. Поварову найти дорогу к Лене по Шилку ⁷). В течение ближайших десяти лет дорога не только была найдена, но русские начали привлеченный успеха даже утвердиться в одном из туземных городков на Амуре. И тут, как при захвате пути в Сибиря Строгановичи, за дело принялись частные предприимчивости. Поход Хабарова, отраженный за его личный счет, за предств, взятые частным же образом владимир якутского козлова Д. А. Францискова, представлял в первую очередь не столько интерес государства дела сколько «пашачество» самого предприимчивателя. Тем же, может этот разбавивший набег, распространивший ужас среди мирного населения Даурской земли, широко отрезав русским дорогу в этот пресурий край. Воевода П. Н. Авилов, на долю которого выпала ликвидация многих ослеплений, вызванных походом Хабарова, в 1652 г. поручил десантнику Никите Проволокше «спешить пути с Лены на Амур, «чтоб похолодно про нее было ведомо и распорядился «то все... писать на речках, и в других городах и рекам... чертам на бумаге начертить водный, спешивее» ⁸).

Несколько позднее пробрались на верховья Амуре японские служилые люди, обосновавшиеся на берегах Найвильского озера. Путь с Солонги на Шилку был обследован Петром Беголовым, по поручению воеводы А. Ф. Пашкова, в 1652—1653 г.г. Таким образом, выяснена была возможность пройти на Амур и с Енисея.

Дорогой на Амур, «из Даурии» в Моисее заинтересовались в 70-х годах в связи с вопросом о сношениях с Китаем, так как шибкоже удобным путем туда представлялся путь именно «через Даурию». При снаряжении посольства Спафария, в Посольском приказе были собраны все доступные материалы о маршрутах в Китай, в частности и о Даурском ⁹). Самому Спафарию было поручено «спешивее испросить мерзави хакренко» дороги в Китай и представить им чертети. По прибытии в Тобольск, Спафарий расспрашивал местных жителей, «русских людей и бухарцев и татар», и на основании их показаний установился на пути черте

⁴ Путешествие Спафария, стр. 132.

⁵ Д. А. Н. И. № 50. Из. О-ва Ис. в Дрем. 1833, I.

⁶ Д. А. Н. И. № 29.

⁷ Обширнейшие Архивы в Иркутске и Пролоконе и Путешествие Спафария.

⁴ Охотские реки Посиги с рекою Пенком см. у Д. С. Берга, Известия Беринговому промислу к его берегам во Беринга и Кука (из зап. до Удесграфта, т. II (XLIII), изд. 2, 1833 г.). Маллер сообщает о пути Посиги за дровами шибко Александр (Ленин. Сов., 1756 г., январь, стр. 16). Его отбытие из Якутска поделено в «Исторический, капитан, Огородников (по истории колонизации Сибири. Исторический Якутский земли. Чита, 1932, стр. 77).

⁵ Д. А. Н. И. № 76 т. I). О. Г. С. Берга, в. Семен Дежнев, М. и Л. в. Беринговому промислу к его берегам во Беринга и Кука (из зап. до Удесграфта, т. II (XLIII), изд. 2, 1833 г.). Маллер сообщает о пути Посиги за дровами шибко Александр (Ленин. Сов., 1756 г., январь, стр. 16). Его отбытие из Якутска поделено в «Исторический, капитан, Огородников (по истории колонизации Сибири. Исторический Якутский земли. Чита, 1932, стр. 77).

⁶ Д. А. Н. И. № 76 т. I). О. Г. С. Берга, в. Семен Дежнев, М. и Л. в. Беринговому промислу к его берегам во Беринга и Кука (из зап. до Удесграфта, т. II (XLIII), изд. 2, 1833 г.). Маллер сообщает о пути Посиги за дровами шибко Александр (Ленин. Сов., 1756 г., январь, стр. 16). Его отбытие из Якутска поделено в «Исторический, капитан, Огородников (по истории колонизации Сибири. Исторический Якутский земли. Чита, 1932, стр. 77).

Енисейск на Солонку и Амур¹⁾. Веденный им старейший список пути от Тобольска до Китайского государства явился действительно описанием пройденной им дороги. Таким образом, в Невольском приезде постепенно накопилось обширное знание по сибирским путям. В 80-х годах их имел случай видеть, пользовавшийся благоволением всемогущего кн. И. В. Голицына, французский путеш. Ф. Априля, который в 1693 году напечатал русские маршруты в Китай и ознакомили тем самым ученых круга Европы с открытием русских в Восточной Азии²⁾.

Примечательные сведения о названных разнообразных «волоках», посредством которых на еленях можно было переходить с верховьев различных речей Лесного бассейна на реки, принадлежавшие к системе Амура. От них сведения об этих волоках получали и русские служилые люди³⁾.

В деле завоевания Даурской земли главную роль сыграл так называемый Тугурский волок. Путем через Тугурский волок совершила свой поход в Дауры Ярофей Хабаров, в 1699 предположил дальнейший путь особенно выгодно, так как первая часть им велась все сношения с Албашном.

Путь этот шел по притоку Лены Оленке. Подобно В. Тугурке, течение по Оленке было затруднено обилием «порогов и швер больших камней». Пробивался сквозь «тамень», Оленка образует десять порогов; впрочем, эти пороги были доступны «водою и большими судами». За камнем «порогов нет, ход судейский добрый». Из Оленки выходили в ее приток Тугур, по которому уже ехали без затруднений до реки Ныжи (Нюжен) или Нюжи (Нючю). От Нюжи начинался волок, через хребет шли на верхах до Амура 12 дней⁴⁾ (по другим сведениям «с полками пешего хода» в 8 дней). Волок приводил к устью р. Урки, или Уры, впадающей в Амур, где делали суда и спускались в самый Амур⁵⁾. Другой вариант того-же волока вел на р. Амзар, впадающую в Амур несколько выше Урки. Это был маловодный река, с порочами в ширину, на которых приходилось разгружать суда и «сбрасывать груз на берег»⁶⁾. Продолжительность пути от устья Оленки через Тугурский волок до Амура составляла в 11 недель 5 дней, по одним

сведениям, и в 8 недель 2 дни и даже в 6 недель 2 дни по другим⁷⁾.

После похода Я. Хабарова путь Одиноком и Тугуром сделался большой дорогой для военных приключений и промышленности, стремившихся за легкой добычей в Дауры, и якутская администрация в 1686 г. была вынуждена устроить на устье Оленки заставу, «для вобору в Дауры служилых и промышленных и всяких людей и помещал крестьян»⁸⁾.

Крупные значение Тугурского волока вызвало борьбу за обладание им между двумя соперничавшими на Амуре народами: русскими и китайцами. Русские в делех экспедиции являлись основными на нем в 1658 г. Тугурский островок, служивший складочным местом и стоявшим по пути на Амур. Впрочем, он проступствовал водою. Разгром казаческ китайцами в 1669 г. и основание Ширинска, которому предстояло сделаться центром русского владычества в Даурах, способствовали заступничеству Тугурского островка уже в первой половине 60-х годов. Около 1670 г. китайцы, с своей стороны, пытались восстановить городок под Тугурским волоком, чтобы отсюда «спереть на Оленку и тою рекою идти под... великого государя город» «собрать лека с покорежных русских и корольев»⁹⁾.

Наряду с путем по Оленке и Тугуру в первое время русские пользовались для сношений с Амуром также другим притоком Лены, Алданом, и некоторые считали этот путь «ближе и короче» и лучше Оленки реки, и порогов нет. Он был открыт в 1648 году писемными головою Вас. Поирювом и шел по Алдану, далее по Узуру до устья Гомома и вверх по Гомому. Последняя река была «порожистая», и по ней «трудом судам на широк порыхались». Из Гомома входила в р. Нюенку, от которой начинался волок через Зейские хребты. Волок приводил на р. Еркулку, впадающую в Зейю (Зюю), приток Амура. От устья Алдана до Амура Вас. Поирюв шел 12 недель, в 3 дни¹⁰⁾. Подлежащее название и другой вариант этого пути: с Алдана по по Узуру, а по другому его притоку Тонтору, и из Тонтору в Катын; затем шел волок, который в 6 дней приводил на Зейю. Всего от устья Алдана отходило 10 недель 5 дней пути¹¹⁾.

Путь через Зейские хребты, так и Тугурский волоком, являлись соперничества между русскими и китайцами. Политика Степана Онуфриева послужила на Зее островок вызвало противодействие со стороны китайцев, и в 1675 году Николай Спафарий во время переговоров с китайскими дипломатами в Науче был

¹⁾ Путешествие Спафария, стр. 138—163, 165—168.
²⁾ P. A. Avril, Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, 1693, стр. 142—145.

³⁾ Д. А. И. № 96, III № 26; стр. Чт. Оля Ист. и Др. Р. 1861, I. Первая ссылка относится русским через тугурское по по притоку р. Витима-Цыганя, впоследствии, однако, не имевший крупного значения.

⁴⁾ Путешествие Спафария, стр. 135, 164. Д. А. И. III № 26, 29, 130, VI № 126 (II). Топог. Сборн. XVIII в., стр. 33. Д. А. И. III № 26, № 29, № 25 IV № 66.

⁵⁾ Д. А. И. III № 28, IV № 60.

⁶⁾ Д. А. И. VI № 130 (II). Путеш. Спафария, стр. 161. Первое название привозилось, стр. Д. А. И. III № 26.

⁷⁾ Д. А. И. IV № 83, VI № 103, VIII № 21.

⁸⁾ Д. А. И. VI № 28.

⁹⁾ Д. А. И. III № 28, 29 и 30, VII № 74 (XXIV) Чт. Оля Ист. и Др. Рос. 1861, I.

¹⁰⁾ Путеш. Спафария, стр. 165.

вынужден «поступиться» десятинами тулгуским, названным за Зое реке, но уже в 1677 г. русские основали острожек на верховьях Зои и через два года еще два острожка Селиванский и Долонский, чтобы держать в своих руках, всю Зои. Острожки эти, особенно Долонский, представляли серьезную опасность торговцам интересам китайцев, поэтому на Зои «строились для торговли с туземцами. Китайское правительство в 1688 году предостерегло урядникам русским частям с требованием их уничтожения; в результате перчинский вождя Войной распорядился эвакуировать Долонский острожек. Зои уступил не удовлетворенный китайцев, и в 1688 году на Амуре возникла сильная китайский флот, под предлогом которого близ устья Зои была заложена крепость Айгун (Сахалин-Ули-Хото), после чего русские острожки на Зои были разорены китайскими войсками.

С отказом московского правительства от Амурс, по Перчинскому договору в 1688 году, закончилась почти столетняя борьба с китайцами за путь с Лены на Амур. Зато сохраняется себе значительный трестный путь, путь с Енисея — на р. Нерту, впадающую в Шилку, звется Амура.

С Енисея путь на Амур вел вверх до Черной Тулгуки мимо устья Илэма. По мере того, как берега делались все более гористыми, течение Тулгуки превращалось градами камней в сила, образованных почти неисчислимыми порогами. На каждом из этих порогов приходилось разгружать суда и «обходить» берега «по берегу горам», «для лептоса и сердитого порогу и для того, что на том пороге дошияки разбивает много», а суда тянуть «великими занавоза русскими людьми и тулгуское человки с 60». Самыми грозными, «ужасными», были пороги Шеманский и Падуи. Сфафарий так описывает Шеманский порог: «река расширяется поперек версты на 3, а обходит порог 4 версты... А порог на два-шесть версты, и на том пороге по всей реке лежат камни самые большие и мосто быстрее; и об те камни воду бьет, и от того волна, будто горы. И на обоих берегах утес каменной реко высочай... И Шеманский порог много во «вращив». За Шеманским порогом следовал Долный, и за ним Падуи. Последний отличался особенно опасным: «река с том мосто широкое с версту, три зашкак чрез всю реку село крутые, говорит протопио Алмаку, еще пороги, што волновою, нво в щель впадают». «И нужное сего порога Падуи и Шеманского по всей реке Тулгуске вези», восклицает Сфафарий, «... а называют порог Падуио для того, что дошияки разбивает много». Далее идут пороги Падный и Нохмелный³⁾.

³⁾ Айгун основанная крепость был китайцами за земей берег Амурс. А. М. И. Д. Китайские дела, т. 16 № 3. Сиб. Писем. стр. № 53, а. 16 (за не Шеманского порога поднимают и подымаются на воюю). Писем. Сфафарий, стр. 103—104. Relation de Voyage de M. E. L. d'Alban стр. 177—178. Писем. Сиб. лет. XVIII в., II № 82. Путь на В. Тулгуку в предель пороги протопио протопио. А. В. Якубович (Китай, стр. Арх. Коп., стр. 31—32, 34).

У Братского озера В. Тулгука раздвигалась, принимая слева р. Ому; отсюда верхнее течение носило в XVII в. название Ангара, в настоящее время приспавляемое обычно всей В. Тулгуке. Путь шел далее вверх по Ангаре мимо озера Балзанского и Иркутского и Байкалу, из которого она вытекает. «По обе стороны устья реки Ангара горы великие каменные, высокие и лесные, описывает Сфафарий выход Ангары на Байкал, «а устье Ангары будет ширины больше версты, а на Байкале течет великою быстротою река Ангара, и на тех высоких гор задеть горы на Байкале свежий и прельщенный»⁴⁾.

Байкал перешагнул в наиболее узком месте, от устья Ангары и устья Селенги, све больше с том месте широко: «судам переходят парусами, перебогоят и в заливе становится от ветров в застою. По словам Ремезова, «ночью перебогоят днем в Селенгу; Сфафарий утверждает, что шле «меньши суток не перебогоят». Зимой перебогали на спящих, по Ремезову тоже в один день.

Другим направлением, в котором совершался переход через Байкал, было направление на Баргузинский остров: «перешагали через море на остров Олхан, и видне острова ходят динше, а от острова Олхану до Святого Носу, где переимазуются, путьна великая, кажуту в 1^{1/2} динше потуг переимазались, а для того в тех местах много суда разбивают». Перешагали в этом направлении Байкал выходили в Баргузинский Куятук, откуда через «камень» спускалось 1/2 дини ходу до Баргузинского озера. Несмотря на то, что этот путь «с великим страхом приехали», он долгое время служил официальной дорогой, которой ходили «добывания с занавоз на Камосека (для дурских гарнизово) и торговые люди через «бре... для торг». Такое направление объясняется, по мнению, главным образом, положением Баргузинского острова, являвшегося административным центром Зейбольда⁵⁾.

Переход через бурное Байкальское озеро считался чрезвычайно опасным. Окруженный, «что в камне, каменными горами, «будто стенами», Байкал казался русским путешественникам непомерно высоким и страшным «Пришлиши вет, только все утес да камень, и, какым словом рощи, ступило ишащие тем, которые прежде сего на нем не бывали, потому что везде крутые обогот горы прельщенные спящими и лесы непроходимые и утесы каменные», писал Сфафарий. «Взду к берегу прельстали», вспоминает протопио Алмаку, «мостада бурь ветрениа, и на берегу выстуи мосто обрали от волн. Ономо сго горы высочине, утесы величине и село мисоин, 30.000 верст возмолчал, а не видан видне. Наверху их волотия и вова-лушиа, врата и столпы каменные и дром, — все боготделенно». От окрестных широд:

⁴⁾ Писем. Сфафарий, стр. 106—117.

⁵⁾ Сиб. Писем. стр. № 208, а. 340. Чертежи каита Ремезова, а. 16 А. М. И. Д. Кав. Писем, т. 16 № 8. Писем. Сиб. лет. XVIII в., II № 82. Писем. Сфафарий, стр. 122.

лив русские переживали суверенный страх перед «святым морем», которое они считали опасным объектом называемым «озера»; при переезде через него они воздерживались от вина и табака ³⁾.

С южного берега Байкала открывалось несколько дорог на Шилку. Из Баргузинского острога ходили «сухими путем» верблюдами и конями, чрез преросские горы, напели и лосы и белота, с великою трудностью... такого нужного пути нет; Зимой на горах лежал снег сичичуватую сивды, а в иных местах и большаи сажени, и чрез тот снег приходилося просеивать дорожку топорами. При благоприятных условиях до Нерчинского острога шли вередли две и больше ⁴⁾.

«Трудность этого «нужного» пути заставляла искать новых дорог. В начале 50-х годов XVII в., по поручению воеводы А. Ф. Пашкова, енисейские служилые люди обследовали путь чрез Нерчинский водос. Путь этот шел вверх на Солонги, затем по притоку ее Шилку до озера Прегна и Ераклее, затем озерами и водоканами в р. Ингоду, которая, соединяясь с р. Перено, образует р. Шилку. Волос между верхним концом Хилки и Ингоды определяется одинаково всеми источниками в один день пути. Нерчинский путь врасширении шилки притоком Алаукум: «иногда дошли до Прегна—озера; волос тут,—стали лимом волочить...; везено на плотах по Ингоде реке попадали на изв... Сило кичего есть, люди уцали с голоду мереть и от работаша водами бродили. Река малая, плоты тяжелые... Ох проехали тому». Нерчинский путь был завершен в 1663 году постройкой и началом похода Иркутского острога, но продолжался им недолго, и в семидесятых годах он был почти совершенно заброшен ⁵⁾.

Третий путь с Байкала, который в последнюю четверть XVII столетия сделался общепотребительным, шел с Солонги «сухими путем» по берегу ее притока р. Уды, затем направлялся в трех Еракинских озерах, сч. будут те озера крутом вверх в 20 и больше, и рыбы в них шухи и шилы велики есть, а выживают их Еракинскими, одно большим, а другое средним, третье меньшим. Далее шли мимо оз. Толубы на реку Чугу и на Ингоду, в которую она впадает и выходила на Шилку ⁶⁾. Это был тот путь, который ехал в 1675 г. Спафарий, а после него Ибрагим и Лянте. Он сделался официальным дорогом в Китай, которой долгое время велась вся дипломатическая и торговая сношения с этой

страной. Ряд укрепленных пунктов возник на всем протяжении ее от Сехонги до Шилки: В 1668 г. у впадения Нерчи в Шилку был поставлен Нерчинский острог. Ко времени приезда Спафария на озерах Толубы и Еракинском стояли Толубинский и Еракинский остроги; послезанию их предвещала большая будущность: «и во время свое будет тот острог великий, потому что место, где можно жить шилым людям». Сам Спафарий обратил внимание на необходимость построить острог на р. Уде: «и подле реки Уды, писал он, сделать и острог ставить и буди делать и местах laborодного омыкать можно ⁷⁾. Возвратившись вскоре после того Удинский острог сдвинулся, но выражением Ибрагима, «ключом Даурин» ⁸⁾.

Продолжительность пути от Киньсейна до Нерчинска указанной дорогом зависела от времени года и от направления. Ехавшие частыми зимним путем, Спафарий и Ибрагим употребили на него приблизительно одинаковое время, один 26 недель, другой 21 неделю. Возвратившись летом, Ибрагим воспользовался течением реки Алаури и совершил посылку много быстрее, менее чем в 12 недель.

Кроме реки Амура, выходящей в Лены в Тихий океан служили русены в XVII в. реки, впадающие в Охотское море: Уль, Уаля и Охота.

Все пути на побережье Охотского моря шли по притоку Лены — Алаури и его притоку Мае, на которой в средине XVII в. образовалась Майское зимнее. Отсюда можно было «совершенно проехать «чаи ливом» на оленях в 4 недели до р. Уды к морю. Всего на приезд с устья Алаури до моря требовалось 5 недель ⁹⁾.

Другой путь шел вверх по р. Мае до Волочатки; здесь начинался Удинский водок, который проходил «сухим» партиями по одним сведениям в 8 дней, но другим в две недели и достигали р. Сикки, впадающей в Уэлью, и Уэлью спускались в Охотское море. Наплавая по Уэлью было сопряжено с некоторыми опасностями: «рзедь великия быстра, и убоиха мест по ней много, и служилые люди неоднократно терпели на ней аварии: в 1641 году судно Семева Киньсея «обросло на камень... среди Уды реки», «сталою чужь живых бог виден»; несомненно ранее Семейку Шаховича разбило у Волочатки Война шилки. По точному подсчету от Майского зимнего до моря можно было проехать в 7 недель 6 дней ¹⁰⁾.

Наиболее употребительным путем во второй половине столетия был, однако, путь, ведущий в Мин на Охоту. Путь этот шел вверх по Мае до устья реки Юодою, далее вверх по Юодою до устья Горбыши; здесь начинался волос (Юодоинский приток), ведущий

³⁾ Путешествие Спафария, стр. 117—128, Grand, Relation, стр. 76, L. La Roche, Journal du Voyage à la Côte de Beccel de Voyages Nord, t. V, стр. 391. Житие Алаукума, стр. 41—42, Д. А. Н. VII № 47 (9).

⁴⁾ Путешествие Спафария, стр. 132. Сиб. Прис. ст. 36 308, з. 340.

⁵⁾ Д. А. Н. III № 24 № 121, IV № 21. Путешествие Спафария, стр. 109—127, Телос, Остеро в XVII в., стр. 31, 47, 106. Черныи Ремеслова, з. 20. Житие Алаукума, стр. 24. Фистер, Сибирские истории, изд. 1774 г., стр. 666.

⁶⁾ Путешествие Спафария, стр. 136—140 Grand, Relation, стр. 78, сиб. L. La Roche, Journal du Voyage à la Côte, Ср. название озера Прегна—Сиб. Прис. ст. № 308, п. 341.

⁷⁾ Путешествие Спафария, стр. 136.

⁸⁾ Beccel du voyage en Nord, VIII, стр. 75.

⁹⁾ Д. А. Н. VI № 100 (11).

¹⁰⁾ Д. А. Н. III № 24 № 121.

на реку Егудую, приток реки Урала, или непосредственно на Урал. С Урала было темо два пути—либо волжком на Охоту, либо вниз по Уралу до моря, откуда до устья Охоты было, по подсчету Гмелина, всего 10—15 верст⁷⁾. Длительность пути и трудность переезда через Юдомский крест заставляли часто предпочитать более короткий, хотя не менее тяжелый, сухопутный путь из Якутска через Амур (Амгальская переправа) и Ахлун (Бельская переправа) на Юдомский крест и далее на Урал. Начиная с Бельской переправы, начинались, по выражению Гмелина, «поразительные горы, через которые проехать невозможно на телегах, приходится поклажу переносить на выючных лошадях и оленях». «Вообще об этой дороге объявить можно, что она... столь беспокойна, что труднее проехать дороги представлять нельзя», пишет Крашенинников, «ибо она лежит или по берегам рек, или по горам лесистым; берега обломками камней или крутым сероватым так усыпаны, что таковыи лошадей довольно надвигать-ся нельзя, как они с клики на клику летят». Несмотря на все эти трудности, сравнительная быстрота сухопутного пути (нескогим более месса от Якутска) сделала его общепотребительным и началу XVIII века. По подсчету, сделанному в 1724 году, общее протяжение его до Якутска равнялось 600 вехам иркутскоахлунским переездом сибирским⁸⁾.

С основанием в 1649 году на устье Охоты Косого, впоследствии Охотского остроиска, сделавшего административным центром Охотского «поморья», путь через Юдомский крест приобрел преобладающее значение.

Такими важнейшеи пути, открывшие русским доступ в восточную Сибирь. Легче усмотреть, что условия передвижения по этим путям мало отличались от тех, которыми задолго до открытия Сибири русскими их предки — скитанье — пользовались по Восточно-Европейской равнине: способы проталивания лодок по узким и медноводным речонкам и рекам, перевозка товаров судов и грузов через сужие волоки, прохождение «судных» порогов в шивер оставались те-же, какие применялись еще в X веке и раньше. Вместе с тем, изучение этих путей и условий плаванья по сибирским морям и рекам дает конкретное представление о тех реальных трудностях, с которыми сталкивались русский человек в своем откликом движении на восток, и о той затрате энергии и силы, которой требовалось от него преодолеть дикие пространства северной Азии.

⁷⁾ Д. А. И. IV, № 51, VI, № 128 (11). Пак. Сиб. ист. XVIII в. II, № 20, 116. Г. и с. 11 в. Мелан, II, стр. 540—541 (Риски здесь названы иркутским р. Елей, иркутским и Ахлун) У. G. o l d e r's, Bering's, Voyages, I (a American Geogr. Society Research Series № 1) N. Y., 1922, c. стр. 18 прилагается также с карты Юдомского волока 1725 г.

⁸⁾ Пак. Сиб. ист. XVIII в. № 20 и 115. Г. и с. 11 в. Рейс, II, стр. 540—542 Кр о ш е н и н н и к о в, Описание земли Камчатки, II, 1765 г., стр. 271—290

ОЧЕРК ТРЕТИЙ.

РУССКОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ЗА УРАЛ.

РУССКОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ЗА УРАЛ ¹⁾.

I. Русское продвижение до конца XVI века.

II. Открытие и завоевание Сибири в XVII веке.

III. Дальнейший ход открытий и завоеваний до середины XIX века.

Русское продвижение на восток, через «Камень», в Северную Азию, завершившееся захватом всего пространства земли от Урала до Тихого океана, является продолжением того длительного процесса освоения русским племенем путем колонизации великой Восточно-Европейской равнины, значение которого в русской истории так блестяще выразил В. О. Ключевский. Характер этого продвижения, методы и цели завоеваний, отношения, в которые колонисты становились к туземцам, — повторили, вероятно, и в XVII веке и даже позже приемы славянской колонизации финского Поволжья, и научно-колонизационных явлений за Уралом раскрывают конкретно процессы, происходившие за много веков раньше на территории собственно русской.

Стремление русских за Урал определилось очень рано. Новгород, нуждаясь в пушнине для торговли с Готенным «заморьем», с такой же быстротой, с какой впоследствии Москва овладела северной полосой Азии, распространил свою хищническую

¹⁾ В основу настоящего очерка положены труды главы этого «Петербургского очерка» заведение Сибири до половины XIX века, изданного в 1922 г. во II выпуске издания Комитета Сибири при Русс. Геогр. Общ. и Сибирской Колонизаци. Комиссии: «Очерки по истории колонизации Сибири». Глава это послужила материалом для I и III глав и I раздела IV главы «Очерков истории Сибири» В. П. Огородникова (Издательство, 1924 г.), повторившего многое из сказанного в этой же главе образом, подзаглавленного научные труды и исследования из выводов. В настоящее время глава эта дополнена оберткой русского продвижения за Урал до конца XVI в., служащая введением к издательской в этой книге записки Сибири.

История открытия и завоевания Сибири еще в XVIII веке превратилась была разработана И. Я. Ладером, труды которого до сих пор являются основным источником при изучении этого вопроса. Последняя литература лишь дополняла и отчасти исправляла в деталях составленную им историческую схему. За рубежом XIX века в этом отношении заслуживают особого внимания монографии В. П. Вуннбергера и И. П. Оглоблина, которые внесли много ценных новых данных: *Путешествие американской ученой Ф. Гольдбер для первоначальной очерк русской колонизации в Сибири до половины XVIII в.* (F. A. Goldber, Russian expansion on the Pacific 1641—1850 (ч. 6, 1750) Cleveland, 1914).

они живут Юра и Печора, и здесь живут Чуди и Самодья или торговые люди и промышленники¹⁾. От Устья шла «цуть удобоводе» на Ваюгу в Перискую землю, и город этот естественно сделался очень рано исходным пунктом торговых сношений с ильменскими землями и промышленными местностями в периских леса. Во второй половине XIV века на устье Выны образовался вогонна периских владки, под протокот которых попадают северю туземные вымызы влявля, а потом и лаураллиши отвали. Позже, после завоевания Казани, «охочие люди» начинают ходить за Урал Камозю, и одновременно на пороховых Иамы разламывают владения Строгановских, имевшие тенденцию расширяться за Камыш и долину Тобола; походы Строгановских «замесных владков» открыли русским доступ на берега Иртыша.

Таким образом, русское продвижение за Урал, в ранние времена, постольку оно может быть определено по скучным сообщениям историков, происходило двумя способами. Впереди, на год ходили на промыслы куницы и охотники проторжили дорогу, восточнее образовавшую промышленными слободами и землевладельцами. Вслед за ними шел крупный предприниматель, обосновывая во вновь открытых землях и, пользуясь, как базой, основанным им в ограниченной области городком, продолжал захват населенной широкими территориями.

Государство выступило в самостоятельную долю значительно позже. И Новгородская республика, и Московское государство в своем стремлении к расширению границ на восток, действовали очень осторожно, предпочитая использовать результаты деятельности частных лиц. В этом отношении особенно показательна политика московских великих князей. В течение ряда столетий они ограничивались тем, что посылали, по соглашению с Новгородом, свои промышленные экспедиции на север и поддерживали «замесных ботв» в их борьбе за независимость и периских владки в деле проаганды христианства среди ильменских широтелей, а позднее, правда, с значительными колебаниями, санкционировали Строгановское наступление на Сибирь.

Начавшись почти с незапамятных времен, русское продвижение на восток шло до XVI века чрезвычайно медленно. Путь на Иаму был закрыт ильменскими татарами, путь Печорю был длинным удален от главных центров великорусской народности; впрочем, спрос на меха был еще сравнительно велик, и в издешней торговой деятельности Галин, сохранявших с разгромом новгородской торговли и закрытием ильменского двора, должен был еще более возрасти. Поэтому долгое время потребности рынка в меховых изделиях удовлетворяли обширные районы, главным обра-

¹⁾ Об торговых сношениях с ильменскими землями первоначально торговали гонимцы усть в Земле Дмитрия Рудомышова (XIV в.). Цитата из летописца у М. П. Смирнова, Перелазный Календарь, его прилож. к летописи, М. 1911 г., стр. 161.

зом, по юго-востоку Урала — Печора и Пермь¹⁾. Во времена еще Герберштейна, лучший соболь, шел исключительно с Печоры, а быша из Кавказской области, из Перми, Вотки, Устюга и Вологодки и Амш. отчасти из Сибиря²⁾. В Торговой книге, оговаривая условия которой относятся к концу 70-х годов XVI в., упоминается в первую очередь периские «собольники»³⁾; о приходе соболей на Москву из Перми говорится и в периских Строгановских тех до 70-х годов⁴⁾.

В середине XVI века промышленники, однако, в ильменской ильменской отрасли также перемены, которые неизбежно должны были вызвать сильное возмущение спроса на меха и, как результат, более энергичное наступление на восток. Являю в итоге развития торговых сношений как с Западной Европой, так и с Востоком. Уже знаменитое Смоленское в 1514 г. приоткрывало как бы двери для торговли с Польшей и Литвой и способствовало выделению из ильменского купечества особого разряда «мошкитов». Но реальные изменения имели, несомненно, открытые для ильменских морского пути в России в 1565 году и создание русенского торгового порта первоначально в Рудомыш (с 1568 до 1581 гг.), а после вытеснения на Балтийском море, в Архангельском городе на Белом море (1565 г.). Одновременно завоеванные Казани и Астрахань, отдал в руки Москвы весь торговый путь на Волге, открывало доступ в рынки средней Азии и привело к заключению торгового договора с Шемахой в 1563 году и посылкою бухарского и хивинского посольств Москве в 1567 году.

И с запада, и с востока, наряду с другими видами сырья, русскому рынку предъявлялось повышенное требование на пушнину: за дорисов соболей, шапкоти и с пушни и с погтя, по всем землям в цене, как сказано в Торговой книге. В иные годы, если верить Флетчеру, купцам турешим, персидским, бухарским, грузинским, армянским и некоторым ином христианским стран вывозили мехов на северными бассейнами сумми⁵⁾. В действительности в XVI веке оживилась торговля русской пушпины. Английские торговцы агенты рывалит по всему северному Новгороду для скунки мехов, просят на Печору и в Рогоний городок на Урал и уже в начале 80-х годов XVI столетия перебираются через Урал на Обь. С своей стороны и русские купцы, вроде Степана Творюкова, делают некоторые попытки завладеть

¹⁾ См. деп. карты истории XVI в. оладария Петра Павла (в Калб. изобр. ил., стр. 30).

²⁾ Иван. Максимов, стр. 36.

³⁾ См. Мухомов, № 202. Оговаривая условия Торговой книги Смоленского города 1515 (составленная в конце) — 1561 (под предводительством Рудомышова торго).

⁴⁾ Введенский, Угол. дом XVI—XVII в. (в Печенгском суд.-мех. историч. музея, под ред. Захарова и Казана), стр. 33—34.

⁵⁾ Насильев (Huguenin's Library) II, стр. 288.

непосредственные сношения с Западной Европой³⁾. Но пушнина, почти целиком, поглощается иностранным спросом. В 70-х годах в Москве «соборной продажной» добыть было почти невозможно, и за шкуру надо было высылать «к Вытегра и на Вызм, и в Пермь», чтобы перехватить мягкую рухлядь, шедшую в Колтоваторы. Но случалось, что даже у Соли Кавской «отрядышкам соборной не добыти, но только добрых, но и худших, как писал Никита Строганов в 1614 году, «к у которых торговых людей было соборей с весны, и те все спускал к Валаматорам и заманил на всеобщий товар»⁴⁾. Иностранным спросом определялись внутри страны цены на пушнину в зависимости от того, в какой мере был «ход» соборной «у Архангельского города в Новым и в живабытам... и в Лягу во Вязьмы, и в Свинской пруду», как заявляли московские торговые эксперты в 1629 году⁵⁾.

Открывшийся спрос на пушнину со стороны западных рынков всколыхнул русских промышленников и предпринимателей, толкнул их на открытие и захват новых «соборных мест». Начинаясь энергичное «проездывание» путей на Урал. В 1574 г. Строгановы выступают с проектом захвата дороги вглубь Сибири путем постройки на свой счет на Тоболе, Иркутке и Оби ряда укрепленных пунктов. И в конце 70-х годов, по их поручению, состоявший у них на службе нидерландец Оливер Браншель обследует путь на Обь как сухою через страну сазоков и Сибирь, так и морем, вдоль берега на восток от Петрова под его же руководством, Строгановыми подготовляется экспедиция морем в Обь для открытия дороги в Китай. Около 1580 года имеет место славянский теми же Строгановыми поход «вясских князев» под предводительством Ермака, закончившийся разгромом Сибирского царства. Несколько позднее, в царствование Федора Ивановича, москвитин гость Дура организует морскую экспедицию — «проездывати Обского устья».

В результате подобных предпринятых и ходивших «охотных» людей на промысла на Урал, часть территории западной Сибири в начале XVI века была обследована до известной степени освоена русскими.

На севере, Петровским путем, русскими промышленниками «на восточной стране, за Югорскою землей» была открыта богатая пушиным зверем Мангазья, первые известия о которой в рус-

ской литературе относятся к началу XVI века⁶⁾. В 50-х годах рассказаны о «Мангозиях» заинтересовались англичане, и, может быть, подлившимися ускланилась тага поморских промышленников в эту сторону; от середины XVI в. идут уже точные сведения о морских поездах поморов в Обскую губу. В 70-х годах «Нунчалев» (Мангалев) уже была хорошо известна русским⁷⁾, а во времена Флоренца, посетившего Россию в царствование Федора Ивановича, на московском рынке лучшим сортом соборной почитались, наряду с печорскими — мангалевскими (Мангалевскому)⁸⁾. В конце столетия Мангазья была фактически захвачена торговцами и промышленниками людьми, ходившими туда из Поморских городов и закрепившимися за собою свои мирные приобретения постройкой укрепленных факторий: на пути, «не дошед Мангазев», и в самой Мангазье они поставили остроги и городки; на месте одного из таких городков в 1601 году Мангазейский городок; другое укрепленное зимовье, «ирусский городок», в верховьях Тала существовал еще в начале XVII в. На этих городках торговые люди объясняли туземцам и «хлад» с них имели торговать их собою.

На Мангазю русские пришли и в «Тингузия» (Тингозия), о которой упоминает уже Генрих Штаден в записке, представленной в 1577 — в г. пфальцграфу Георгу Пфальцу графу Фельденштейну⁹⁾.

В конце столетия Енисей был несомненно достигнут, и туда ходили торговые люди с товарами и на промыслы «ворем в Обью», о чем стало известно голландцам уже в середине 90-х годов.

В середине XVI века отмечается движение в Сибирь и по другому пути — Камью и ее притокам: порогам едут на Тобольский возок «на своим товаром торговати» еще в первой половине столетия. С падением Казани в 1552 году, путь этот сделался совершенно свободен, и по нему устремились вагачи «охотных людей» на промыслы и торговые люди, «соблазну куплю доиди». В 1578 году черемисское население захвачено ирропскою частью партии русских купцов и «палачиков» на Каме и на Чусовой — 87 человек были ирропско ирородными, другие сплавляла благодаря связи с туземцами ивильскими¹⁰⁾.

3) См. также по вопросу австрийца, в котором упоминаются старые «старые сказы», «могучие мангозия, азия отыскала и XV в.; но, в виду известия Давидовича об авторе этого сказания, вероятно было бы не стоило бы на Никольском предположении этого имени. Название Мангалев приурочивалось к северной восточной части Обской губы.

4) Г. Штаден в «Записках Прокопия (изд. М. и С. Соболевскими, вып. II, стр. 40 и 41 (первое был в Москве в 1564—1570 годах).

5) Наизуат II, стр. 298. В дальнейшем (см. очерк, изд. Суворовыми, стр. 18), перепечатывает «Историческое, по это, название, ирропско».

6) Mittheilung aus der Livland. Geschichte, XV Bandes I Heft. 1829. Kap.

7) Об этом и Жданов Грехов (см. выше).

3) Р. В. И. XVI, № 25. Карантин. Изв. гос. Русс., т. IX, вып. 200. Шербачев, Восток, вып. № 144 (в VII т. О-м вып. к др. Русс. за 1916 г.).

4) Введенский, Торговая дом XVI—XVII веков, стр. 110.

5) Сб. произ., стр. № 24. О великом изобретении на восточном ветру на архангельский и на север чинаков XVI в. см. подробные сообщения Никола Николаевича (Восток, вып. 200, о России, стр. 40—41).

Вслед за ватагами промышленников упрямое настаивали на Югорской Камени и Стреланозе. Если осов на Каме, они уже в 1674 году выдвигают себе грамоту на постройку городов на Тоболе и его притоках и на Иртыше, которые должны были служить опорными пунктами для промышленного движения — «охочим людем на опоче».

В результате боек Турок или «Тухчи»¹⁾, как называли эту область в XVI веке, был еще до Вржика подчинен русскому владыке, и «Тухчи», как видно из царской грамоты 1674 г., жили как в Казахе; одновременно и остатки, жившие «круг Тухчи», стали склоняться к признанию власти московского государя. Штаден, бывший в Москве в 60—70-х годах, выказал поэтому Ташета (Ташета) в южной русской владениях²⁾.

С 1674 г. Стреланова приступают к планомерному освоению угодий «на Тухчи и на Тобол»³⁾, завершившему около 1680 г. сдвиганием большой экваториальной под начальством Ермака и распространением границ их восточн от Урала до устья Тобола, на всю территорию бывшего Сибирского царства. Завоеванная на их частные средства, новая сибирская вотчина Стреланых, и составляет некоторое время под их непосредственным управлением на тех же основаниях, как и прочие их владения, умовань собой принадлежания им всецельные богатства.

В конце XVI века дело захвата земель за Уралом принимает другой оборот. В дело энергично вступает государство. И тут, как и в отношении частных предпринимателей, главной побудительной причиной являлась потребность в пушнине для обмена на европейские товары. Как всегда это бывает на первых стадиях торгового развития, власть в Московском государстве являлась самой крупной участницей, превращаясь монополией, в зарождавшейся торговле и была поэтому, по мере частных предпринимателей, заинтересована в захвате областей, поставивших на рынок пушнину.

Не имея, однако, достаточно хороших сравнительного аппарата, не обладая необходимой гибкостью и тем умением, которое вырабатывается опытом, государство продолжало действовать очень осторожно, придвигая ити по степеням частные предпринимателей, конкуренция которых оно не могла

¹⁾ Вспрос о «Тухчи» до сих пор остается невыясненным. В сохранившихся документах это название не встречается, и название Динь-сир-ва, означавшее Тухчи в Ташкентской коллекции Туркских уезд до меня не удалось решить. Во всяком случае, это — не марк, а страна, ивара, судя по контексту, лежала в верховьях Тобола, так как в грамоте 1674 г. упоминают о Тухчию восточн край принадлежат туркменам и Тоболу. Упоминается название Тухчию только в 70-х годах XVI в. и, очевидно, впоследствии было изменено другим. Делю имея предположить, что так называемая область от Урала до восточн отведенной упоминается название Штаден веро, название более в топонимическом смысле область Ермака.

²⁾ Г. Штаден, стр. 116, 117.

Первые попытки Московского государства проникнуть в страну ханов отводятся ко второй половине XV века и являлись как бы итерационным завоеванием восточнорусских земель, по традиционному в размерах походы 1486 и 1489—1500 годов дали в сущности очень незначительные результаты, установив лишь возможность иметь московских великих князей над обширными населенными землями Оби. Планомерное наступление за Уралом началось лишь во второй половине XVI века и идет по первоначальному скорее дипломатическим средствам, чем волевым. После падения Камани, в 1656 году принял себя вассалом Москвитин владетель Сибирского юрта Эдигар, тоский соперничавшим с ити из-за престола бухарским вассалом, и принял на себя обязательство уделить дань пушнине; после его поражения и смерти, расширившей на его место Кучум не решился сразу повредить эти вассальные отношения и некоторое время продолжал считаться данником Москвы. Одновременно в 1658 году Московское правительство послало данников в «Югорскую землю» для сбора дани с князя «Соранидской земли»⁴⁾. (В отношении якутских племен взыбывалась, ити образцы, известная, довольно последовательная политика; Москва проникала их под свое вассальство, обустраивая скотоводы и от сторон беречь, под шеем руною дикими, и в обмен требовала: «дань со всякого человека по соболю», грош, в случае широконюсности, «построю сабаню»). Агрессивная политика Стреланых до известной степени нарушила эту систему, и из Мошине раздалось гневные жалобы на то, что они «хитрятся и востают и пелланы от нашего жалования отбили и захватили, и войною на них приходили, и тех задором в сибирском сабаню нам соорили».

Так в этот порный момент завоевания Сибирь сталкивались интересы государства с интересами частных предпринимателей.

По мере того, как промышленная окупация западной Сибирь принимала более определенной характер, правительство постепенно изменяло свою политику и использовало эту окупацию в своих интересах. Захват Камышка «нашинами князьми Стреланых» вызвал возмущение правительственных войск на Туре под начальством кня. Поховского (в 1684 году), а князь Ишан Мисурова, а утверждение промышленников на

⁴⁾ Нам «Соранидской» Грошом 1656 г. не содержалась в подданстве. Князь, разрозненный Ишаном в Сибирь (Истор. Вестн., № 127, стр. 11), представлял много опасений. Неудачно решившаяся попытка восстановления промышленников до сих пор не привела к положительному результату. С своей стороны, князь, что под «Югорской землей» надо понимать «Югорскую», так как ины государства о некоторых князьях и восточном, и в этом отношении правили и обширнейшему в дикую территорию. В своем заключении, князь, что князь Ишан не признается: «на Камышке, князь «Соранидской», государство, надо почитать в степь «Соранидской или «Соранидской» делю, о которой известна дань».

берегах Тавозской тумы привело к спариванию пришельством двух завоевателей в Мангазее в 1600 и 1601 годах.

Конкуренция со стороны государства не могла не вызвать суровой оппозиции со стороны тех русских элементов, которые раньше проехали за Урал. В имжее верны мангазейским воеводам открыто предостерегалась возможность, что «густотерады и вымачи, и заряе, и перичин или иных которых торговлю торговлю люди учнут поровнати по проклятому и мангазейской и онойсией самодви говорить, чтоб государю отвору у них в Мангазее зареде не быть, чтоб торговати им в Мангазее и в Енисее великими мангазейскими товарами. Ходили думе слухи, что похоро со стороны самодви, которым означивалась экспедиция 1600 года, произошла не без участия русских торговых людей».

На путях в Сибирь русскому наступлению первое время служило претрадом бояцкое и казачество скитных туземное татарское государство, обложок пекана государственной Золотой орды. Сибирский юрт⁴, политическим центром которого являлся в XVI веке расположенный «на горах ливенских» у ливенки Тобола с Иртышем город Канлык или Искер, соединивший преднюю степную Тимань (Чинги-Тура)⁵.

Сибирский юрт состоял в XVI веке из ряда более или менее независимых татарских и туземных княжеств, весьма слабо объединенных под властью сибирских ханов. Это политическое царство, раздробленное из ряд плохой связи между собой племенных владений и объединенное чужим внешним образом под своею властью татарскими, оставших и возмужавших князей, магметов и азияцкое, были мало способны противостоять сильному удару со стороны немногочисленного, но более культурного и хорошо вооруженного пришельца. Слабости Сибирского юрта способствовали же иррегулярности в течение всего столетия соперничество за сибирский престол между бухарскими шабанами и кестыми боями (Тавбутия рода). Неудачно введя походом Ермака «сибирского царства» Кучуму, сыну бухарского хана Муромца, удалось завладеть столицей Сибири и убить князя здесь Эдигара и брата его Бек-Булата, но сын последнего Седр-Ахмет (Сендик) продолжал удерживать самостоятельную независимость. Сознания свою слабость, сибирские ханы только после вхождения Казани признали себя вассалами московского государя, и одно время Эдигар, а за ним и его воевода Кучум объявлялись были князьями дань в Москву, но подчинение это было только номинальное. Пользуясь дальностью расстояния, Кучум не только не исполнял

этих обязательств, но и стал открыто признавать агрессивности в отношении к своим русским вассалам: он захватывает речные пути, ведущие из Сибири за Урал, поднимает своюю длинную шибанскую вогушину, переводит «Ташки к себе», собирает дань с восточных «данных отиков», и племянник его Махмет-Буд ужи в 1673 году вторгнулся в русские пределы «дорогу провадизи» на Пермь.

Поход Ермака, произведенный с очень небольшими силами, вряд ли мог иметь целью завоевание Сибирского царства, о могуществе которого русские имели преувеличенное представление: имелось в виду, вероятно, только власть со боя и без боя доки с туземцев и вернутся с добычей. Предприятие увеличилось неожиданным успехом. Сибирское царство распалось от первого удара, и после первых неудач от Кучума стали отходить его вассалы — азиатские от него журы и бии. Еще слабее были связи, соединявшие иррегулярные племена с татарскими вассалами: поход Чуринина, где Кучум пробовал задержать валаков в их наступлении на Каштан, первыми разбегались вогушеры и остальные ишаньи и тем способствовали поэтому его поражению. Не будучи в силах ослышать дальнейшего сопротивления, Кучум с своим народом покинул свою столицу и отступал в степи, и «племенные князья Стругановы заваяли изюмной азиатский город, после чего окрестные иррегулярные и татарские князья, ведание послали Кучуму, немедленно «подчинились вассалу победителю. Таким образом, экспедиция, снаряженная Стругановыми, закончилась на первых порах разгромом Бучумова юрта. Из случившего разбития юрта — поход Ермака превратился в большой государственный зачаток предприятия, подобно походу Шизерре и Альмагра, снаряженному за счет Фернандо-де-Лука и завершившемуся присоединением Перу к испанским владениям южной Америки.

Частички средств были удирать произведения завоевания было, однако, невозможно, и только после занятия Каштанки и князя, и сами Стругановы горюхотели обратиться в Москву на помощь и поддержку.

Наступление Стругановых первое время встречало мало сочувствия в Москве, нарушая традиционную систему отношений в сибирских иррегулярных, которой здесь держались со времени Ивана III, не рассчитывая достигнуть вооруженными средствами прочих успехов на дальнейшее окрание. Когда же предприятие, затеянное сибирскими князьями сибирскими, представлялось захватом столицы Сибирского царства, практическая важность свою тактику и, не имея еще на ведение Стругановых завоевательной территории, считая нужным ослабить военную поддержку в лице кня. Сем. Волховского и Их. Глухова, которые были отряжены с отрядом в 500 чел. в Сибирь и 1584 году. Экспедиция Волховского, снаряженная князем и без

⁴ Сибирскому юрту принадлежала обширная часть в южной части степи Памира (Иртыш) на восточном побережье Сибири.

⁵ Русские владели столицей Кучума Сибирск Новороск означают ее и в настоящее время татары; Канлык — или, вероятно, или Рапоники.

знания жестких условий, не выполняла своей задачи. Ограда от недостатка продовольствия, толпились кучумовские татары, потерев Кривина, попавшего в засаду, и самого их. Волховского, умершего от голода, русские были вынуждены весной следующего года бросить Канцлин и, под начальством Глухова, перебраться обратно на Русь Обью и Петровск. Посланный на помощь им, Волховскому новый воевода Ив. Миссурин, застигнутый лазоревками, занимался на устье Иртыша, где основал первый русский город на северской почве — Обский городок, и с отрядами навигации, тех же Петровских путем ушел за Урал.

В Камыске вновь утвердилась татарская владычнн, спорыши сын Кутуза — Ахи, затем его соросник Санд-Ахмат, племянник Убегото Кучумов Эдигаре.

Таким образом, побег Кривина, расшатал Сибирское царство и открыл путь русским в долину Иртыша, сам по себе не привел к прочным результатам. Предостало приступить к планомерному докорению Сибири уже силами правительства и по плану, выработанному в столице. Вместо того, чтобы углубляться в неприступную страну, необходимо было закрепить за собою, во-первых, пути в нее. В этих целях на реке Туре, на развалинах некогда богатого и сильного татарского города Чинги-Тура¹⁾, был построен город Ташта, который и должен был служить опорным пунктом для дальнейшего завоевания. Командированный из Тюмени шестидесятигодовалый Давыд Чулов ввез на самых степях Навинказа, на реке Тоболо, воздвиг небольшой островок, получивший впоследствии название Тобольского города, откуда он торно ездил на длинных санях поиртышам, выжидая удобного момента для нападения. В 1688 году ему удалось завлечь в свой острожек Санд-Ахмата и захватить его в плен, после чего татары окончательно очистили Камыск и ушли в степи.

Вторая столица сибирских ханов пришла в запустение, и на ее месте вырос центр русской колонизации, степной горой Сибири — Тобольск, который постепенно приобрел значение главного административного пункта новой колонии и на который только руководство делом дальнейшего завоевания и заселения Сибири.

¹⁾ Как известно выше, повстанцы в долине Тюмени захватили долину в очень значительных количествах руды, причем они нередко ссылались на это обстоятельство фактически подоробностями на личном издании Тюменей-Канцлин; что не исключало доверия. Остатки орудий и др. вещей вывезли в Петроград, послужившим материалом Кавказской и Крымской войнам, еще более убеждая в безвредности этого предания. Надо поэтому признать, как выражается Ломов Потоцкий, что русская Тюмень была построена на месте, где и в реке была град Тюменей; ее создание на том же руде и в Сибири первой град и название его до старому имени Тюменей (Врон. О-ж. Ист. и Др. Рос. XVII, стр. 23).

С падением Камыска не сразу прекратилась, однако, борьба с Кучумом. В целях обезопасить себя от нападения со стороны иро татар, русские в 1694 году основали на самой границе степи город Тару, который должен был защитить подступы к Тобольску и эта и вместе с тем служить исходным пунктом для похода в степь. Исполнитель 1695—1696 годы из Тары были совершены удачные походы в глубь Барыбинских степей, на верхнюю Обь, но только в 1698 году тобольскому воеводе удалось вывести Кучуму решительное поражение, после которого он уже не оправился. Сибирские «цари», — сыновья и внуки Кучума, — в течение всего XVII века продолжали, однако, в соседстве с калмыками и верхом Оби беспокоить своими набегами русские пограничные селения. Под влиянием этой постоянной угрозы со стороны Кучумовской, среди инородческого населения Западной Сибири не только долго хранилась память о былой независимости, но и продолжали жить надежды на восстановление Сибирского царства, как было при Кучуме царе. Еще в 60-х годах XVII века среди остатков Барыбинского уезда была уверенность, «что быль-де царенку Кучумову в Тобольске и владеть ему ную Сибирью». Поэтому, когда в 1688 г. возвращенный восточным сибирским шибандом Девлет-Карей «входилши на Русь», — попал, как один человек татары, вогуличи и башкиры в землях, некогда входивших в состав Сибирского ирта. Но в после Девлета-Карая «прохитило басурмане» «благочинный» сенархистический чиновник, и Ремезов, писавший на первом между XVII и XVIII веками, сохранил нам отрывки привезенной казахстанских «пшхов», в которых они показывали, что «во времена вольную Сибирь басурмане во владычнн не находил».

Одновременно с окончательным завоеванием Сибирского царства Московское правительство принимало меры к закреплению за собой путей, связывавших вновь приобретенные земли с центром. В этих целях на Чуловском пути на верхнем притоке Туры Ташта была построена Верхотурский городок. Однако, от этого пути вскоре отказались вследствие малой судосходности горных рек, по которым он шел, и для сообщения с Сибирью правительство предпочло воспользоваться Иртышом и Тавдой. На верхнем Тавде, на реке Дольке, служившей нам бы сплошь милой бассейном Иртыша и Камы, в 1690 году был основан Дольнинский городок. Из этого городка было затем начато покорение вогульского княжества Пелма на Тавде. Рычковскому на пути с Русь в Сибирь, Пелмское княжество с его многолюдным и воинственным населением служило идеальное время серьезной проградой русской колонизации; ноги полныхкишиной тироконин беспрестанно переставляла окрания. Потребовалась довольно большие усилия со стороны русской власти, чтоб разрушить это могущественное княжество: уже

в 1580 г. были предприняты приготовления к походу на «незачисленное», но первая планомерная попытка в этом направлении была сделана, повидимому, в 1592 году; в 1593 году был построен на месте прежней резиденции великих князей русский город Пелым, и только в 1594 году и то лишь при содействии русского поддучинца оставшего (могского) князя Игача Алчача удалось одолеть непроходимые дебри входившей в состав Пелымского княжества Большой и Малой Койды, но борьба между водными остатками и коидинскими вогулячами тянулась еще несколько лет, а потомки турецких князей — мурзы — продолжали владеть Койдою в течение всего XVII и XVIII ст.⁴⁾

С уничтожением Пелымского княжества, путь по Заvido оказался совершенно свободным. С открытием шельф Бабиноской долины, оставившей в стороне Лозову и ведущий прямо на Туру, значительно сократил тем расстояние, Тахтинский путь был, однако, покинут. Лежневский городок был сбит, и вместо него в 1598 году был основан на верховьях Туры новый город Верхотурье, который в течение всего XVII века в составе в XVIII веке оставался главными воротами в Сибирь и через который шли все официальные сношения Москвы с Зауральем. В 1600 году шимы Верхотурья, да полутьма между этим городом и Тюменью, возник на месте татаро-вогульского княжества Кланги, в свое время оказавшего энергичное сопротивление наступлению Кривая, — город Туринск (Влаичин). С постройки Верхотурья, Туринска и Тюмени в руках русских была закреплена вся артерия, соединившая Иртыш с бассейном Камы — Тура, и тем самым вновь зановоанное Сибирское царство было прочно связано с центром Московского государства.

Утвердившись в Камляно и закрепив за собою путь через Урал, русские стали постепенно расширять свою власть на «сардинские росы», иногда входившие в состав Кучумова юрта.

Продвижение на юг, в глубь Бабриноской степи, было, однако, на первых порах сильно затруднено соседством многочисленных кочевых народов: отсюда грозил постоянная опасность со стороны «кагайских» татар, подвластных Кучумовым ханам, и с начала XVII в. со стороны калмычских орд, в частности торгоутов и хойотов, темных на северо-запад своими сорочками, а позднее киргиз-кайсаков. Лишь очень медленно и постепенно продвижение русских шло вперед на юг от Туры и Тобола. Только в 30-х годах XVII столетия, с постройкой островов Маутирского, Тобдинского, Илимского, Вайгачского и Тарханского, создавшая укрепленная черта, защищавшая полностью южные пределы русских завоеваний, и русские поселения фактически достигли в этом направлении прежних границ Кучумового

царства. Основание Царев Городинца, будущего Кургана, относилось уже ко второй половине XVII в.

Вверх по Иртышу в течение всего XVII века Тара оставалась христианским городом, и только в первой половине XVIII века, с постройкой в 1715—1730 годах крепостей Ямбургской, Омской⁵⁾, Железинской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской, все течение Иртыша было заново русским. Точно также в XVIII веке относится закрепление под русской властью верхнего Тобола (постройка Троицы в 1743 году). Что касается верхнего Ишима, то он был основан лишь во второй половине XIX в., когда в 1863 году был основан Алаушкан.

Таким образом, в южном направлении русского продвижения было сразу и надежно остановлено и тем самым было направлено к северу и к востоку — лишь от устья Тобола по Иртышу и на Обь, где малые вогулячьи и остаточные племена не в состоянии были оказывать серьезное сопротивление русской оружке. Уже тогда по пути Камызяк Кривоюм, были вынуждены ему покинуть народности и племена, юрты которых были расположены в непосредственной соседстве, по южному течению Иртыша на Тургае, на Демьянск и в Белогорье. В начале 30-х годов более или менее добровольно согласились платить свои откаты искиман, властвовавший по южному течению Оби, от устья Иртыша до моря; ляхинский князь Тутуй, князь Ипичей, князь Ишан-мурза и обдорский Васильев. В 1593 г. для окончательного подчинения остатков народов здесь был построен город Березов, на месте остатков городка Сунгуз-ман. Воинственные остатки по сразу прикрывались с создававшаяся благодаря постройке русского города подошвами: в 1595 году среди них возникла уже сильное кооператив, за время которого только что построенный Березов подвергался большой опасности со стороны диакров. В 1616 году по докладам Березовского уезда опять рассылался сформированный отряд с епитимийскими призывом и юрты, и кампания распространения только благодаря своевременно принятым мерам. И даже так поздно, как в 1662 году, березовская административная была серьезно обеспокоена слухами о готовящихся среди остатков возмущения. При покорении протоиереев севернее русские иконно подвозились южной восточной стороны отдаленными племенами, и среди туземных князьков по один оказался «на северных казанах» — князь иртышский — и порок южный. Так именовался был князь ипичей Алчачин, покоривший для русских Койду и соседствовавший порожеством своих березовских и обдорских сорочичей. Как общее правило, остаточные князьки роды не были истреблены и продолжали

⁴⁾ Постройка крепости на Ямбургском острове и на устье Оби была прекращена летом в 1597 и 1628 годах (Р. М. В. VIII, № 11, III, X, XLVI), но не прекращена окончательно в 1715 и 1716 годах.

⁵⁾ О Волжском княжестве см. Виз. II «Образцы княжеских Сибирей».

вод русскими владениями управляют своими племенами, которые князья, оказавшие русской администрации большую услугу, фактически остались на положении независимых князев до смерти XVII века; а оборонные князья сумели сохранить большую степень самостоятельности до XIX века¹⁾.

При одобрении оборонных и казенных отставов, власть московских государей была распространена, правда, в значительной мере номинально на самодца, кончавшую по туземцам и востоку от устья Оби.

С целью завершить покорение всего побережья Обской губы, в 1690 году из Тобольска после предварительной разведки была снаряжена большая экспедиция на реку Таз. По своим размерам и по трудностям, с которыми она была сопряжена, эта экспедиция представляется одной из наиболее крупных на тому времени. На Тазу была расположена та базисная линия Мангазея, которая уже давно была открыта померкскими промышленниками, ходившими сюда на пушнинах едва ли не с первой половины XVI века. Сварожинная на скоруру руку, без плана и предельных условий, экспедиция на первых шагах потеряла слабую команду: речные суда, из которых она состояла, оказались непригодны к «морскому ходу», и, пока на Верхотуре свешно строились чорская флотилия, экспедиционный корпус двинулся от устья Оби через тундру на оленях и в пути подвергся необходимости за отсылаемое время «прогнать» со стороны самодков. Тем не менее, остатки отряда достигли Таза, на берегах которого и был построен Таганский или Мангазейский город, послуживший исходным пунктом для дальнейшего завоевания Кинесей в Лаву.

Одновременно с покорением оставших племен по направлению течения Оби, шло продвижение русских от устья Иртыша вверх по Оби. На самом устье Иртыша возник Обский городок на месте укрепленного лагеря зимовьявского здесь Манжукова; городок этот просуществовал до 1694 года, когда выше его по Оби был построен новый город Сургут, во уже через четыре года послан постройку Сургута, с целью защитить южные владения от опасности, грозившей со стороны воинственного остатков «калалка Воля, издвигавшего над многоземельной «Негой ордой», пришлось возвести новый укрепленный пункт еще ниже по Оби и глубже в восток, в каком лагере Негой орд, — Нарым. Постройка Нарыма открывала пути далее вверх по течению Оби, на юго-восток. В 1694 году добровольно отдался под покровительство русской власти сунтинский князь Токан и был возведен в «постройку» в его землях города (Томский город).

¹⁾ Подробнее об отставках племенцев на нижней Оби и их отношениях к русской власти см. на II выпуске «Отчетов».

Дальнейшее продвижение на юг было сопряжено с большими трудностями: русские вступали в «сторону порубежных воевод», заселенные бедными и воинственными тюркскими племенами, представлявшими даль монголами. Помимо природных препятствий, представлявших горной местностью, неизбежно было столкновение с многочисленными завоевателями, собиравшими владения «слабыя и туземцы» — в частности с могущественными «золотыми нациями» (алтык-ханайи) западных калмаков, господствовавшими из берегов Кемиста и на золотом острове Алтын-шере (оз. Улга), власть которых распространялась на пограничные итеродческие племена. Только в 1616 году поставлен был в верховьях Томи Кузнецкий острог, и дальнейшее продвижение было приостановлено на целое столетие. Попытки утвердиться на Баш в 1627 г. завершились разгромом со стороны толасских людей. Даже в указанных пределах русские доминиры были все время вынуждены упрямый патис монголами и их вассалов приносительских киргизов, и русское правительство вынуждено было делить свое право на дела с тюркскими племенами верхней Оби — северя с алтык-ханайи, южнее с джунгарскими хун-тайджи и киргизскими князьями.

Таими образом, Кузнецкий уезд остался надолго крайним пределом русского продвижения в глубь Азии, и только в начале XVIII века, с постройкой Бийского острога в 1709 году, русские стали твердой ногой на верховьях Оби.

Покорением течения Оби и ее притоков в указанных пределах заканчивается один, очень обширный период, период истории завоевания Сибири. Период этот характеризуется тем, что общие направления завоевательной политики остаются почти всецело в руках центральных правительственных органов. Весь азиатский завоевания, отдельные владения, отведенные князьям — все это вырабатывается в Москве и выполняется местными воеводами на основании инструкций, оставленных в Москве. Московские князья в деталях продумывают все подробности той или иной кампании, в ших дикота тоמים указывая относительно военной стороны похода, предписывают порядки комплектования и устанавливает состав экспедиционных корпусов. Переход далее, особенно в первое время, часть военных сил приходится из русских прилегающих городов.

Постепенно такой характер завоевания меняется. По мере удаления от центра дикота вездю Азиатского материка, правительство утрачивает и способность, и возможность руководить ходом военной экспансии страны. Инициатива переходит в руки местных администраций, а правительство ограничивается в пределах степенности предписаниями касаясь о государстве деле и посетиями, «смотри по тамошнему делу». Организационно-исполнительные функции всего беспрерывного, порой случайного, но безудержного стремления вперед русского элемента, пре-

дикшего на Урал. Вперед идут промышленные люди. По мере того, как развивается соболь и Золотой Умбигри, они в поисках новых «особых мест» пробираются все дальше на восток и открывают новые «поисочные земли». Прямая зависимость прихода новых пушного зверя «кудомов», истощение наиболее богатых пород дает необходимость быстрее, и так же быстрее идет вперед и движение промышленников все глубже в «ведущие земли». По следам промышленников, часто на свой страх и риск, большими партиями в поисково-охотничьи, идут служилые люди сибирских городов для сбора ясака с новобитых «земельных владений», принадлежавших той же жалкой шляхте и находившей на границе и восточную добычу. Рядом с промышленниками являлись крестьяне-земельники, в которых служилые люди собирают ясак на государя и «конные соболя» на себя и воевод. Так постепенно расширяется зона русского владычества. Местные воеводы воеводски, и на собранных личной выгоды, и по служебным расчетам, подымают распространение территории своих уездов: на «сказках» служилых и промышленных людей они выискивают в новые земельные небольшие владения, а в тех случаях, когда местных сил не хватает, обращаются за содействием в Тобольск, центр сибирской администрации. Таким образом, дело открыты и завоеваны Сибиря с начала XVII и идет в значительной мере по направлению Москвы. Москва выступает в дело лишь тогда, когда нужно завершить начатое завоевание и организовать управление вновь присоединенными областями.

Особенный характер носит завоевание Енисея и Ямы и их притоков. На Енисей русские прошли двумя путями: южным — Кетью, и северным — через Мангазею. Но позднее 1605 году на Кетью вышел Кетский отряд, а в 1618 году на восточную оконечность Кетью и Енисея — Манюшский отряд. В 1619 году русскими уже был основан на Енисее — Енисейский отряд, а через несколько лет, выше его — Красноярский отряд¹⁾. На Красноярска была сделана попытка покорить иртышские и родственные им племена, обитавшие далее и югу до Енисея.

С окончанием Красноярска русские достигли в XVII веке крайней точки своего продвижения по верхнему течению Енисея на юг. И здесь, как на верховьях Оби, они столкнулись с встречным наступательным движением алтайско-ханов. Им не только приходилось делать с ними добычу, но часто удавалось вернуть лишь номинальным и временным подчинением «воров-бежак» земель; в 1657 году один из алтайско-ханов Ландуца пытался даже взять Красноярск, Кузнецк и Томск и предпринять наступательный набег на пограничные русские владения, и

лишь домашние обстоятельства — смерть отца и угроза со стороны джунгаров — заставили его отступить.

После падения могущественных алтайско-ханов, совершавших русским в городе более омиконной программы илалые джунгарские хун-тайчики, пришедшие под свое покровительство издржакины и тубинские народы. Как и на верховьях Оби, и на Енисее продолжались на юг возобновления лишь в XVIII веке, когда в 1707 году в Тубинской войне был основан Минусинск.

Основательными, чиним образом, начало Стамбула близости монголы в своем наступлении на юг, русские на Енисейский приход продвигаться на восток по реке Ангаре (Ворку, Тулгушев), первоначально встречал лишь слабое сопротивление со стороны стоявших на высокой ступени культуры тувинских племен. Усталом в этом направлении послужило основание в 1630 году на Лешском впаду Енисейского острога, движется затем одним из важнейших восточных пунктов открытия пути на Лену. Дальнейшее наступление вверх по Ангаре было, однако, сильно замедлено благодаря отчасти природным препятствиям, какие представляли, например, алтайские пороги, и, главным образом, благодаря отчаянному сопротивлению, оказанному обитавшими во верхнем течении Ангары монгольским племенем бурят — «братских жидов». Построенный в 1631 году для их покорения, Братский острог подвергался неоднократно серьезной опасности; в 1635 год весь гарнизон был перебит, и только в 1636 году восстановлена была власть русских. Дальнейшее облавление «братских» племен по верховьям Ангары сопровождалась непрерывной борьбой и завершилась насильственным уничтожением части их на юг в пределы родственных им халхасских монголов. Для прочного утверждения на берегах Ангары, и югу от Братского острога в 1654 году был построен Валатаевский острог; за два года перед тем Нехабов поставил зимовье у впадения р. Иркутка в Ангару (будущий Иркутск) и завершил покорение братских племен по притоку Ангары — Оце.

С другим путем, на Мангазею, русские пробрались на Енисей несколько летями ранее основания Енисейска. Пожорские промышленники, познакомому, еще в конце XVI века ходил в Тазу «Канейским походом» на р. Турухан, приток Енисея, и в начале XVII века на Турухане, на месте промышленного Туруханского зимовья, возник небольшой, зависевший от Мангазеи, административный пункт, сыгравший очень крупную роль в деле дальнейшего распространения русской власти на восток и впоследствии ставший резиденцией мангазейского воеводы. Отсюда промышленники, а за ними и мангазейские служилые люди разбрелись за пушником и за ясаком вниз по Енисею до самого устья и по тушам Илекты, тупишились к северо-востоку от низовья Енисея; отсюда же они поднялись вверх по Енисею и его восточные притоки — в Нижнюю и Пальцеиную Тулгушки.

¹⁾ Разграничение и расширение восточной территории Красноярского острога в 1621 (1624) году, по острогу не был еще построен. Летом 1628 года.

попорка «под государскую» высшую руку» открытые племена тулгузов и шибобов (шибобские остова). Когда же «схода Мангазейского горца и Туруханского шибобов и вверх по Виңсею реке и снизу Тулгузскя река соборы и бобры непромышлялись», промышленные люди «лучше ходить вверх по Тулгузсе реке далеко, туда, где еще «бобрый добрый и зверей много», а с верховья Виңсей Тулгузов перобралась на Виңзю и на «ближнюю реку Лену». Необходимость задержать промышленников от опасности, грозившей им в этих дальних краях от «смирноче», выдвинула уже в 1629 году посемью из Тобольска военной экспедиции па Н. Тулгузку и на Лену под начальством Самсона Назанцова, дождавствованную дойти, где «в тех мест ходят промышленные люди на промыслах, и в тех дальних землях им, промышленным людям, учинить оборону»²⁾, а в 1633 году—новой экспедицией под командой Воина Шахова. На основании данных экспедиции Назанцова и распрощав тулгузовских аманатов, мангазейский вовода А. Ф. Палицын³⁾, на возвращении в Москву, предлагал проект заповедания Лены, приложив к нему описание и чертук пути; он оубыл распрощавши русские владения «до восток солнечных, до перехоуд великого шуря Александра и до промышленного холма Каркура», туда, где «обиталют люди единственно и единоруче».

Движение, идущее на Лену черев Мангазею, остановилось в подобных же движениях, идущих туда же из Китейска. В конце 30-х годов XVII века открыт был путь с Верхней Тулгузскя (Ангари) рекою Илимом и с Илма «Лемским поволою» па приток Лены—Куту в близ последовательню закреснен постройкой острогов на волоку (Илимский острог) и на устье реки Куты. В 1642 году на Лене был поставлен Якутский острог, а несколько позднее выше его Оленегинский острог и по ишимскому течению Илимское зимовье; одновременно были обследованы притоки Лены: Виңзю, па котором енисейские служилые люди уже имели зимовья мангазейских восточных сборщиков и острожек, поставленный Воном Шаховым, и Ахдаи, па притоке которого Амур в 1633 г. основано Алимское зимовье. Енисейские служилые люди не ограничили этим успехов. В 1643 году Павел Перфильев с товарищами и с «охочими промышленными людьми» спустился вниз по Лене до устья и, свернув па восток, проходил «в новое место, морем, па Ягу реку», а его товарищ Иван Ребров, пошедший на Лену из Мангазеи, продолжал плавать «по морю па новую сто-

ратною па Идигирекую реку»⁴⁾. В 1636 г. енисейский досацкий Елисей Буца из устья Лены морем проехал па запад до устья Охотска, а в 1637 г. одновременно тот же Буца морским путем достиг устья Илим, а другой отряд служилых людей под начальством Посника Иванова оубыл путем «прошел и се поросылем, а оттуда в 1639 году па Идигирку».

Эти доводокружательные успехи и служба в богатых енисейской реке Лене привлекли внимание и возобновили деятельность леной добычи в Сибири. В 1636 году даже из дальнего Томска отправлен был на Лену отряд под начальством атаманом Дмитрием Кошманом. Несмотря па протесты енисейской администрации, он проплыл мимо Китейска в реку Ахдаи и основал на устье Яги Бутацкое зимовье; в 1639 году он отправил часть своего отряда вперед па Мал; экспедиция поддалась до притока Мал—Ньорехом, переправилась через горы, вошла в реку Улюю и спустилась по ней до моря; на устье Улюи, па берегу Охотского моря, было поставлено зимовье, откуда были произведены разведки морского берега к северу до устья реки Таука, а югу до устья реки Ули.

Такая образом, инициал с 30-х годов, русские служилые люди, шла на сланды промышленников, в зимовьях короткое время обогнали все обширное пространство земель к востоку от Китейск до Восточного остова. На Лену и дельте па восток ринулись ищущие добычи и приключений остоваду, шло вверх устья русской Сибири—из Мангазеи, из Енисейска, из Тобольска, даже из Томска; служилые люди охватили запад-то горюца—шли вперед, па свой риск, в потоки па низинной. Понела оных земель производилась без всякой системы, небольшие партии служилых людей, шлой раз в несколько человек; «оказано» в эти «дальное от моря неподобные земли» «капалась» промышленные люди, при непосредственном участии которых совершалось наиболее рискованные предприятия. Это были по существу разбросанные добычи: служилые люди, «протаял» под которую «засидеть», промышленники тех земель людей торговать и имели у ших жон и детей, и зимовья и шлот граблики и начальства им чинили зимовья и от государя высшей руки тех дальних людей отговили, а сами богатыми иными богатыми, а государю приносили от того много своего богатства малое.

Па Лене останавливались служилые люди разных городов, и встреча эта была не всегда дружелюбна. Между отдельными партиями конкурентов происходили сражения из-за аска и добычи: «ишк соби у тех тобольских и у енисейских, и у мангазейских»

¹⁾ Сведения об экспедиции 1638 г. ообщил Павел В. И. Оглобин в статье «Сводные сведения о зимовьях городов XVII вл (Буря, М-во Нар. Просв. 1903, № 5). Несмотря на то, что статья эта была издана в 1903 г., в литературе до сих пор иногда встречается название зимовья от старейшей морем пути па Якутское А. Буца в 1637 году (испр., в старейшей программе В. И. Огородникова «Известия Императорской Академии Наук», 1922). Поборков, Л. С. Восток и запад: «Старая Китейска и дальнее путешествие Борцова» (1924) относит экспедицию Реброва (рус. ВП).

²⁾ О Палицыне и его проекте см. моя статья в сборнике «Вестн. изд. рас. А. И. Заварзина и М. Д. Прозванова, Петр., 1924 г.

служилых людей для тех своей бездельные морзисты Битовые бот, друг друга и промышленных людей, которые на той реке Лена соблази промышленников, побуждают до смерти, а новым ласками людей чинят сузмонте, тесноту и сауту и от толудура их прочь отгоняют. Эта «мутка» и связанным с нем убывает для ханыг высталил Московское правительство принять очень разномыслиающую меру, а именно послать специальных носов на Лену, чтобы все воевать открытые земли на ведомая чилинских сибирских носов и запрете енисейским, мангазейским, толомским и другим служилым людям ходить на Лену.

С основанием в 1642 году самостоятельного Якутского воеводства, на самой Лене образовалась прочная база для дальнейшей освождения Восточной Сибири. На Якутска, в частности, привездено обследование северо-восточного угла Сибири. Якутские служилые люди, которых влекло Нидитирек, перешли в самом начале 40-х годов сначала на Аллага, а потом на Колыму. Приблизительно в 1648 году ¹⁾ Михаил Стадухин послал на Колыму три укрепленных зимовья, которые обеспечивали русским господство над этой рекой. На устье Колымы начались энергичные разведки дальше на восток вдоль берегов Ледяного океана: драгоценный «рыбий зуб» манна и в этом направлении торговых и промышленных людей. Уже в 1648 году морозец Исай Пыштын с партией служилых и промышленных людей, в поисках «рыбего зуба» достиг Чаушской губы. В следующем году это открытие было повторено в более крупном масштабе холмогорцем Алексеем Федотовым, приказником торгового человека Алексея Утова, но люди не смогли осуществить задуманную экспедицию. Зато в конце 1648 г. на устье Колымы вышла в море на шести кораблях ²⁾ большая экспедиция, снаряженная тем же Федотовым Алексеевым совместно с приказчиком гонца Василия Федотова Гурьевичева и с участием знаменитого казака Семона Девкина. После трехмесячного плавания экспедиция достигла «Большого Каменистого носа, а тот нос являлся в море горько далеко (наше имя Девкина или Восточный), а живут на нем люди чинят добре много, против того же носу на островах (Дюнда или Гюндва) живут люди (зюкисмы), называют их зюбулани, потому что прошивают они своим зубу по два зюбу небольшие костяных; разрабатывшие буре разносят кожи в разные стороны, большая часть их погибла. Кора Девкина пошло на море «шито-

дно» и шибросило на берег далеко к югу, «прошел Амандирскую устье, Ташик образом, Дюкшик фактически обогнул северо-восточную оконечность Азии». Одновременно на реку Амандир промышленники и служилые люди стали прошивать узким путем с верховьев Колымы.

Одновременно с открытиями на северо-востоке, на Якутска шла обследование берегов Охотского моря. В 1648—49 годах достигли техских казаков были заперлены выстройкой Босого острова (будущего Охотска). С другой стороны, с Амандира Мих. Стадухин в 1651 году перерезал сухим путем на Пашкину и на Рижку, впадавшие в северную часть Охотского моря—Непшикскую губу или Непшикское море, как он называл в XVII в. Ташик образом, движение, идущее к берегам Восточного океана встретилось с толкими вдоль берегов Ледяного океана.

Обследование северо-восточного угла Сибири завершилось весной разведкой в Якутска, произведенной в 1697—1698 г.г. Владимиром Атласовым, который подошла к началу завоевания этого полуострова. В итоге, к началу XVIII в. был достигнут в этом направлении крайний пункт Азиатского материка — «край и конец Сибирской земли», и перед якутской администрацией возникли уже новые задачи освоения земель, которые «только видеть в море за перешагами» и прокладывали через дальнюю видную землю про «Алтоное государство». Впрочем, окончательное измерение Камчатка относится лишь к 30-м годам XVIII в., тогда было поданамо восстание 1731 года, а к покорению Чукотского полуострова было предпринято лишь в конце 20-х годов, и после полувековой борьбы с сопоставными и многочисленными чукотскими племенами русские должны были в 1775 году даже эвакуировать Амандирский отрог и отбросили от основной оскуляции их территории. Окончательное подчинение чукотской русской власти относится лишь к середине XIX века.

На Якутска не шла объединение земель на верхнюю течению Лены, где в 1643 году якутские служилые люди основали Верхнюю Ленку, но утверждению русской власти встретило отчаянное сопротивление со стороны конгломерата братских племен, которые одно время прозвали даже Усть-Куту и Пашкину. С верховьев Лены якутский пятидесятник Курбат Иванов пришел на берега «Святого моря» бурят — Байвала.

На «верхних» Леном якутские служилые люди встречались лицом с опаснейшими соседями со стороны енисейских служилых людей. С основанием Якутска первоначально была дальнейшая деятельность «виновников» в восточном направлении, и их усилия направлялись на юг, к Антуру, где их также происходила почти упорная борьба с бурятами. В 1646 году ошновкой

¹⁾ 1643 год устанавливает В. И. Огородников (Походные Записки охот. восток. в стр. 69) на основании рассказов рекой М. Стадухина, который говорил, что на Колыму пошел два года и вернулся в Якут в начале 1645 года; однако, недостаточна точность данных (будущим не позволил проехать этот видок безвозвратно).

²⁾ По М. И. Г. в. — на Усть-Куте, и эту меру подготовил без сомнения военный комиссар Василий (В. И. Огородников, Походные Записки охот. восток. в стр. 74); но Дюкшик и Чилинкой, «на Босогом Острове, говорит, что он и его товарищи шли морем на эту землю (Огородников, Походные Записки, стр. 67).

³⁾ Предварительную экспедицию в район всех зимовий на освождение Девкина дал Н. С. В. в. в. Пыштын в Верхнем носе и его берегах до Бергата и Чука (на Каменистом Нидитиреке, т. II (SLAN), вып. 2, 192) г.г.

атаман Василий Колосников обошел северозападный берег Байкала и захватил результаты своей экспедиции постройкой острожка на Верхнем Ангаре; в следующем году впоследствии сын боярский Ив. Пихобов перешел по льду на южный берег Байкала и прошил на льдуших кедров-киви, а в 1648 году шёл из слободы выдвинувших впоследствии служивших людей Иван Гашиин, предпринимчивый, смелый, жадный до познаний, восточный, бесхозяйный и заносчивый человек земляр, талантливый русский Шилуро, обогнув Байкал с севера, дошёл до устья реки Заргушина и построил здесь острожок.

Такая же конкуренция наблюдается и в деле завоевания Амура—«Давурской земли», или называли русские бассейн этой реки по имени обитавшего во ней народа—захурон. О Байкале особенно служившие люди перешли на озеро Пржеши и на верховья Шилин; в 1652 году на Байкале спаржились для постройки острога на Шилке специализируя экспедиция под начальством Петра Бекетова, которая, не достигнув поставленной цели, успела, однако, закрепить путь с Байкала на Шилку постройкой острожков на Олзани (Усть-Проринский) и на озере Пржеши (Пронский).

Одновременно и искусные воюводы направляют свои вылазки на Амур. В 1643 году старшина экспедиция под начальством Вас. Попркова, который с верховьями притока Алдана Угюра перешёл на реку Зее, сплавившись в Амур, по Амуру спустился в следующем году до моря. Весною 1645 года пошёл вдоль морского берега до устья реки Улаи и Улайи и Мисей вернулся в 1646 году в Якутск. В том же 1646 году пошёл вниз на Якутск новый экспедиция вверх по Лене до Олзани, Олзанию до Тутира и Тутира до «впадин», второй яманы (Ямановый хребет) прежде государственной земли и Давурской; с целью «ири ту Давурску землю проведать доходящих». В 1649 году, при шатеральной поддержке нового воювода, амертского и предпринимчивого Дм. Андр. Франциска, талантливый крестьянин устьемелани, Ярофий Павлов Хабаров-Святославский основал на свой риск и на собственные средства—на своих протектах—большую военно-промышленную экспедицию: шилка партио «окручишского», снабдив их на свой счёт оружием и запчастями и во главе таких «шляхет» пропавшей августинский шибег на Амур. В 1651 году он собрал новую партию «сохочих людей», в которых присоединились небольшой отряд якутских казаков, и, устранив ими свои «войны», поплыл вниз по Амуру: по пути он брал и жег даурские торозит, грабил и добывал «в пещ» шпорозит, хальчигалы и жидши и детей в пещи, собирал мехи. По жемкам в богатстве вывоз отрядами страны и нему приехали ронто толкми несагадой приключений. Предпринимав Хабаров продолжали в дороге очереди интерес и загады самого предпринимателя, который исключительно срадал своему прибытку, по слухи об успехах,

достигнутых его экспедицией, и о яманных, которыми она сопровождалась, таланты правительстве ижидаться в дело. В 1652 г. из Москвы был командирован дворянин Дм. Зяновцев для приёма под своё управление новой Даурской земли.

После головокружительного успеха частного предприятия Хабарова, как после похода Ермака, наступил период медленного и планомерного завоевания страны, обозначивший им. Перспектива победоносной войны с могущественной Китайской империей, под покровительством которой находилась даурская племена, испугав Москву и выказывая отпавшие от мысли завоевания Амура, и разбившие на нем шибей казаков, представляли сами себе, побуждая для разослались. Зато в верховьях Амура у впадины Ночи в Шилку был создан в 1658 году особый военно-административный центр—будущий Нерчинск,—с самостоятельными войсками во главе, откуда и Шилин было проводится окончательное покорение и устройство Даурской земли. Вместе с тем путь в Дауры был закреплен постройкой в 1659 г. Толембиинского острога на Хилане и в 1663 году Верхнедаурского и Солдатовского острогов—на Олзани и ее притоке Уди.

Только в 1679 году московское правительство сделало острожную политику возвратити завоевания Хабарова, приняв под свое покровительство Албазинский «воровской острог», поставивший в 1660 году на месте разрушенного городка даурского племени Албазин шибейкой беклах казаний и преставившим, возглавляемой патеном Шилорофом Романовым Чернышковским. Здесь на Амуре, на окраинах русского владения, подобно тому как на Дону, возникли своеобразный казачий поселок, лишь номинально признававший власть иерогонных воевод, которая на свой риск реорганизовала русское государство по Амуру и его притокам. Укрепи Албазин, «воровских казан» построили несколько новых острожков на реке Зее и на ее притоке Салибе и таким образом упрочили свое положение на среднем течеши Амура.

Однако, в Даурии русские вступали в столкновение с могущественным и высококультурным государством, каким в XVII веке являлся Китай. Китайцы ипичина обозначил словом «рыболовских» и «длинноволосых» диарей, обитавших во Амуру, Шилке и Зее, и от реки Зее по своим воим рекам до устья великая река Амура до моря «впадин» и по южному побережью Охотского моря, и ежегодно на восточном китайского городка Шилутуи открывались на Амур военно-торговые экспедиции для сбора даны и морской торговли с шивордками.

Понятия людей «из царства Лече», «храбрех, как тигры, и иловых и стрельбе», утвердивших на Амуре авлазав приемы выжогом Китайской империи. «Почто-то вы шидете, а нашу войну и почимы тутулосе?» авлазав обостроны авлаз-

7 Понятии китайцы не признавали бытия рд.

русских оборонительная линия. Китайское правительство преобладало и оружием, и дипломатическим путем остановить успехи русских на Амуре. Русские города подвергались неоднократно штурмам со стороны многочисленных и хорошо вооруженных китайских войск, пока в 80-х гг. не возникнула открытая война между обеими державами, претендовавшими на господство над Дальнейм Востоком.

Во второй половине XVII века, с возвращением маньчжурской династии в Пекине, сам Китай проявляет тенденцию энергично распространять сферу своего влияния на север. Эта тенденция особенно ясно обозначилась при игоном императоре покойной династии — тайцзиньском и войнотребован Кан-си, вступившем на престол в 1662 году, и привела к истреблению Халхи и западной Аляски, разгрому якутской державы Гудыма, подчинению Тибета, заключению протектората на все земли, к северу от Амура и к востоку от Байкала до Чукотского мыса и obejmованию Сахалина. При разрешении сложных задач в Монголии Кан-си должен был, во всяком случае, стремиться обезопасить себя от русского наступления. Постройка в 80-х годах городов Мергенов, Цинцзиня и Айгуна (Сиханга—Ула—Хорон) на устье Зей¹⁾, показывает наличие у маньчжуров определенную линию в отношении Амура. В 1683 г. китайское правительство предвзято удаляло от верховьев Зейского озера с требованьем снести острог с Зей, в результате которого, видение укрепления было эвакуировано. Следующий год прошел со стороны китайцев в военных приготовлениях; военные действия открылись летом 1685. В итоге, после жестокой бомбардировки, мал Азбани, и, когда на следующий год были сделаны попытки возобновить укрепление, тылою войско китайское вошло и осадил военный город. Одновременно китайские полководцы, монголы, стали производить нападения на русские «окрашенные города» на Солонге. Невозможность быстро переплыть на Амур достаточное количество контингента исключала массовое правительственное присутствие уже в 1687 г. и мирных переговоров. В январе 1688 года полномочный посол Ф. А. Густович заключил договор с многочисленными тайцами, которым обещывалось их инвентаризация, а 27 августа того же года, после длительных переговоров, был заключен Нерчинский мир с Китайским двором, согласно которого Амур остался под властью Китая, а граница определялась по речкам Аргунь и Горбица, и по Яблоковому и Становому хребту.

Относительно русских от наступления на Амур был не только результатом искусства китайских дипломатов, в частности находившихся на службе у китайского императора позитивное и на Амур, а так и на других южных окраинах, русские при пе-

¹⁾ В 1685 году Айгун являлся на южный берег Амура.

достатку людей и материальных средств не в состоянии были бороться с большим и хорошо организованным государством, к мирным отношениям с которым побуждали, кроме того, нараставшая к тому времени русские торговые интересы в «Китае». Нерчинским трактатом 1727 года условия Нерчинского мира были подтверждены в общих своих положениях, и дальнейшее движение русских на юго-восток прекратилось до половины XIX века¹⁾.

В общем итоге, к началу XVIII столетия русские владения в Сибири почти достигали на севере и на востоке своих естественных границ, образуемых Ледовитым в Восточном океанами, на юге слагавшимся Яблоковым хребтом и Становым и предгорьями Саян и Алтая, а в верховьях Иртыша и Иньши — степями, которые во еще были недоступны русской колонизации, благодаря преимуществу в них многочисленных и восточных южных племен и неблагоприятным условиям стоячей местности. В этих пределах заключавшая русскими территория была не только завоевана, но и оседелована. Каждый шаг вперед являлся на «через», и на этих разрозненных чересполосных административных в 1687—1672 годах составила общую карту Сибири. В 1696—1701 гг. над обширной картографией работал в Томском Греськов, автор замечательного географического атласа Сибири. Относительно описания покоренных земель дала богатый материал по этнографии края. В конце столетия был издан в «Описание Сибири» географическую попытку собрать эти сведения в один географический очерк. Эти русские работы раскрывают перед Западной Европой до тех пор неизвестный уезд Азии по русской карте, скомпрометированной шведом тогда же появившимся на свет, была переизготовлена устаревшая карта Герберштейна; капитальные исследования Витаса «О северной и восточной Тартарии» было основано, главным образом, на русских источниках, которые он черпал непосредственно или через своих корреспондентов из дел Сибирского приказа²⁾.

В XVIII в. и первой половине XIX века дальнейшее распространение русских владений шло в двух направлениях:

¹⁾ Более подробно история отношения Амура, частью по естественным условиям материка, частью по воле полководцев братьев: «Алтан на Амуре (Ленкор 1823 г.) См. также статью Н. П. Чудикова в «Рассказе Арханг. из 1868, № 2 (Ересь Павлов Зайлов, добытые и приближенные XVII в.), в котором также делаются и, общепринятому, рассказы Витаса в «Евразии. Сочинения 1866 г. (История в странах, при Амуре заселены, тогда еще северная часть российских владений). Более обширные сведения на Амуре, хотя и не бесспорные, см. Ф. Гельддор в том же, сочинении.

²⁾ «Описание Сиб. государства» заключало в вид. Археограф. Комиссии: «Сибирские летописи». В 1823 г. по указу императора из СПб. восточного, который ему был доставлен царем Давидом и другие сведения с Русской границе. Это не единственный русский источник Витаса, но один из лучших данных Витасово летописи ему черпал материалы из дел восточных делов; но бесспорно, что он составил на то для свое русские летописные сообщения для на основании, которые по-русски.

на северо-востоке на Чукотский полуостров и острова Ледовитого и Восточного океана и далее на «большую землю», т. е. Аляску¹⁾, и на юг к верховьям Оби, Иртыша, Штыва и Енисея.

Знание островов, расположенных в морях, омывающих материк Сибиря, явилось в сущности продолжением того процесса открытия и завоевания страны на северо-востоке от Енисея, который имел место в XVII веке. Главную роль сыграла в тут частная инициатива промышленников и казацких людей, которые и внесли добрых результатов в опасные морские предприятия. Так, в 1711 году казачество являки, участвовавшие в бунте местного туземца, чтобы завладеть своим ятеу, совершили экспедицию «в малых судах и байдарках на Курольско острова и обшарили кураюк; пошлю по инициативе казачьего головы А. Ф. Шестакова большая и организованная экспедиция обследовала земли чукчей, обшлаха Камчатку и достигла берегов Америки. Но на первом плане и в XVIII и XIX столетиях, как и прежде, необходимо отметить деятельность русских купцов и промышленников. Морские промыслы, в частности бодрывшие промыслы на островах Охотского моря, привлекают предприимчивых, жадных до добычи, неразборчивых в средствах людей, которые не чурались опасностей, нередко в рискован для жизни открывают неизвестные до них острова и Ледовитого и Восточного океанов и «традиционного интереса» «шмаруют» островитян «под выночку руки» русских импортеров. Ряд торговых экспедиций в 40-х и 50-х гг. XVIII в., снаряженных купцами Серебрянниковым, Тразянниковым, Юным, Толтык и другими, способствовали открытию и завоеванию Алеутских островов; искусный купец Шалауров в течение нескольких лет обследовал Ледовитый океан к востоку от устья Лены, пока до побед в одну из своих экспедиций; после того ряд открытий произведен Лиховичем и Протодьяконовым (Лиховичев острова). С 70-х годов русские торговые суда начали ходить к берегам «Восточной земли», о которой впервые русские услышали в начале столетия от чукчей. — В 80-х годах уже возникают русские фактории на островах Кадьяк и Ситка, основанная торговой компанией Григория Шестакова и Павла Голынина, которая, соединив в 1797 году с другой «комерческой компанией», основанной искусным купцом Михаиловичем «для торговли и промысла в Американских островах», была преобразована в Соединенную Американскую (инвлад-

ства) (Готтсхейс-Американская). В начале XIX века Российско-Американская компания сделала попытку обосноваться в Калифорнии, выходящей в это время под властью испанцев, но испанцы здесь в 1812 году закрыли Готтс была упразднена в 1823 году из безаходности.

Порадиельно открытием и завоеванием, производившимся частными лицами за их страх и риск, сдерживается как в XVIII в., так и в первой половине XIX — правительственные экспедиции, имеющие целью изучение и освождение побережья Сибири и смежных ее морей. Такими экспедициями экспедиции Беринга, для разрешения вопроса о проходе между Азией и Америкой; одновременно в 80-х годах XVIII века имело место систематическое изучение береговой линии Ледовитого океана от Архангельска до Анкара, производимое последовательно несколькими большими морскими экспедициями (Осеева, Лиховича, Прочинаева и других²⁾. На позднейших экспедициях экспедиции капитана Балашова (Саратова, в XIX веке — Прасола).

В результате всех этих частных и правительственных экспедиций русские владения расширились, постепенно на острова, лежащие к северу и к востоку от Сибирского материка. Западно Курильских островов в Охотском море началось естественное продвижение за юг от них к островам, входящим в состав Японского архипелага, и, действительно, делается некоторая попытка «о промывании Японского государства». Однако, по восточным условиям Японское государство оказалось слишком могущественным, чтобы с ним можно было бороться силами частных торгово-промышленных компаний, каковыми промышленники были прежде именовались на Тихом океане, и уже в 1793 году, при снаряжении второй экспедиции Беринга, ему строго предписывалось «нечи для промывания островов, принадлежащих к Японии, не снаряжено остротаться», чтоб не повзмет во владения японского хана» или какою-нибудь иного европейского или азиатского государства. Оставался открытым один путь на восток, т. е. к берегам Америки. Слабое испанское правительство было особенно озабочено сопротивлением русских промышленников не только на Курильских островах, оставшихся под властью Алеутских, но даже в Калифорнии, в 50-х годах от Сан-Франциско. Так образовались обширные владения в Аляске, охватывавшие Аляску и все северозападное побережье материка до верхней Калифорнии, в гавани которых входили острова Ситка и Новоархангельских морем, Кадьяк, Пуукагиченно, Лисья, Прибылого, Алеутские и Курильские; все эти земли принадлежали собору частное владение Российско-

¹⁾ Византизмские из Сибири выли дороги в Аляску интересовались в Москве уже в XVII в. Рядом с правителем в 1622 г. из Москвы в предводительстве посланца отсюда «восточных офицеров» через Сибирь был отправлен в Америку (14 у р. и, «Соборные Русские в 1630—1655 гг. по повелению Царя», стр. 109). Из Америки возвращался и купец Алексей Яковлевич восточный воевода Чукотки-Чукотки П. В. Луи, Voyage, Paris, 1666, стр. 210—211.

²⁾ Подробный обзор этих экспедиций дает Ф. Гольдберг в названной выше книге, и Е. В. Вурт (Восточные Курильские и Алеутские экспедиции Беринга, И. в Изв. 1924).

Американской колонии, в заведомости которой они находились до 1806 года. Образование в последней четверти XVIII века Северо-Американских Соединенных Штатов и их кошмарный рост в последующие столетия должны были, однако, рано или поздно привести и неизбежно в этих русских колониях, выжужаясь в далекой угод Нового света, тем более, что отдаленность от центра и отсутствие капиталов и технических знаний препятствовали эксплуатации даже в самых скромных размерах природных богатств американских колоний. В 1807 г. русское правительство поэтому уступило все свои владения на территории Северной Америки и прилегающие к ним острова за весьма умеренное вознаграждение Северо-Американским Соединенным Штатам¹⁾.

Иной характер носит за упомянутый период русское население восток по Иртышу, Ишиму и Оби. Русское государство, переживавшее на переломе между XVII и XVIII столетиями один из самых тяжелых моментов своего развития, испытывало особенно острую потребность в металлах для удовлетворения своих военных и фискальных нужд. Этим объясняется умеренное стремление правительства распространить свою власть в Сибирь на равнин, богатые ископаемыми. Как и в других случаях, это при этом воспринималось содействием частных предпринимателей. Действительно, впервые частные заводы, обоснованные на Алтае в 1728 году, должны были охраня свои заводы на свой счет строить крепости, снабжать их артиллерией и содержать гарнизоны, подобно тому, как в свое время Строгановы ставили города для защиты русских соляных промыслов. Таким образом, русские владения достигли «вершин» Оби и простились в Алтайские горы. Та же потребность в металлах вызвала правительство еще глубже в Алтай, на юг к Иртышу, отсюда шла обширнейшая слезка про «ископаемое золото» Аму-Дария. В этих делах, в царствование Петра I, было сваржено несколько экспедиций, изьян которых был назначен самца императором. Экспедиции эти не имели, впрочем, успеха: Иртыш оказался неподступен для русских. Зато в результате походов и степь шла путь от Тары восток по Иртышу оказалась в их руках и был задуман постройкой ряда крепостей: Языловской (в 1715 году), Омской (в 1716 году), Желтелинской (1717 г.), Седельницкой (1718). Усть-Каменогорской (1720). Таким образом, русские владения достигли в этом направлении отстоявшихся границ, представляемых Тарбагатайской горной цепью, которая отделяет, строго говоря, Сибирскую низменность от Туранского

Предоконие восток по Иртышу открыло для русской колонизации до тех пор недоступные Барбарские степи²⁾. Для защиты восток жидких границ от набегов кошакских пришлось воздвигнуть постоу специальную укреплений: так образовались в течение XVIII века «Сибирская линия», представляющая довольно точное эскиз русского населения на степь. Начало ей положили восточнее еще в XVII веке вдоль по Тоболу городами, имеющие целью защищать нынешние владения на Туре и на Исети. С конца XVII века и эти восточнее и восточнее отсюда на Тоболские степи всею возмужали отряды служивых людей на оборонную службу на восток от впадения южных людей. Крайние владения пунктами здесь являлись Царев-Городище или Курган и Усть-Ишимский острог. Другая линия укреплений шла в XVII веке по Волгу и Ишиму, замыкавшаяся острогами Абаканским и Коркинским (Ишим). Таким образом, уже в XVII веке сложилась две укреплённые линии, отобавились в западе и с востока окраины степи. В XVIII веке укреплённая граница продвинулась дальше и юг. В 30-х годах она шла вдоль по Тоболу от озера Лебяжьего, расположенного южнее Кургана³⁾, и в доходе Кургана, сворачивала на север-запад через Моревский, Архалукский и Суверенский форты на крепость Омскую и Усть-Даминскую, где опять поворачивала на юг-запад к Ишиму (Коркинский) и далее, делая значительный поворот на северном направлении (Зудиловский острог), перекинулась на Иртыш (Вольверинский) и шла по Иртышу, замыкаясь Черепановским острогом (последнее ныне Омск). В восток этой Шимской оборонительной линии входило всего около 60 укреплённых поселений, в общей сложности она охватывала значительные пространства земель в угу, образованном Тоболом и Иртышом, двумя отходящими. В середине XVIII века образовались новые Пресногорьковский или Герольдский линии. Она замыкалась тоже на Тоболу крепостями Звериноголовской и Пресногорьковской, последняя южнее старой линии, и шла на валад на Петропавловскую, а отсюда на Омскую замыкала таким образом петлю между Тоболом и Иртышом, и в общем совпадала с северной линией траншей Сибирь; с ее постройкой Ишимская линия утратила свое значение. К середине же XVIII века относительная постройка укреплённой линии для защиты Кузнецко-Колыманского горнопроницаемого округа на Алтай, проходившей от Иртыша по реке Убе на север через Восточный рудник, Колыванский завод и Волочаевский острог на Марашку и отсюда на Ишим и на Кузнецк; в 60-х годах ее подступил последнюю

¹⁾ На восток работы по этому материалу Барбарской степи: А. Д. Грегориус, Усть-Ишим и восточные степи. Тракта в Сибирь (Вост. Казань, 1806, № 6, 10-11).

²⁾ По Тоболу, через Лебяжье, южнее озера Черепановского и Восточный-Колыванский степи.

³⁾ На восток работы по этому материалу Барбарской степи: Усть-Ишимская работа. Усть-Ишимская, Ишимская и восточные степи. Тракта в Сибирь (Вост. Казань, 1806, № 6, 10-11).

к юго-востоку через по Убо, оставив к западу Зиньчгород и Ковалев. В общем итоге, в течение XVIII столетия была достигнута и стратегически закреплена южная граница современного Тобольского и Томского края. Дальнейшее продвижение в Центральную Азию пошло иным путем, и, с юго-западной оконечности Приуралья и особенно Оренбурга, создавался новый базис, откуда легко было войти наступавшие в пределы северного Туркестана.

В середине XIX века происходит решительный перелом в завоевательной политике России в Азии. Рост капитализма, отмечавшийся в начале этого столетия, ставил перед правительством новые задачи. Не будучи в силах конкурировать с более широкой торгово-экономической страной, русская торговля ищет новых рынков, где бы она была полноправным хозяином. Стремясь активнее колонизировать Ближний и Дальний Восток, первые признаки которой мы наблюдаем в царствование Николая I. На Балканском полуострове осуществлении посланцев России встретило ряд захудалых и вступивших в силу элементов политической конъюнктуры, складывавшейся вокруг Турецкого вопроса, и столкновения с интересами других держав. Естественно, поэтому, что военная политика России направлялась в ту страну, где она встречала наименьшее сопротивление, т. е. в Азию. Уже при Николае I начинается завоевание Хинд, но решительный поворот в сторону устремления на восток должен был отпущен к эпохе Александра II. Завоевание Аура, провинциальное на инициативу сибирского генерал-губернатора М. Н. Муравьева и утверждение Андрушевским договором 18 мая 1866 года¹⁾, знаменует собой переход к новому курсу, который должен был резко или даже привести к политике экспансионизма в Монголию, Манчжурию и Корею и завершился в 1904—1905 годах вооруженным столкновением с Японией. С другой стороны, завоевание Туркестана при Александре II открывало русской торговле рынки Средней Азии. Следующим этапом в этом направлении являлся экономический разрыв Персии между Россией и ее соперницей на востоке — Англией. Таким образом, середина XIX века характеризуется переходом к агрессивной политике на Дальнем Востоке. Вместе с тем, переход государства от крепостных форм хозяйства к капиталистическим вызвал ряд новых потребностей, на удовлетворение которых должна была быть использована Сибирь с ее неограниченными пространствами удобной для обработки земли, с ее неисчислимыми запасами сырья. Середина XIX в. являлась периодом торговли и истории колонизации Сибири, когда к ее жизни выступают ряд новых фактов, которых мы не замечаем в предшествующую эпоху, и, наоборот, постепенно открываются явления, которых наблюдалась в течение предшествовавших столетий.

ДОБАВЛЕНИЯ И ПОПРАВКИ

¹⁾ Одобренными с Андрушевским договором заключены были торговые, таможенные и другие торговые договоры России и Китая: Тяньцзиньский, 1 июня 1860 г., и Шанхайский 1860 г.

В I ГЛАВЕ ПЕРВОГО ОЧЕРКА.

В 1920 г. А. М. Старович представил в Археографическую Комиссию специальное последование под заглавием «Сибирские летописи». Эту работу по истории вопроса и анализу сибирских летописей. Работа эта до сих пор, к сожалению, не напечатана и читатели могут судить об ее содержании лишь по статье автора в «Сборнике статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову» (1922 г.), стр. 279—293; «Сергей Кубасов и Строгановская летопись». Мне удалось познакомиться с исследованием А. М. Старович в рукописи, благодаря любезности Археографической Комиссии и автора, которым приношу глубокую благодарность.

Основной вывод, к которому пришла А. М. Старович, совпадает в общем с теми, которые устанавливаются в наших «Очерках», а именно, что ни одна из сибирских летописей не является в полном смысле слова летописью, а каждая из них носит на себе следы литературных современных влияний и, таким образом, является позднейшей переработкой ранних протографов¹⁾. Подходя иными путями, чем мы, автор приходит к тому же заключению, что в основе и Есиновской и Строгановской летописей лежит единый протограф.

Ход развития Сибирского летописания А. М. Старович изображает в следующей схеме: 1) летопись пр. Кирилла, составленная на основании илашского «написания» и рассказов свидетелей; 2) синодик; 3) статья Нового летописца, составленная на летописи пр. Кирилла; 4) протограф Есиновской и Строгановской летописей, — назовем являлся статья Нового летописца, дополненная на основании других источников; 5) Летопись, составленная на основании этого протографа (Есиновская летопись, летопись по Погодинскому списку, которую автор считает самостоятельным произведением, Строгановская летопись).

Эта схема, совпадая в основном (единство протограф), в остальном резко отличается от нашей схемы. Но позволим себе подемшизировать с сочинением, не вышедшим в печати, и указать

¹⁾ Цитата дана полностью из статьи в С. Кубасов.

знать, что, совмещившись с соображениями А. М. Старовича, в почитаемом извещании незначительно высказанное мнение в таком взгляде. В частности, мне кажется, что до исключения наших списков собирательных летописей, за отсутствием данных, осторожнее не оставлять вопроса спорными предположениями о Каприановской летописи и о статье Нового летописца⁴⁾, так в посредственных звеньях между знаменитыми и известными как летописцы.

На отдельных вопросах, затронутых в исследовании А. М. Старовича, заслуживает внимания ее соображения о происхождении Строгановской летописи. Автор рассуждает Строгановскую летопись на следующие «особенные» черты: 1) «малым числом листов, весьма умело обработанными»; 2) «протограф, сходный с протографом Есиновской летописи»; 3) «местные предания и летопись»; и 4) «риторическое изящество словес; наличие нового не известного». Према составлении Строгановской летописи автор относит в 1666—1673 гг. Эту догадку она очень остроумно мотивирует тем, что летопись преследует «предположительно» цель утвердить мнение об участии в вывозе в Сибирь Семёна Строганова. Эта мысль доказательств сравнением летописного изложения содержания грамот, данных Строгановым (с упоминанием в них Семёна Аджикевича) — с подлинными грамотами, в которых имя Семёна не упоминается; такса факсимильных могла быть единственно исключительно в интересах потомков Сем. Акин. Строганова, в частности Григория Дмитриевича Строганова, который в результате вымирания других ветвей рода Строгановых, оказался в 1668 году единственным представителем этой семьи; 1668 год А. М. Старович и признает на terminis post quem; с другой стороны, участие Семёна Аджикевича в завоевании Сибири уже официально признается в царской грамоте 1675 г.; следовательно, к тому времени летописный рассказ был уже известен.

Отданная должное искусство, с которым автор обосновывает свою гипотезу, нельзя, однако, считать вопрос ею разрешенным, до тех пор, по крайней мере, пока не будут подвергнуты научному исследованию рукописные тексты Строгановской летописи, из которых один, как известно, датируется предположительно серединой XVII века⁵⁾.

Вторая гипотеза А. М. Старовича — о Сергее Кубасове, как авторе Строгановской летописи, вызывает много сомнений. Тут строгость и научность формальности метода А. С. Орлова; с которыми она полемизирует, пытаясь доказать неправомерность его соображений о заимствовании автором под вымышленного хрониста Кубасова (более известного сейчас под названием Повести п. П. М. Катарины-Роговского) литературных образов из

«Троицкой истории», — остается несравненно более убедительными, чем страдания некоторым субъективизмом рассуждения о «критии фраз», о «ложности и малочисленности Кубасовских произведений», в стремлении сделать Кубасова автором Повести князя Катарины-Роговского списано по-таки с трудновыважившими хронологическими противоречиями.

К стр. 5.

К числу разных новостей, посвященных истории завоевания Сибири, принадлежит статья в Новом летописце «о выехи царства Сибирского»⁶⁾. С. Ф. Паново датирует Новый летописец 1680 г., и этот вывод подтверждается научным изданным списком⁷⁾. Следовательно, статья, вошедшая в Новый летописец является одним из ранних памятников сибирского летописания. А. М. Старович в упомянутом выше издании своем труде склоняет видеть в ней источник того протографа, который, будучи распространен на основании других данных, лег в основание Есиновской и Строгановской летописей. Выводы, к которым и пришел, несколько иные.

Статья Нового Летописца очень коротка, в ней нет большей части тех известий, которые общие для обеих летописей, и, с другой стороны, имеется исключительный аспект про татарина, «названного себе шортузу» имену, доставившего Кучуку «три пинцала и три бирюшки» из панагого лагеря, который отсутствует во всех лучших списках летописей. Более подробное сравнение с летописью указывает на ряд мелких разногласий (например, численный состав дружины 600 чел., вместо 540); построение фраз نیز, что объясняется, может быть, сильным сокращением первоначального текста. Тем не менее, одна фраза не оставляет сомнения в том, что источник статьи тот же, что и обеих летописей. В Новом Летописце мы читаем: «Кучума же, перебродив реку, оного Брюкала и всех казаков побил, однаго тою же и, приблизив в город, киза прочил все приключил; они же укачивая и не чужу себе помощи и т. д.» В Строгановской летописи: «И тако ту все побилы быша, однаго тою же и, Сивиню же била в среде тамуку Махфу Метерану з дружиною... они же во среде шпалхура по шиху гордо» (Сиб. лет., стр. 36). В Есиновской летописи: «И шападоша на нь и побилы; также однаго казакъ убише... Спаша же сме, во среде оставилы... и вшпалхура по шиху побилы великим злою по многою премю» (Сиб. лет., стр. 148—149).

Сравнение этих текстов не оставляет сомнения в том, что автор статьи Нового летописца основательно тот же источник, каким

⁴⁾ О статье, вошедшей в Новый летописец, см. выше.

⁵⁾ Сиб. лет., стр. XVI.

⁶⁾ Новый летописец с заключительной заглавной статьи изданы в XVII в. Брюкала Ова Нет. в Дрезде, Росс. и в VIII и XIV вв. П. Собр. Русск. Лет.
⁷⁾ Сравнение списков изданы Д. В. Чернышова, работа которого по изданию.

воспользовались Ефимов в сочинении Стрелановской летописи, т. е., говоря предположительно, списавшие. Но «значительные подвигаются, по мнению, тщательной переработке в Новую летопись. Во-первых, оно было сильно сокращено; во-вторых, в него внесли удивительные новые сведения. Наконец, оно было дополнено сведениями о Максиме Стреланове, которые отчасти походят на Стрелановскую летопись, так как не совпадают с известными. В статье из Стрелановых назван один Максим Яковлевич, в летописи действуют Семан, Максим и Никита. Есть и другие разногласия; в статье Ермак был у Стрелановых «для провоза» 60 чел., во летописи — 300. Можно думать, что в этой статье мы имеем первую попытку переделать первоначальное «завищение» и интересны во всех Стрелановых, а поэтому Максима Яковлевича; это, если можно так выразиться, первое издание Стрелановской летописи.

Статья Нового летописца весьма интересное приложение к древнейшей летописи. Она отличается очень сильно (хотя бы дословно) на списке Удольского Ефимовской летописи (Сиб. лет., стр. 192—194, 220—221), где, в частности, приведена ссылка о татарине. Ее вполне чувствуется и на других списках той же летописи, как-то Вуручском (Сиб. лет., стр. 296—297). Так называемая Ефимовская летопись по Головинскому списку (Сиб. лет., стр. 307—311) есть в сущности просто статья Н. Летописца. Наконец, та же статья, как будет показано ниже, служила источником для повести, вошедшей в состав «Описания Сибирского государства».

К стр. 19.

Узнал Моисей Ремезов, физиком тобольского воеводы П. П. Годунова, разделивший с ним посетившую его девицель и сославший в 1670 г. за «сущностью» в Березов, приходился, но очень предположительной догадке Н. П. Оглоблина, родным отцом географа и историка Семину Ремезову (Библиограф, 1899, № 10—11, «К биографии С. Ремезова»).

К стр. 26—27.

Следы названного эпоса, столь ясно выраженные в «Кунгурской летописи», встречаются и в других повестях: Таковой отставка в тексте Стрелановской летописи по Толстовскому списку (Сиб. лет., стр. 55—56).

К стр. 36—37.

Для более точного определения времени написания и состава повести, вошедшей в «Описание Сибирского государства», очевидно необходимым является детальное сравнение русского текста с голландским переводом, сделанным Натаном в его сочинении и «Туртарам».

Книга амстердамского бургомистра Николая Витгена: «Noord en Oost Tartarie» вышла первым изданием в 1693 году, в одном томе «в послесловии русскими, и была переиздана вторично в 1705 г. в 2-х томах, с значительными дополнениями, с многочисленными новыми иллюстрациями и картами 4. По существу, труд Витгена представляет собою довольно бесцветное собрание географических описаний и справок, данных в основание его предшественников по тому предмету работ по картографу Адам. В этом обширном сборнике самых разнообразных сведений по географии и этнографии северной и восточной Азии мы встречаем и отрывки из напечатанных книг (например, из Ис. Магасы, из Hasleut's, из Гиншба'а и т. д.), и письма различных лиц к автору и в других корреспонденциях; в числе их мы находим на официальных документах, и копии сданных автором рассказов, и наконец, помещенные целыми или в выдержках, доставлявшие ему отовсюду, по преимуществу из России и соседних с нею стран (Польша, Дания) рукописные материалы: «дорожные» (Weg-wyser), рассказы (Luste) городов и мест, а многочисленные сообщения (Berichte). Сообщения эти шли к нему отовсюду: писавшие самодовольно Поной земле» ему было доставлено «печки господской, провозившими в Архангельске»; из Сала Камской прислали ему сведения о путях из Сибири; из Тобольска он получил сообщение отовсюду русского христианина в Катане и про казанского государя Вуруху-хана; из Селевгивска в 1686 г. ему пишет письмо про породах через Байкал, дине из Мангаши ему было прислано «списки о самодцах» и т. д. Корреспонденты Витгена принадлежат к самым разнообразным слоям русского общества, начиная с самых высших сфер. Описание некоторых областей Сибири было для него вполнею «одним из лучших русских бойрином, обещавшим их в 1689 г.; отлучившего дьяка А. Витуса, замедлившего Сибирским приказом, он получил официальное дознание, вроде статейных списков П. Ф. Байкова и Ф. А. Головина, сказки Владимира Атласова или гранота китайского императора Кан-си; он имел возможность беседовать и с самим царем Петром, в бытность его в Амстердаме в 1697 году, и московский государь, по его словам, многократно отвечал на его вопросы. Очень много сведений Витген получил через купцов, русских в иностранцах; так, при пути из Сибири в Хинку он узнал от русских путешественников, вернувшихся в 1686 г. Постоянными и очень полезными корреспондентами Витгена были иностранцы, служившие в русской войне; например, описание Байкальского пролива шло до него «в письме одного служившего

4) Издание 1705 г. переиздано в 1728 г. И. Козел в вышедшем, но не изданном редакцией издании 1822 г., отсутствующим в большинстве библиотек. Издание любви Библиографической Библиографической, которой прислали рукописи.

«холодова на верхне-южених землях, который, состоя на службѣ их царских величеств, побывал в тех местах»; но Дюроин ему прославил Сибирский дорожник, составленный «на нидерландском языке одним военачальником на службе их царских величеств и т. д. Нисколько русское название — походит в Витгеню черен «себедане (к России) земли»; так, отсюда из «Описания Сибирского государства», вышедший в издании 1693 г., был приложен в писемной форме на Дюроин».

Обширный материал, собранный Витгеню, но был не только переработан, но даже самостоятельным расположением; очень много документов включено целиком. Все это придает книге Витгеню вид большой географической хроникалки, в такой хроникалистический характер его описания имеет для нас свою хорошую сторону, охраняла, правда, в голландском переводе и часто не в полном виде, очень много не дошедших до нас русских известий о Сибири.

К числу русских известий, вышедших целиком в сочинении Витгеню, принадлежат обширные повести о казачестве Сибири, включенные в издание 1796 г. (изд. 1795 г., II, стр. 739—740). Повесть эта равно привлекала внимание последователей аристократии содержания; Миллер неоднократно цитировал ее по Витгеню, и по слову Миллера ее посвященный легендой рассказ сделался драгоценным русскою исторической литературы, особенно конularной.

Сравнение с «Описанием помы земли Сибирского государства» — показывает, что мы имеем здесь дело с тождесн, местами дословным переводом на голландский язык повести о казачестве Сибири, вышедшей в «Описании». Для того, чтобы удостовериться в этом, достаточно сравнить русский текст с текстом Витгеню, хотя бы в несомном издании переводе Тышгина.

Обратившись к голландскому переводу, надо признать, что он сделан человеком, отлично владеющим русским языком. Чисто русские выражения и технические термины употреблены им с большим умением¹⁾. Литвы в немногих случаях он оставил отдельныя слова без перевода (голова — *woeste Steep*, «лыжа» — *Lischen*, «чирты» — *Nigden*) или допустил дословный перевод («Верхотурский камень» — *Werchaturische Steen-klippen*). При дословном переводе у него происходили нередко недоразумения (соборная церковь), он попал в смысле «groote Apostolische kerke». Камень

¹⁾ Но замечательны примеры: «Сибирские чирты Тышгина он переводит словом *Nobitat Tobat*; в слове к Курилы, что он будет есть, там Ермак и родителем своего, старшая средняя так же переводит истинно в смысле сына (в отцы и в дитя); «чирты и лыжи переводит совсем — не их употребляются лыжины (ноч лаж обшарпане ланди), его шпатель — это жезл дубовый (ноч алл рибшпел); так же удачно переводит слово пришло для обозначения порохомов, так составило — порошок жезл (porche kerke).

протоиереем были для него русские географические названия; их он списывает букава за букавой с русского подлинника, сохраняя иногда русское падежа²⁾.

При переводе допущены лишь незначительные оmissions, весьма, однако, характерные. Голландцы, работавшие над русским текстом, как протоиерей и как республиканцы, повидимому, находили религиозная и политическая фразеология жескони XVII века, и он выбросил или сократил абзаци, содержащие подобныя выражения³⁾. По тем же соображениям религиозной неестественности и политического нуританизма — речь Ермака о их воинственных образинах и признаках и первооткрывательности чувством илюкием автором источника, собственными словами. Наконец, он пропускает слишком специфические русские термины и названия: так он вынужден слова «себеданей человек» пре Строголова, сказать, что он бежал «отер Ретин»; между тем, как в русском тексте сказано: «в Зарине, сареп и Пермь великую» и т. д.

С другой стороны, переводчик позволял себе делать некоторые неоправданные добавления, необходимые для пояснения смысла пространию, не осмысленному в русских обстоятельствах, например, сообщивше подлинника, что рациональчик Строголова «от страха смерти и казни великого государя царя Иошана Васильевича зема Россин» сдвинулся из Новогграда убеждать, — он поясняет так: «сказавшего перед тем царь Иван Васильевич ходил с большим войском, чтобы искнать постродичей за восстание и сопротивляние».

Учитывая все упомянутыя недочеты, объясняемыя в значительной степени литературными проблемами переводчика, мы, в общем много, имеем все-таки перевод очень близкий к подлиннику, настолько близкий, что мы можем даже установить приблизительно реакцию, которой воспользовался Витгеню. Во-первых, легко убедиться, что у Витгеню повесть была не в своем первоначальном виде, а уже перискорированной в географический текст «Описания Сибирского государства». В «Описании Сибирского государства», как видно в нашем обзоре, повесть переработана:

²⁾ Например место Ермак «Амбуксу... Оу... добрал лужит по-казачески: «де бебел... Айбокс... Ова бейт бу бепартеге; фраза об отцеде Курилы сына из Абобан — «оноч бу... in afen verzoeken de Rietse Naboide». При такой неоправданной передаче шпатель шпатель была вероятно ошибка и опечатка — речь Дюроин переводит так: «де; указывая русскому тексту на то, что речь эта должна код Бухарю и востану Фелю (т. е. Хитр) — он писал так, что Фелю рая, и перевод, что речь Бу паша ко востану реку Фелю.

³⁾ Он пропускает, например, слово «обозначено по известию и государственному съезду в съезде культурного русскогого царства вошпанна и т. д., говоря про Абду, «вотны паша востанит Христовом, и с сь и в д и православныя истины и хрестом крестная протв, затвором обозначено культурное известие законна протв, обозначено, но первоначально сказано: «де востанит Б и д в б и е в д о».

истанками географического содержания, получившиеся благодаря механическому соединению исторических и географических источников. В голландском переводе целый ряд таких истонков сохранен. Например, в русском тексте по поводу перехода Ермака через Верхотурский Камень сообщается некоторое сведение об Уральских горах и о реках, соединяющих с них на западную сторону «в Московское государство» и Волгу и в Хвалынское море и на восток «в Сибирскую сторону» в Сибирь в кородах; отрывок заканчивается известием о Магданском городе и о пути в Мангазею на Архангельска. Эта история, в несколько сокращенном виде, имеется и в голландском переводе, а так как известно, что историко-географическая хронология является результатом того, что исторический текст был вписан в текст географический, то очевидно, что перевод был сделан с известия после того, как она уже была вставлена в «Описание».

Редация «Описания», бывшая в руках голландского переводчика, очень близка к двум известным и почти равновесным¹⁾. Это с очевидностью показывает хронология собственных имен, особенно в шибках²⁾. Фантастическая хронология Витзеца, согласно которой поход Ермака начался в 1573 г., несомненно, восходит и опирается в русском тексте, где упоминается поход Ермака отнесен к 1680 г. Что в русском тексте явилась ошибка из-за того, что перед тем это событие отнесено к 28-му году по эдикту Калана, которое русская повесть приурочивает к 1661 г. Витзец не проверил хронологических выкладок своего источника, принял за веру 1680 г. и исходя из этой даты и дальнейшей³⁾.

Но при всей близости к известным нам спискам, редакция Витзеца несла и некоторые свои отличия. Во-первых, в нескольких случаях вставка не вполне совпадает, и это особенно важно отметить, принимая во внимание, что переводчик рублик следовал в отношении транслитерации имен русскому подлиннику: город «Чертова городище» у Витзеца назван, например, «Zerof Gorofook» и т. д. Далее в голландском тексте находится слова, несомненно, русского происхождения, которых в известных списках нет; например, войска, посланные для прекращения казачьих разбоев, названы «Мизовские», т. е. цыганские — слово, очевидно, попавшее в голландский перевод из русского

подлинника, но отсутствующее в обоих наших списках. Ни-ряду с отдельными словами, есть некоторые дополнения и в самом тексте, при чем дополнения эти нередко носят тоже другие черты своего русского происхождения. Такими чрезвычайными любопытными подробностями о хребтах и атамане Громи Нишкова, в Москве о наградах, которые получали казаки (им, между прочим, посланы золотые конейки — *gouds kerckje*) и о правительственных мероприятиях по заселению вновь завоеванных стран, в частности о поселке в Сибири в Вологде славянофилов, которых представлялись «вольные подводки» (*free Rodwoden*) и 20 руб. (*Roebel*) подати. Во всем русском тексте русских слов не оставляет сомнений и заимствований из русского источника⁴⁾. В других случаях, где заимствование не прослеживается в достаточной мере отчетливо, дополнения, которые мы находим в голландском переводе, покрывают явные пропуски в известных нам русских списках. В этом отношении интересно сравнить описание битвы под Исетью в русской редакции и в голландской. В первых пет собственное описание самой битвы, которое можно восстановить по голландскому переводу.

Но самое существенное отличие Витзецовской редакции от Румянцевской и Толстовской заключается в том, что в них обеих интересующая нас повесть сохранилась без конца и обрамляется на протяжении Кучума размышляет тело Ермака. У Витзеца рассказ продолжается и сообщаются совершенно оригинальные сведения о длительности в Сибири казачес с Громи Нишкова во главе после смерти Ермака (о походе на Абалак, о семье Кучума, о походе на нижнюю Обь).

Таким образом, у Витзеца мы имеем повесть, выходящую в «Описание Сибирского государства» в редакции, близкой и вепитаниям русским спискам, однако, более полной, и, что особенно существенно, с продолжением, отсутствующим в обоих русских списках.

Витзецовское издание позволяет датировать «Описание Сибирского государства» более точно, чем сделано нами в тексте. Терминал reset quon определенно устанавливается упоминанием в «Описании» 101 года (1685), года разорения китайцами русских островов на Зен. Терминал ante quem дает Витзец, который поместил повесть, извлеченную из «Описания» во втором издании, позднеjších в 1705 г., и эта дата дает более точную дату, чем год смерти хун-тайчи Галдыя, упомянутого в повести Бопеху-ханом, упоминаемым, и котором, как о живом лице, должно быть упомянуто «Описанием» на одного из его источников. Итак, время составления «Описания» определяется двадцатипятилетием с 1621 по 1705 г.

¹⁾ Известно только название и в рассказе в сабел Ермака, который тоже может быть отнесен к русскому подлиннику, судя по тому, что и в нем встречается русское слово (*Witzece* или *Witze*).

¹⁾ Архив. Большая часть «Описания» по двум спискам: Публичной библиотеки (№ сб. р. Толстого) и Румянцевскому музею; также Тита и начертана по по одному Румянцевскому списку.

²⁾ Р. Рубик, упоминает вступлении Г. и т. д. — «Описание», весте П. и т. д. Известны нам русские редакции; последовательная речь Г. и т. д. закончена в известном порядке сама Ф. и, в первом переводе русский подлинник упоминает Хмы и т. д.

³⁾ По двум известным нам редакциям Толстовской и Румянцевской редакций, так как в нем известны названия и Толстовское сообщают в издании названия переводов из Голландии.

Есть, однако, основания думать, что «Описания» скорее началось, чем началом указанного десятилетия. Во-первых, в «Описании» нет упоминания на Камчатку, сведения о которой достигли Сибирского приказа, материалами которого, несомненно, пользовался составитель, но поспешно февраля 1701 года⁴⁾. Далее, уже в 1 издании Ватсона 1692 году мы находим признаки использования «Описания». В целом ряде случаев здесь наблюдается очевидное сходство с текстом «Описания» как-то, стр. 497, 509 (стр. Сиб. лет., стр. 579⁵⁾), позволяющее утверждать, что значительная часть «Описания» была известна Ватсону через его корреспондентов уже в 1692 году, хотя в сокращенном виде, и при том не в виде отдельных известий, а целиком, хотя и несколько своеобразного географического сочинения. В первом отрывке (стр. 497) и рассказу об охоте Ямале пришло известие о Мингазейском городе, и, далее, к описанию земли колчаном приводится дорожка по Тунге, как это имеет место и в рукописи «Описания»; во втором отрывке (стр. 509) мы находим продолжение этого дорожника, при чем к описанию пути из Томска в Кузнецк и вверх по Оби привнесены совершенно особым образом отрывки, начинающий свой рассказ с Самаринского яма. Стояж, это не сырые материалы, а уже обработанные произведения, объединяющие разнородные источники, и, в виду полного совпадения текстов, не подлежит сомнению, что это было именно «Описание Сибирского государства»⁶⁾.

Такой образ, вероятно автор или редактор «Описания» значительно отодвигается назад, и можно думать, что оно составлено между 1681 и 1682 г.

В заключение надо отметить, что уже в издании 1692 г. писаво, по-видимому, дословно сообщением писка-то лица, бывшего за Уралом⁷⁾, в котором излагается кратко сведения о походе Ермака, сильно напоминающие в некоторых деталях нашу повесть. Характерной чертой этого рассказа является путь Ер-

мана в Сибирь, русскою Уткою, который в известных нам повестях о завоевании Сибири нигде не фигурирует, кроме повести, вышедшей в «Описании» (Сиб. хл., стр. 300). Поразительное совпадение мы находим, далее, в одной литературной детали при описании смерти Ермака: у Ватсона сказано «*soak als een Steen*», в «Описании Сибирского государства» — «*саме и поиде ко дну, как камень*». Есть совпадения и в других частях повествования: «*Киев сообщенье*» утверждает, что тело Ермака не было найдено, что противоречит русской легенде, но могло быть выведено из текста нашей «Повести», в которой эпизод этот объясняется на припадании Кучума тело Ермака из охота выловить и т. д. Мы видим, таким образом, много общих черт между текстом «Описания» и «Киев сообщенье», и это позволяет предположить, что мы имеем здесь сокращенные повести, вошедшие в «Описание». Если эта догадка верна, то мы подкрепляется высказанная нами гипотеза о составлении «Описания Сибирского государства» или в первом случае, по крайней мере, повести, в него включенной, ранее 1692 г.

Таковы главные выводы, к которым приводит детальное изучение исторических сведений в Сибири, включенных у Ватсона, в изданиях 1692 и 1705 годов.

Б стр. 31.

Повесть, вошедшая в «Описание Сибирского государства» называется Строгановою по имени, по которому, сведения, Макема, участие которого в организации завоевания Ермака было прочно установлено литературной традицией, назвало которой относятся к Новому летописцу.

К стр. 23.

При ближайшем изучении текста повести, вошедшей в «Описание Сибирского государства» выдвигается один интересный вопрос, который не, это статья «о велики Сибири» в Новом летописце, который, впрочем, автор использовал чрезвычайно свободно. Отсюда вышлываюшая облик построения начала повести: переход южнее в Дому на Волгу, грабежи на Волге, взятие за них посылка, бегство Ермака с товарищами из Камы, прибытие в «Строгановы вешние». Далее в Новом летописце; «*свершилися мянушихся тамо: которой государство традиция с тамо случилися*». Они же рече десе: Сибирское государство и есть не из дальности: расстояни отсюда, лишь же тамо мянушек Кучума». В повести это изложено более распространено: «*мужика Строгановы... убоялся Ермака и товарищи и повелели в весех Сибирского царств и о вобраза великих, что в той стран Сибирской великого злири подобно и люди живущия не храбры: мы же оть них зововы оть гдъ на 1000 верстине*» и т. д. Далее не статья замечательна, очевидно, число сподвижников Ермака—600 чел.

⁴⁾ См. статью О г л о б и н а в «Ис. Рус. Ис. в Др.», 1888, I.

⁵⁾ В некоторых отрывках из «Описания» ссылки на книгу Ватсона в двух разных изданиях.

⁶⁾ Такое предположение подкрепляется необычайной близостью текста первого отрывка и известия или рукописи редизации, отобрано в тринадцатом издании имени (Путешествий отроку Ермаку, сына воеводы Струковскаго—Товарища; от Мужиков Остроу-тово—къ Маршала Строганова (Сиб., р. Том., из. Том.—Томск и т. д.).

⁷⁾ Означается «Киев сообщенье» в ряде Строгановых и в завоевании Сибири (Vater im Jahre 1682 hat vielkhet geschicket den Kaiser, in der letzten von Siberien). Ветин не вывел из этой формы слова «сообщенье», которое является се собственным делом его автора, и это было повод предположить, что выходящая с нем предание изданный писка Ватсону, и что Ветин сам был на Урале, приключившись к охотничьим изысканиям, принимая за известия, что Ветин начал в другом месте не указывает на имя собственное. Издательство на Урале и эти сообщ. «Киев сообщенье» и, следовательно, при использовании материала «Описания» государства не предположения в XVII веке изданный.

В дальнейшем следов значительности в Новым летописцем не видно. В общем итоге, автор, вероятно, знал начало статьи Ивана Летописца (вероятно, в издательской порода), перенесла последовательность рассказа до ухода Ермака от Строгановых, но все изложил по своему, дополнил и вычленил. И тут, как в других случаях, скорее можно думать, что он воспроизводил прочитанное по памяти, или писал, во многом под глазами источника.

К стр. 39.

Впечатание (первый абзац). Влияние разобранной нами повести можно проследить на некоторых литературных памятниках XVII века, например, на сокращенных редакциях Енисейской летописи (по списку Вууносовскому и Голубинскому), которые на нее, вероятно, влияли сообщения о роли Максима Строганова и о числе созданных Ермаком.

Следует читать: Влияние разобранной нами повести (особого состава) которые из них и т. д.

Маленькое сошло и тому, что на новейшие редакции Енисейской летописи (Вууносовский, Голубинский) были введены как повесть, вошедшая в «Описание Сибирского Государства» и в «Букварная краткая летопись». В ходе дальнейшей работы над Сибирским летописанием и приемах, однако, в связи с выведением выше явным показано, что на названных списках Енисейской летописи оказалось значительное не с составом особого состава, а с статьями Нерого летописца, под влиянием которой находились и автор повести, вошедшей в Описание.

К II ГЛАВЕ ПЕРВОГО ОЧЕРКА.

Печатаемый очерк не преследует задачу дать полную Сибирскую историографию. Целесообразно в виду лишь отметить основные направления в разработке истории Сибирской колонизации в целом. Поэтому сознательно обогатили молчаливым и часто сомнительным, сами по себе интересными и ценными, но касающимися отдельных вопросов, а не дающие общей схемы ¹⁾.

Со времени сдачи в печать II главы Первого очерка вышло в свет две работы по истории Сибири, имеющие общий характер. Это — I-й выпуск II части «Очерков» В. И. Огородникова (Чита, 1929 г.) и «Тезисы по истории Сибири» Н. Н. Фирсова, 1 и 2 вып. (М., 1921 г.; 1-й выпуск представляет особое повторное издание 1915 г.). На них продолжение вынуждено Огородникова, по характеру своему, не отличается от первой ее части; не заданная целью самостоятельного исследования, автор дает список всей литературы по данному вопросу, не затрагивая никаких выводов, но посылает и необходимому при изложении выгоды исторической

¹⁾ Краткая историография Сибири см. у С. Г. Роджерса «Общая история Сибири до начала XIX в.», т. I. Ленинград, 3. Фирсов «История сибирской колонизации», стр. 45—51 (Иркутск, 1920 г.).

литературы по Сибири; значение его работы лишь отчасти удаляется изданной заимчивостью от подобной, недостатком, который в значительной степени приглушен первой частью его труда.

Что касается «Тезисов» Н. Н. Фирсова, то отсутствие метода и ясности и названной моральности, недостаточное знакомство с первоисточниками, даже шестнадцатыми, а главное, ряд мало обычных ошибок делают их весьма мало ценными.

Как добровольные писатели последних лет, находившиеся в связи с пребыванием областной власти, отчету вполне большие литературы по истории отдельных областей Сибири, давшей ряд интересных по своему работ ²⁾.

К I ГЛАВЕ ВТОРОГО ОЧЕРКА.

К стр. 58.

На ряду с Устьютом крупное торговое значение приобретает в XVII в. на Поворотном пути и Соль-Вангородская, куда с Москвы вывозили каждую осень торговые люди для скупки пушнина, идущей из-за Урала.

К стр. 68—70.

Более точные данные об основании Усть-Цильмы, на основании ненапечатанного материала, см. в моей статье «Сибирские слободки в XVII в.», во II т. Трудов Государств. Научно-исследоват. Комиссии Империалу Института (Москва, 1926 г.).

К стр. 84.

River Natamsay или Natamsy упоминается как у Барро (Haeuyl, изд. Ryeguman's Library, I, стр. 318), так и в описании Томаса Рандольфа 1688 года (там же, II, стр. 95); в последней сказано, что между Байтчем и Обью есть бухта, в которую впадают два реки: Карь (Carh Rea) и Natamsy. Возможно, что мы имеем тут смешение с Нароускити юзер.

К сод. VI и след.

Над историей Строгановых работается в настоящее время А. А. Певденский; за последние годы он издал целое количество чрезвычайно ценных статей, извлеченных, по видимому, отрывками одного большого исследования: «Строгановские экспедиции»

²⁾ Таковы: Миссионерские труды в Забайкальском крае; в турустской турустской литературе (изд. I, стр. 6) Голубинский, Фирсов, Фирсов, и Голубинский труды; в среднем объеме Оби на территории (стр. 2) список выводов из Илариона, — очевидно, основан «Иларион» (стр.); подробные же подробности истории и в других местах: Голубинский, Фирсов, Голубинский и Голубинский (стр. 1028 г.), но издается исключительно в издании Голубинского (стр. 10), другая редакция в «Общественном» (стр. 10) в т. 2.

³⁾ Н. Н. Козьмин, Холмы (Прир. 1923). Р. Покров, История Нерога (Иркутск), А. А. Сиверин, Истор. очерк Далекого края, (Енисей, 1926). М. П. Богданов, Обзор истории Верхнего Урала, (Иркутск, К. Козьмин и др. (Иркутск, 1929).

(Архив истории труда в России, 1931, кн. III, стр. 63—79); «Линия Строганов в своем Социально-экономическом хозяйстве» (Обзор, статей по рус. истории, посвященных С. Ф. Платонову, 1923 г., стр. 90—112); «Библиография и архивы Устрогановых в XVI—XVII в.» (журн. «Север», 1923 г., кн. III—IV); «Происхождение Строгановых (там же, 1923 г., кн. II); «Случаи жизни и работы людей Устрогановых в XVI—XVII в.» («Труд в России» 1924 г., кн. I, стр. 64—71); «Устрогановы в Вологде» («Север» 1925, кн. V). Кроме того, мы в 1924 г. издали под заглавием: «Торговый дом XVI—XVII в.» (в «Материалах социально-экономической истории России», под ред. А. И. Зверевского и П. И. Кашина) собрание пятнадцати документов по Строгановым. Все перечисленные работы, безукоризненные по научному методу, основанные на материалах и богатые содержанием, касаются так много нового и изучаемый вопрос, оспаривая до сих пор господствовавшие от внимания исследователей стороны, что выставляли с большим интересом ожидать появления всего исследования А. А. Введенского в целом. Судя, однако, по обзорнику: «Торговый дом XVI—XVII в.» в распоряжении автора не имеются для писателя очень мало новых данных о деятельности Строгановых на Урале. Помимо этого, будучая по замыслу и осуществлению таким неожиданным успехом, равнозначная экспедиции в долину Тобола должна рассматриваться лишь как случайный эпизод в колонизаторской деятельности Строгановых, главное значение которых было направлено на эксплуатацию соляных источников Прикамья.

На отдельных тех, разработанных А. А. Введенским в его статьях, и позволю себе касаться лишь вопроса о «Происхождении Строгановых», так как он имеет некоторое отношение и к историографии Сибири. Автор оспаривает общепринятое мнение о первоисточнике происхождения своих героев. О большой тщательности и искусстве он подвергает критическому разбору известные указания, почерпнутые из летописи, данных списков и родовых книг, и отрицательные выводы, к которым он приходит, следует признать во многих отношениях убедительными. Слабее та часть его работы, где он пытается вынести полные литературной традиции о первоисточнике происхождения Строгановых. Автор полагает, что традиция эта сохранила в XVIII в. Миллера, который в данном случае ссылался на Витзена, и утверждает, что Миллер, цитируя Витзена, допустил ошибку, так как разбор сообщений Витзена о Строгановых... решительно не дает никаких данных для сведения Строгановых из Новгорода. Миллера, говорит он, считал, что Строгановы — поварихинского рода, что у Витзена нет, свою задачу первоначально исполнил Витзену; оставшиеся истории, пользуясь недостаточными Витзеном на вторых рук через Миллера и Карамзина, повторили эти ошибки. Добросовестность и ученая осторожность Миллера, впрочем, должны были служить гарантией точности его цитат. Действительно у Витзена (цитирую издание 1785 г.,

которым пользуется и автор) на стр. 717 читается про Ермака: «is hy gekomen tot plaetsen alwaer een Stroganof woonde; deze Man was gebortigt van Novgorod». Таким образом, свои сведения Миллер действительно заимствовал у Витзена. Мы можем, однако, вынести и источник самого Витзена. Это, как указано мною в тексте, «Описание Сибири», составленное между 1683 и 1705 годами в Москве, где сказано: «А тот мужик Строганов породом извородец, посадкой человек, иже от страха смерти и князя великого государя царя Иоанна Васильевича всея Руси самодержца на Новгород убежал со всем своим семейством и сыном, сиречь в Пермь великую, чрез Великий Устюг на вершину Камы речя, на места необитаемы, на великую реку Каму» (Сиб. лет., стр. 368—369). Итак, мы имеем дело с литературной традицией уже XVII века, и это обязывает исследователя так или иначе попытаться объединить ее происхождение, прежде, чем считать вопрос разрешенным.

К стр. 191, примеч. 1.

Адам Бранд пользовался, видимо, путевым журналом путешественника. Составленное самим Избрандом описание его путешествия, напечатанное во французском переводе в VIII т. амстердамского издания: «Recueil de voyages au Nord», мало развито поэтому с фактической стороны в рассказе Бранда, как легко убедиться на сравнении обоих текстов, но требует специального исследования, чтобы установить наиболее между ними отношение. Во всяком случае, второе издание книги Бранда, вышедшее в 1712 г., должно быть переработано по печатному тексту Избранда.

К П ГЛАВЕ ВТОРОГО ОЧЕРКА.

К стр. 128—131.

В документах Иркутского Преподобия (в. I, № 10) имеется любопытное повествование об исследовании енисейского десятилетия Власки Юрьева, которому в 1636 году было поручено «йти с служивыми людьми на Яму и которые реки шведут своим устьем в море». В этих первоначальных изложении сведения о трех описанных в тексте путях к Ледовитому океану: морем на Оленок («ишшех-де на Ледового устья и пошши морем впаде берет по левую сторону... и морем ируром бежали донга и т. д.), морем на Яву («ишшех морем по другой стороне от Ледового устья возле берет и Илскому устью, и шши морем в котлах 2 недели, и на море-де их разбило на кошши») и, наконец, сушей на Яву («ишшех путем нагами через Камень».

К ТРЕТЬЕМУ ОЧЕРКУ.

К стр. 143.

На отдельных монографиях, посвященных темным вопросам из истории открытия Сибири, которые вышли за последние годы, следует отметить прекрасные по детальности и точности исследования Л. С. Верга: «Новости о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука» (в издании по Гидрографу, т. II (XLIII), вып. 2, 1920 г.) и «Открытие Камчатки и Камчатские экспедиции Беринга» (М. и Петр. 1924 г.).

К стр. 155.

Прозвище Хаб-роад — Святительский употребляется в Приамурском ст. лет. 1630 № 79, и 1630 № 29.

К стр. 169.

Насколько реальны были торговые интересы России в Китае в конце XVII века и как благоприятно отразилась на русской торговле заключение мирного договора в 1690 г., выясняется то обстоятельство, что только по подписанию договора, Ф. А. Головин, не связываясь с Москвою, прямо «на разрядного шатра» послал в отставку для торгу в Китай караван из служилых и торговых людей. Приток китайских товаров в 1690/1 г. выразился в сумме 14 478 р., в 1691/2 г. — 23 901 р., 10 коп., в 1693/4 г. — 59 666 р. (Сиб. вник. из. № 1663, дд. 170, 178, 203—204, 228).

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.

- Абаша, село — 72, 24, 31.
 Абаш-сит — 44.
 Абашский остров — 170.
 Абашинский губа — 64.
 Абаи — урочище.
 Абура (Салман-Улу-Хотун), гор. — 136, 165.
 Абурашкан, с. — 557.
 Абурик, р. — 190, 189, 192, 104.
 Абуриканский язык — 81.
 Абурикан (Абуриканский остров), с. — 134, 197, 195.
 Абури, р. — 128, 125, 120, 140, 167, 195, 166.
 Абуриканский о-ва — 170, 171.
 Абури — 162, 172.
 Абурикан — 171.
 Абурикан-гор (Улаи), м. — 159.
 Абури, р. — 124.
 Абу, р. — 140.
 Абуриканский перованг — 140.
 Абуриканский шельф — 162.
 Абурикан — 170, 171, 172.
 Абу-Дарья, р. — 170.
 Абу, р. — 18, 38, 110, 125, 135—138, 195, 167, 169, 174.
 Абури (Абури) — 110, 125, 120, 165, 177.
 Абуриканский остров — 125, 165.
 Абури, м., Туругань Восточная.
 Абури, р. — 125.
 Абуриканский остров — 124.
 Абуриканская гавань — 102, 105.
 Абуриканский остров — 103, 109.
 Абури, р. — 158.
 Абуриканский форпост — 124.
 Абуриканский (Абуриканский горный) с. — 68, 74, 77, 83, 85, 147, 148, 171.
 Абурикан, с. — 147.
 Абури, урочище — 7.
 Абурикан горный — 26.
 Абуриканская гавань — 102.
 Абу, р. — 80.
 Абурикан, урочище — 25.
 Абурикан, м. — 48, 153, 131, 126, 167, 184, 167.
 Абуриканский остров (Евгений остров) — 24.
 Абуриканский остров — 161.
 Абуриканский о-ва — 174.
 Абуриканский перованг — 147.
 Абурикан — 156, 156, 175.
 Абурикан, р. — 37, 42, 99.
 Абурикан, р. — 166.
 Абуриканская Туругань — 157.
 Абуриканский остров — 130, 137, 126.
 Абурикан, р. — 225.
 Абурикан, Восточная земля — 20, 157.
 Абурикан море — 68, 93, 147.
 Абуриканский остров — 113.
 Абуриканский перованг — 149.
 Абуриканский остров — 21.
 Абурикан (Сургут-кал) и Беринговский с. — 63, 62, 65, 67, 73—75, 78—80, 82, 67, 91, 100, 155, 157.
 Абурикан, р. — 99.
 Абуриканский пролив — 128, 129, 153.
 Абуриканское море — 122.
 Абуриканский остров — 150, 172.
 Абурикан, р. — 109.
 Абу, р. — 150.
 Абурикан, р. — 142.
 Абуриканский губа — 71.
 Абуриканский остров — 21.
 Абуриканская земля — 173.
 Абуриканская (Овощная) губа — 129.
 Абуриканский остров — 157, 164.
 Абуриканский остров (Восточный, Евгений) — 24.
 Абурикан (Восточный), р. — 123.
 Абуриканский остров — 95, 107.
 Абуриканский берег — 83.
 Абуриканский остров — 103.
 Абурикан (Абурикан) — 22, 36, 38, 39, 106.
 Абуриканский, острова — 124.
 Абури, р. — 74.
 Абури, р. — 7, 23, 131.
 Абуриканский остров — 156.
 Абурикан, м. — 31, 36.
 Абуриканский Восточный остров (Восточный) — 21.

Варисский коло — 83.
Ваз, р. — 112—114.
Валдай (Тихая, Восточный) озера — 110, 163, 165, 166, 170, 171.
Варюжский остров — 139, 143, 160.
Варяжский остров — 162, 164.
Варяжские и Варяжский г. — 16, 66, 73, 80, 88, 125—127, 129, 131, 136.
Варяжский остров — 167.
Варяжский берег — 178.
Варяжский край — 125.
Варяжский город — 100.
Вазь, р. — 61.
Валдайское озеро — 69.
Валдай, р. — 109, 133, 137, 162.
Валдай, р. — 83, 89, 102, 135.
Валда, р. — 12, 145, 147.
Валдай, г. — 105, 107.
Валдай, г. — 83.
Валдай, г. — 120.
Валдай, г. — 114, 130.
Валдай, г. — 112.
Валдай (Черный) — 112.
Валдай, г. — 142.
Валдай-Уржумские разливы — 143.
Валдайский коло — 41.
Валда, р. — 61, 63, 67, 73, 74, 100, 106.
Валдай, р. — 61, 65, 69, 69, 80.
Валдай, г. — 143.
Валда, г. — 147.
Валда, коло — 63.
Валда (Валдай), р. — 129, 160.
Валдайское озеро — 12.
Валдай, р. — 61.
Валдай (Тихая), р. — 125.
Валдай, р. — 120, 160.
Валдайское озеро — 143.
Валдай (Валдайский) — 12 (112).
Валдайское озеро — 169.
Валда — 169.
Валдай, Валдай, Валдайские озера — 132—138, 139, 146, 167, 168.
Валдайское — 167.
Валдайский же — 116.
Валдайский озеро — 100.
Валдай острова (о-ва Валдайские) — 164.
Валдайский остров — 136.
Вал, р. — 167.
Валдайские — 55, 108, 109.
Валдай, р. — 114, 122.
Валдайский коло — 112.
Вал, коло, р. — 62, 73, 78.
Валдай (Валдай, ГИИО) — 110—144, 150—153, 157, 183, 190, 191, 193, 170.
Валдай (Валдайский) остров и Валдайские озера — 75, 79, 81, 85, 110—113,

123, 124, 127, 128, 137, 139, 140, 152, 166, 169, 181, 182, 183, 191.
Валдайские озера — 114, 130, 131, 161.
Валдайские озера, Валдайские озера, Валдайские озера — 123, 139.
Валдайский остров — 110, 139.
Валдай, г. — 132.
Валдайские озера — 23.
Валдайские озера — 157, 172.
Валдай, р. — 107.
Валдайские озера — 102.
Валдай, г. — 135.
Валдайские — 144, 145.
Валдайские — 144, 145.
Валдай (н. Валдайский) — 81, 89.
Валдайский берег — 61.
Валдайские озера, оз. — 22.
Валдайские озера — 173.
Валдай (Сельва, Валдай), р. — 81—83, 87.
Валдай (Валдай-то — Валдай), оз. — 85.
Вал (Вал) — 85, 110, 136, 139, 142, 147, 162.
Валдайские озера — 175, 174.
Валдайские озера — 145.
Валдайский остров — 174.
Валдай (Валдай), р. — 138.
Валдайские озера — 63, 69—70, 73, 75.
Валдай, р. — 61—63, 68, 144.
Валдай — 124, 125, 136, 162.
Валдайский остров — 125, 126, 140, 162, 165.
Валдай, р. — 63.
Валдай, р. — 100.
Валдай, р. — 120.
Валдайские (Сельва-ов.) — 110, 138, 169.
Валдай, коло — 108, 160.
Валдайские озера — 134.
Валдайский остров — 138, 166.
Валдай, оз. — 132, 166.
Валдай, р. — 161.
Валдайские (Валдайский) остров, оз. — 137, 141.
Валдай, р. — 7, 20, 11, 35, 89, 102, 114, 146, 148, 160, 161, 164—167, 69, 170, 172, 173.
Валдай, р. — 98, 112.
Валдай (Сельва, Валдай), г. — 0, 40, 24—30, 32, 151, 152.
Валдай, р. — 109, 170, 172, 173.
Валдайский остров — 136, 151.
Валдай, оз. — 170, 171.
Валдай, г., Валдайские озера — 65, 66, 80, 91, 101, 103, 107, 109, 145, 147, 149, 151, 152.
Валдай — 11, 71.
Валдайские, р. — 50, 101.
Валдайские — 171.

Валдай, р. — 21, 61, 63, 65—69, 97, 101, 105, 148, 149, 160, 166.
Валдайский же — 110, 164.
Валдайские — 105, 170.
Валдайские озера — 65, 81, 85.
Валдайские озера — 50—67.
Валдайские озера — 36.
Валдайские озера (Валдайские озера) — 81, 82, 83, 87.
Валдай, г. — 103.
Валдайский остров — 103—110.
Валдай, р. — 120.
Валдайские озера — 124, 125, 127.
Валдай, г., оз. Валдай.
Валдай, г. — 153.
Валдай, г. — 111, 112.
Валдайские (Валдай), озера — 96, 97.
Валдай (Валдайский) — 75, 112, 118, 130.
Валдай, р. — 110—112, 109.
Валдай, г. — 63, 77.
Валдайские озера — 71.
Валдайские озера — 132—134, 138, 148, 167, 168, 174.
Валдайские озера — 68, 67.
Валдайские озера, г. — 203.
Валдай, р. — 89.
Валдайские озера — 80, 85.
Валдайские (Валдайские), оз. — 70, 84, 148.
Валдайские озера — 110.
Валдай, г. — 103.
Валдайские озера — 106.
Валдайские озера (Валдайские) — 112, 174.
Валдай, г. — 110, 138, 139, 131, 132, 136, 165.
Валдайские озера (Валдайские, Средние и Малые) — 164.
Валдайские озера и Валдай — 156, 157.
Валдай — 174.
Валдайские озера (Валдай) — 112.
Валдайские (Валдайские) озера — 31.
Валдай, р. — 102.
Валдайские озера — 145, 166.
Валдайский остров — 104.
Валдайские озера — 30.
Валдайские (Валдайские) озера, г. — 42, 53, 200.
Валдайские озера — 15.
Валдайские озера — 120.
Валдайский остров и Валдай — 160, 161, 170.
Валдай, р. — 120.
Валдай, р. — 160.
Валдай, р. и Валдай — 28, 101, 162.
Валдай — 71.
Валдай — 104.
Валдай (Валдайские) — 167, 173.
Валдай, р. — 1.
Валдайские озера — 171.
Валдай (Валдай), г. — 122, 124, 127, 162.
Валдай, р. — 122.

Валдайские озера — 23.
Валдай, г. — 144.
Валдайские озера — 75, 77.
Валдайский остров — 113.
Валдайские озера — 119, 120.
Валдай, г. — 147.
Валдай — 107, 110, 111, 120, 123—129, 132, 154, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 170.
Валдайские озера — 120, 124—128, 161, 162.
Валдай, оз. — 171.
Валдай, г. — 147, 149.
Валдай, г. — 23—24, 102, 155, 156.
Валдайские озера — 100, 155, 156.
Валдай, р. — 105, 104.
Валдайские озера (н. Валдайские) — 104.
Валдай, р. — 63, 67.
Валдайские озера — 110.
Валдайские озера — 129.
Валдайские озера — 110—112.
Валдайские озера — 141, 160.
Валдай, оз. — 82, 166.
Валдайские озера (Валдайские озера) — 82, 67, 85, 116, 114, 117, 120, 162.
Валдайские (Валдайские) озера — 65, 66, 67, 62, 71, 73, 74, 76—80, 82—87, 104, 108, 110, 114, 113, 116, 118—124, 127, 128, 148, 149, 152, 160, 161, 162, 168.
Валдайские — 174.
Валдайские — 175.
Валдай, р. — 132, 163.
Валдайские озера — 81.
Валдайские озера — 60.
Валдай, р. — 92, 68, 73, 74, 80.
Валдай (Валдайские озера), г. — 10, 71.
Валдай, г. — 168.
Валдайские, г. — 161.
Валдай, р. — 173.
Валдай, р. — 132.
Валдайские (Валдайские) озера — 22, 165, 174.
Валдайские озера — 173.
Валдайские озера — 55.
Валдайские озера — 103.
Валдай, р. — 123, 128.
Валдай, г. и Валдай, р. — 90.
Валдай, р. — 124.
Валдайские озера — 124.
Валдай, г. — 161.
Валдай (Валдайские озера и Валдайские озера) — 31—35, 27.
Валдайские (Валдайские) озера — 11.
Валдайские (Валдайские) озера — 34.
Валдай, г. и г. — 50, 78, 110, 114, 166.

Нану (Нана), р. — 185.
 Наньда, с-в — 113.
 Наньшаньская — 102.
 Наньшань, у. — 102.
 Нань-шань, горный хребт. — 23.
 Нань, р. — 23.
 Нань, р. — 128.
 Нарен, р. — 126, 133, 107.
 Наренгань (Наренганский остров), г. — 126, 135, 137.
 Наренгань, г. — 103.
 Наренгань — 152.
 Наньшань, г. — 147.
 Нань, р. — 4, 301.
 Наньшань, Восточн. с. — 2, 31, 51, 65, 67, 141-146.
 Наньшаньский хребт. — 171.
 Наньшань, горн. окр. Обьирок.
 Наньшань (Наньшань, Наньшань), р. — 154.
 Наньшань, р. — 126.
 Нарен (Обьирокский горный хребт. Нарен-Наньшань, Салыгар-Наньшань), Обьирок — 63, 71, 77, 79, 118, 126.
 Наренская жемч. — 74-77, 79, 130.
 Наренский ам. — 103.
 Наренская губ. — 71, 75, 80, 82-84, 114, 115, 122, 123.
 Наренский горный (Наньшаньский горный) — 154, 155.
 Нарен, р. — 11, 31-34, 66, 73, 77, 79, 83, 84, 85, 102, 110, 112-110, 122, 142, 149, 153, 154, 155, 157-159, 163, 170, 172.
 Нарен, р. — 121.
 Нарен (приток Н. Тунгуски), р. — 137, 142.
 Наренская жемч. — 124.
 Нарен, р. — 126, 134, 135, 166.
 Наренский остров — 162.
 Нарен, у. — 110, 125, 143.
 Наренский завод — 116.
 Нарен (Нарен) с-в — 137.
 Наренский хребт. — 123.
 Наренская губ. см. Наренская губ.
 Наренская жемч. (Наньшань) — 157, 152, 178.
 Наренская жемч. — 113.
 Нарен, р. — 157.
 Нарен, р. — 128.
 Нарен, г. — 134.
 Нарен, горный — 163.
 Наренская жемч. — 86.
 Нарен, р. — 92, 96.
 Наренский завод — 96.
 Нарен, р. — 92.
 Нарен, см. Кюль островов.
 Нарен, р. — 150, 128, 139, 140.
 Наренский завод — 123, 129, 133, 103, 107, 171.

Нарен, р. — 103.
 Наренский завод — 103.
 Наренский (Наньшаньский завод) — 102, 104.
 Наренский завод — 134.
 Наренский завод, уральск. — 21.
 Нарен, р. — 62-63.
 Наренский завод — 62.
 Нарен, г. — 155.
 Нарен, гор. в у. — 55, 56, 104, 106.
 Нарен (Наньшань), у. — 50.
 Наренский завод — 106, 108.
 Нарен, р. — 128, 165.
 Наренский завод — 123.
 Наренский завод — 124, 155.
 Наренский, г. — 203.
 Нарен, область — 13, 31, 69, 82, 90, 94, 95, 97, 106, 147, 153.
 Нарен — 174.
 Нарен — 153.
 Наренская Вуралка, р. — 50.
 Наренбург, г. — 83, 50.
 Наренский завод — 173.
 Нарен, р. — 61, 72, 75, 77, 84, 85, 111, 145, 147, 154.
 Наренская губ. — 81.
 Нарен, г. — 62, 74, 80.
 Наренский завод — 62.
 Наренская — 109.
 Наренская — 90.
 Нарен (Наньшань), р. — 102.
 Наренский остров — 121.
 Нарен, р. — 78.
 Нарен, р. — 78.
 Нарен — 147.
 Нарен — 84, 87, 109.
 Наренский завод — 128.
 Наренский завод — 173.
 Наренская жемч. — 171.
 Нарен, р. — 114, 122.
 Наренская губ. — 155.
 Наренский завод — 115, 119.
 Наренский (Наньшаньский) р. — 69, 71, 80, 81, 83, 122, 144.
 Наренский завод — 93, 97.
 Наренский завод — 95.
 Нарен — 143.
 Наренский завод — 136.
 Наренский завод (в Наньшань) — 144.
 Нарен, р. — 102, 109.
 Наренский (Наньшаньский) завод — 71, 73, 147.
 Нарен, область — 107, 104.
 Нарен, г. — 103.
 Нарен, р. — 42.
 Нарен, г. — 141.
 Наренский завод — 81, 110, 112.
 Нарен (Наньшань), г. — 81.
 Наренский завод — 81.
 Нарен, г. — 103.

Наренский завод — 23, 43.
 Нарен-Наньшань, г. — 171.
 Нарен, г. — 90.
 Наренский завод — 21.
 Наренский завод — 103.
 Нарен — 103.
 Наренская жемч. — 137.
 Наренская жемч. — 61, 62, 63, 60, 85, 145.
 Наренский завод (Наньшаньский завод) — 154, 155, 169, 170.
 Нарен-Наньшаньский завод — 61.
 Наренский завод — 137-139, 169, 167, 168.
 Наренский (Наньшаньский) завод, г. — 167.
 Наренский завод — 157.
 Наренский завод — 153, 134, 136.
 Наренский завод — 157, 152.
 Наренская жемч. — 44.
 Наренский завод — 103.
 Наренский завод — 16, 33, 37, 41, 50.
 Наренский завод — 121.
 Наренский завод — 83, 104-154.
 Нарен — завод.
 Нарен, р. — 153.
 Нарен — 170, 171.
 Нарен, г. — 147.
 Наренская жемч. — 15, 80.
 Нарен, р., приток Юнь — 69, 64.
 Нарен, р., приток Юнь — 62, 74-78.
 Наренский завод, г. — 23, 71, 73, 75, 100, 102, 153.
 Наренский (Наньшаньский) завод, гора и завод — 93, 95, 97, 97, 101-154, 100, 108, 109, 143.
 Наренский (Н) — 151.
 Наренский завод (Н) — 111.
 Нарен, р. — 63, 103.
 Нарен, р. — 111.
 Наренский завод — 110, 113.
 Наренский завод — 113.
 Наренский завод — 173.
 Нарен, уральск. — 21.
 Наренский завод — 63.
 Наренский завод и завод — 56, 74, 73, 110, 112, 134, 159.
 Нарен, р. — 102.
 Наренский завод — 113.
 Наренский завод (Наньшаньский) — 81.
 Нарен, р. — 61, 64, 65, 108.
 Нарен, г. — 51, 77.
 Нарен, у. — 27, 80, 91, 94-96.
 Наренский завод — 27.
 Нарен, р. — 114.
 Наренский завод — 110.
 Нарен, р. — 84, 89, 102, 150.
 Наренский завод — 80, 100, 100.
 Наренский завод — 104.
 Наренский завод — 99.

Нарен, р. — 114, 118, 112, 130, 122, 143, 150, 161.
 Нарен, р., приток Юнь — 95.
 Наренский завод, см. Наренский завод.
 Наренский завод, см. Наренский завод.
 Наренский завод — 23, 43, 114, 137, 172.
 Наренский завод — 172.
 Наренский завод — 152.
 Нарен, р. — 103.
 Наренский завод — 150.
 Нарен (Наньшань) — 32, 33, 150, 151.
 Наренский завод — 152.
 Нарен, г. — 133, 135.
 Наренский (Наньшаньский) завод — 159, 167.
 Наренский завод — 145.
 Нарен, г. — 103.
 Нарен — 103.
 Наренский (Наньшаньский) — 140.
 Нарен, р. — 121.
 Нарен, р. — 89, 81, 39, 100, 146, 148, 150, 154, 156, 157, 173.
 Наренский завод и завод — завод.
 Нарен, г. — 123.
 Нарен, р. — 112.
 Нарен, гор. в уральск. — 23, 43, 74, 77, 100, 153.
 Нарен, г. — 23.
 Нарен, жемч. — 50.
 Нарен, с. — 103.
 Наренский завод — 25.
 Наренский завод — 107.
 Наренский завод — 151.
 Нарен (Наньшань), р. — 135, 160.
 Наренский завод — 110, 114.
 Наренский завод — 115.
 Наренский завод (Наньшаньский) — 123-125, 162, 163, 164, 166.
 Наренский завод — 112, 113, 130, 122, 123, 125, 161, 162.
 Наренский (Наньшаньский) — 112, 113, 130, 122, 161.
 Наренский завод — 125.
 Наренский завод — 174.
 Нарен, р. — 90, 90, 104, 105, 150, 154-156, 173.
 Нарен, р., приток Юнь — 123.
 Наренский завод — 20, 55, 104, 150, 166.
 Наренский — 172, 174.
 Нарен, р. — 137.
 Наренский завод — 144, 150.
 Наренский завод — 44, 136, 144, 151-159, 165, 167, 168.
 Наренский завод — 70.
 Наренский завод — 43, 50, 102, 107-109, 152, 154, 156.
 Наренский завод — 143.

Уин, р. — 114.
 Уин, р. — 111.
 Уин, р. — 178, 174.
 Уин, р. — 180, 133, 160, 167.
 Уинский остров — 133.
 Уин, р. — 120.
 Уинский мысок — 130.
 Уин, р. — 120, 139, 163, 164.
 Урал (Восток, Киргизский мысок) — раз-
 — 606.
 Урал, р. — 140.
 Урал (Ур), р. — 124.
 Ур, р. — 62, 63, 71, 33, 75.
 Урал, р. — 102.
 Урало, р. — 86.
 Урал, р. — 31, 31, 62, 64, 65, 68, 71,
 — 83, 203, 122, 147.
 Усть-Винский город — 95.
 Усть-Винторская крепость — 157.
 Усть-Ур, г. — 168.
 Усть-Уральская крепость — 173.
 Усть-Урал (Усть-Киргизский остров) —
 — 166.
 Усть-Уральская слобода (Цивильская
 слобода) — 61, 69—72.
 Утас, р. — 104, 102, 208.
 Утаситан (Чукотская) слобода — 103,
 — 108, 209.
 Утаситан остров — 178.
 Уфа, город в уезде — 98, 107, 108, 109.
 Уфа, р. — 61, 146.
 Уфа, р. — 143.
 Уф, р. — 201.
 Уфимское княжество — 131.
 Хайдурикан губа, см. Корезан.
 Халла — 268.
 Халл (Восток) — 103, 174.
 Халон, р. — 128, 147.
 Халонгора, см. Восток.
 Хром, р. — 120, 121.
 Хуанчжай монастырь — 2.
 Цапан, р. — 62, 68, 149.
 Цапан, г. — 128.
 Цандарский городок — 20.
 Цанская губа — 164.
 Цанский (Восток), р. — 120.
 Цанский остров — 129.
 Царский, г. в уезде — 41, 66, 69, 95,
 — 101—102.
 Царский остров — 178.
 Царский (Тюмень), р. — 61.
 Царский мысок (Восток) — 135, 136.
 Царский остров — 173.
 Царский город — 116, 119, 122.
 Царский губа — 81.
 Царский мысок — 99.
 Царь, р. — 57.
 Царь, р. — 102.

Чанга-Тура, г. — 150, 154.
 Чанга, р. — 62.
 Чанга, р. — 188.
 Чанга (Восток), р. — 108.
 Чангаитан мысок — 125, 128.
 Чангаитан остров — 128.
 Чанга, р. — 127.
 Чангаитан мысок — 80.
 Чанга, р. — 20.
 Чангаитан — 10, 24, 30, 155.
 Чангаитан мысок — 131, 168.
 Чангаитан полуостров — 163, 168.
 Чанга, р. — 127.
 Чангаитан, р. — 69, 70, 91, 96, 98, 100—
 — 102, 104, 108.
 Чангаитан слобода, см. Утаситан слоб.
 Чангаитан городок, Восток и Сло-
 — 101.
 Чангаитан мысок — 109.
 Чангаитан оз. — 83.
 Чанга, р. — 98.
 Чангаитан мысок — 120.
 Чанга, р. — 147.
 Чангаитан мысок (Восток) — 81.
 Чанга, р. — 123, 128, 138, 139, 164, 167.
 Чангаитан деревня — 31.
 Чанга-Буака (Восток), р. — 61.
 Чангаитан оз. — 103.
 Чангаитан остров — 171.
 Чанга, р. — 63, 21, 77.
 Чанга (Урал) — 109.
 Чанга, р. — 61, 64.
 Чангаитан мысок — 21, 83, 85.
 Чанга, (Восток) — 62—67, 72,
 — 78, 144, 146, 148, 151.
 Чанга, р. — 129.
 Чангаитан мысок (Восток) —
 — 102, 140.
 Чангаитан мысок — 164.
 Чанга, р. — 95, 98.
 Чангаитан, см. Халл.
 Чангаитан (Восток) Халл — 16,
 — 158, 169.
 Чанга, р. — 95, 102.
 Чангаитан городок — 90, 97.
 Чангаитан (Восток) остров, Восток
 — 78, 104, 156, 137, 128, 130,
 — 135, 140, 162, 164, 166, 169.
 Чанга, (Восток) полуостров — 81, 82.
 Чангаитан (Восток) остров — 126.
 Чанга, оз. — 157.
 Чангаитан крепость — 157, 172.
 Чанга (Восток), р. — 128, 102, 168.
 Чангаитан мысок — 115.
 Чангаитан — 174.
 Чанга, г. — 69.
 Чангаитан, г. — 104.
 Чангаитан — 172, *
 Чангаитан, мысок — 30.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	Ср.
ПРЕДИСЛОВИЕ	III—V
ОЧЕРК ПЕРВОЙ	
Вопрос о распространении русского подданства в Сибири в истори- ческой литературе	
I. Сибирское подданство	1
II. Главные центры в Сибирской историографии в XVII в.	26
ОЧЕРК ВТОРОЙ	
Пути в Сибирь в XVI—XVII в.	
I. Пути из Урала в XVI—XVII в.	41
II. Пути в Восточную Сибирь	110
ОЧЕРК ТРЕТИЙ	
Русские предания из Урала	143
Добывания и разрабки	123
Уральские географические названия и	193
Историческая карта Сибири	

ЗАПИСИ ПРОШЛОГО

ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. БАХРУШИНА и М. ЦЯВЛОВСКОГО.

Задача издания дать в легкой и занимательной форме изображение развития русской культуры и картину жизни и быта разных слоев русского народа в показаниих свидетелей и деятелей нашего прошлого.

Аур, Л. Среди музмантов	2 р. — к.
Брюсов, В. Из моей жизни. Воспоминания	2 р. — к.
Брюсов, В. Дневники 1891—1910.	2 р. 88 к.
Гершензон, М. Письма к брату	2 р. 80 к.
Григорьевич, Е. Зариски. Наброски из революционного движения 1905—1907 г.	1 р. 40 к.
Дендобристы на поселении. Из архива Якушиных.	2 р. — к.
Жемчужников, Л. От кадетского корпуса к Академии Художеств 1828—1852 г.	2 р. — к.
Жемчужников, Л. В хребтовой деревне. 1852—1855.	2 р. 80 к.
Кузминская, Т. А. (урожд. Верс). Моя жизнь дома и в Ясной Поляне в 3-х томах. С портретом. Цена каждого тома	2 р. — к.
Менделеева, А. Менделеев в жизни	2 р. 60 к.
Суклова, А. П. Годы близости с Достоевским. Дневник. Повесть. Письма	2 р. 50 к.
Толстая, С. А. Дневники, 1860—1871 гг.	2 р. 20 к.
Тютчева, А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник.	2 р. 80 к.
Толстой и Тургенев. Переписка.	1 р. 60 к.

ГОТОВЯТСЯ:

Толстая, С. А. Дневники. Частн 2-я и 3-я.

Тютчева, А. Ф. При дворе двух императоров. кн. 2-я.

Чичерин, Б. Н. Московский Университет. Воспоминания.

Шахматов, Е. А. Повесть о брате. Воспоминания об академике А. А. Шахматове.

Издательство М. и С. САБАШНИКОВЫХ

Москва, 9, Пятницкий б. 9, кв. 7. Тел. 5-34-10

В. ЖДАНОВ

ЛЮБОВЬ В ЖИЗНИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Молодость — Семейные сцены — Семейный распад.

По неопубликованным материалам. С иллюстрациями. В 2-х частях. Цена каждой части 2 рубль.

(Полностью)

Г. ЧУЛКОВ

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ ТЮТЧЕВА

Е. А. Дьячкова

С иллюстрациями. Цена 1 р. 20 к.

ГЕРШЕНЗОН, М.

ГРИБОДОВСКАЯ МОСКВА

Три тома. Цена 1 р. 10 к.

АНДРЕ ЗИГФРИД

АНГЛИЯ НАШИХ ДНЕЙ

Перевод с французского. 2 том. 100 стр.

Политические тенденции Англии в последние годы. — Англиканская церковь — Философия Фрэнсиса Бэконского — Промышленные революции и устойчивость английской империи. Вклад Англии в современную войну. — Политика социального страхования — Политическая ситуация — Общественное мнение. Уэльс и Франция.

Книжка представляет доступное изложение и всестороннее исследование французского общества под влиянием английских тенденций и взгляды автора во многих отношениях к себе объективные. Тем интереснее книга для нашего, коммунистически настроенного читателя, с точки зрения Англии за последние десятилетия. Не только в те годы достигают замечательного развития Англия и Франция, но особенно в настоящее время.

КАРТХИЛЬ, А.

ПОТЕРЯННАЯ ИМПЕРИЯ

Попытка захватить империю Индии. Попытка индийского национализма.— 1 р. 80 к.

ФОРСТЕР, Э.

ПОЕЗДКА В ИНДИЮ

История одного путешествия

Роман, интересный современному читателю и современная Индия. 7 р. 00 к.

Послевоенная Индия очень интересна романом, выходящим у нас на русском языке не только как прекрасный образец романа, но и как описание Индии. История одного путешествия в Индию и в Индию. История одного путешествия в Индию. История одного путешествия в Индию. История одного путешествия в Индию. История одного путешествия в Индию.

Новые экземпляры выданы бесплатно. Выдаются только по талону на номер 2 руб. не переносится на другие. Срок выдать может выдаться при заказе 1947, заказа.

ЦЕНА 2 РУБ.